Луч Фомальгаута

№ 9 · 2010

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

Луч Фомальгаута

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

№ 9 2010

Журнал создается силами людей с ограниченными возможностями здоровья при финансовой поддержке Департамента семейной и молодёжной политики города Москвы.

ИЗДАТЕЛЬ

АНО «Центр социокультурной анимации "Одухотворение"»

Адрес: 111398, Москва, ул.Лазо, д.12
Тел.: (499) 755-61-43, (926) 447-82-92
E-mail: info@oduhotvorenie.com
Сайт: www.oduhotvorenie.com

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ирина Позднякова: главный редактор
Татьяна Подгорная: корректор
Александр Ильин: комп. вёрстка, дизайн
Екатерина Зотова, Леонид Тарасов, Инна Тарасова: члены редколлегии

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ирины Поздняковой – с. 3, 11, 12, 13 18, 19, 20, 24, 108
Светланы Раткиной – с. 16, 21, 35, 36, 85 97, 105,
Надежды Государевой – с. 63, 64, 67 70, 77, 86, 89
Анастаси Косовой – с. 107

На обложке работы:
1-я с. – **С.Раткиной**
4-я с. – **Т.Дмитриевой**

АДРЕСА ДЛЯ ПИСЕМ

390026, Рязань, ул. 4-я линия, д.1, Территориальная организация №3 РОО ВОИ.

E-mail: fomalhaut77@mail.ru
Сайт: www.izdat-luch.ru

Фомальгаут – звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звёзд неба! Увидеть её во всём блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет от нас её истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, да и просто – о любом человеке, не нужно совершать далёкого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу – и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.

© ЦСА «Одухотворение», 2010

Выражаем глубокую благодарносмть за участие в распространении журнала и работу с авторами Ольге Зайкиной (г. Москва); Владимиру Опоке (г. Рязань); Андрею Цыпляеву (г. Новомичуринск, Рязанская обл.).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41382 от 28 июля 2010 г.

Здравствуйте, дорогие читатели!

Мы рады приветствовать вас на страницах очередного номера «Луча Фомальгаута».

Какова же будет атмосфера нашей встречи? Как произойдёт она на этот раз?

В поисках ответа я вспоминаю предыдущие номера нашего журнала и вижу, как менялись от номера к номеру его «лицо» и «голос». Первые номера сейчас кажутся по-детски наивными и мечтательными и, конечно, неумелыми. Этого не стоит стыдиться. Наверное, такова судьба любого нового начинания: с течением времени всё видится совсем другими глазами с высоты новых достижений.

Журнал развивался, «взрослел». Мы старались и стараемся включить в него как можно больше талантливых литературных произведений, живописных и графических работ, статей на актуальные темы.

У нас сложился дружный редакционный коллектив; есть и постоянные авторы, публикующие свои произведения в нашем журнале далеко не в первый раз. Например, Олеся Радушко появилась в нём как героиня статьи. А сейчас она предстанет перед вами не только как автор подборки новых стихов, но и как создатель альманаха «Поделитесь», объединившего её друзей – инвалидов и здоровых людей.

Уже публиковалась у нас и Тамара Мурунова из города Похвистнево Самар-

ской области. В этом номере – отрывок из её автобиографической книги. Нам кажется, что история, рассказанная Тамарой, заставляет задуматься о том, что такое дружба и любовь, как сохранить уважение и хорошие отношения между людьми.

Продолжается наше творческое сотрудничество с Александром Васильевичем Суворовым. На этот раз в журнале – подборка его стихов, посвященных памяти мамы…

«Луч Фомальгаута», как и его читатели, живёт в XXI веке, который просто немыслим без компьютеров и Всемирной сети. Не секрет, что для многих читателей «Луча» Интернет особенно важен и необходим, поскольку является наиболее доступным и удобным «окном в мир» для человека с ограниченными возможностями. Но многие психологи, медики, журналисты предупреждают нас о «подводных камнях», поджидающих людей, увлечённых компьютерами и виртуальным общением, часто пишут о психологической зависимости от компьютера. Мы не могли пройти мимо этой темы, и в этом номере журнала вы найдёте подборку статей, представляющих разные мнения о том, как же сочетается виртуальная реальность с нашей обычной жизнью.

А у нас самих появился интересный опыт совмещения общения в Интернете с подготовкой материалов номера. На нашем сайте http://www.izdat-luch.ru/ существует форум, среди разделов которого есть и «Литературная мастерская», где люди могут выкладывать свои произведения, обсуждать их, спрашивать совета, общими усилиями редактировать написанное… За год там появились интересные стихи, и рубрика «Мозаика» в этом номере журнала составлена по материалам «Литературной мастерской». Приглашаем наших читателей, у которых есть выход в Интернет, поддержать наше начинание и активнее участвовать в форумах.

Живы и другие ниточки нашего диалога с вами, дорогие читатели. От вас по-прежнему идут письма с отзывами на журнал, которым мы очень рады. Силами Татьяны Подгорной продолжается рубрика «Как слово наше отзовётся» – сочинения школьников по стихам поэтов-инвалидов.

Словом, журнал снова пришёл к вам, и мы надеемся, что встреча будет интересной и тёплой!

Ирина Позднякова,
главный редактор журнала

Дорогие читатели!

Мы продолжаем рубрику с сочинениями учащихся московских школ, написанными по стихам авторов-инвалидов. В этот номер вошли три отклика на стихотворение главного редактора «Луча Фомальгаута» Ирины Поздняковой.

Как это важно — быть САМИМ СОБОЙ

Ирина Позднякова

* * *

Как это важно – быть самим собой:
Не кутать душу покрывалом фальши,
Привычку лгать,
в насмешку над судьбой,
Отбросить, как ненужную, подальше.

Как это важно – знать наверняка,
Что слов слетевших
не поймут превратно,
Что не придётся строчкам дневника
Жалеть о том, чего не взять обратно.

Но мир не идеален. С клеветой,
С обидой, злобой –
встречусь не однажды.
И устою ли?.. Быть самим собой
Наперекор всему – как это важно!

Свои мысли, возникшие после чтения стихотворения

Ирина Позднякова в своём стихотворении затрагивает тему фальши.

Мысль автора прослеживается чётко: она против лжи. Я полностью согласна с её мнением – именно такого девиза стараюсь придерживаться в жизни. Многие люди очень часто пытаются показаться не теми, кем являются на самом деле. В конце концов они сами запутываются в себе и не могут понять себя настоящих. Как раз об этом автор размышляет в строчках:

…Что слов слетевших не поймут превратно,
Что не придётся строчкам дневника
Жалеть о том, чего не взять обратно.

Очень важно, как пишет И. Позднякова, в любой ситуации оставаться самим собой. Я считаю так же: не стоит в общении притворяться кем-то другим. Нужно всегда быть собой, выражать то, что ты думаешь, и тогда всё получится.

Ангелина И., 11-й класс

...Быть самим собой наперекор всему – как это важно!

Быть самим собой нелегко: не каждый способен на такое. В жизни много фальши, злобы, обиды, непонимания, и выжить в этих условиях очень тяжело.

Быть самим собой – большая ответственность: нужно иметь свою точку зрения, отстаивать её и отвечать за собственные поступки.

У меня есть знакомый, которому скажешь, что делать или куда идти, так он и поступит. У этого человека нет своего мнения. Его не будут уважать, он легко может стать соучастником преступления.

Каждый человек должен стремиться быть самим собой.

Максим С., 11-й класс

Каждый человек задумывается над тем, кем он хочет быть в этой жизни, кто он такой, зачем он здесь. На эти вопросы существует бесчисленное множество ответов, и все они разные, так как отражают индивидуальность. Но в нашем мире трудно отстоять своё мнение: зачастую нам навязывают чужое и не спрашивают, хотим ли мы в это верить.

Могу привести пример: очень редко можно встретить некурящего подростка, потому что ему сказали, что это круто, делает его взрослее, а ведь он мог бы стать спортсменом. И что в итоге? Он задушил свою карьеру собственными руками.

Автор стихотворения размышляет: «И устою ли?» Тот подросток не устоял, а ведь есть люди, которые бросили вызов обществу, не превратились в серую бесформенную массу, а стали лидерами, чьё призвание – придать этой массе «форму» и «раскрасить» её. Они не поддались влиянию толпы, не стали простыми животными, знающими только, как идти за вожаком.

Да, им было трудно, но они устояли, выдержали испытания, у них появились слава, авторитет, уважение и, что я считаю самым главным, – понимание. Не столь важно, получили ли они всё это при жизни или после смерти: главное – что остались самими собой.

Есть у меня друг, который тоже не устоял, поддался. Раньше у нас с ним были общие интересы, взгляды на жизнь. Мы взрослели, он начал курить, пить, вести себя вызывающе, а я остался самим собой, не пошёл за остальными.

Михаил К., 11-й класс

Материал подготовила
Татьяна ПОДГОРНАЯ

ОТЗЫВЫ на 8-й номер

Здравствуйте!

Сначала о своих чувствах, эмоциях и представлениях.

Вот такая возникает картинка: театр, где не на сцене, а прямо в зрительном зале вместе со слушателями сидят в разных местах те, кто наполнил журнал «Луч Фомальгаута», на мой взгляд, удивительно глубоким содержанием.

А на сцене – рояль и тихая музыка. Зал небольшой, оборудован так, что слышно всем, даже тем, кто слышит не очень хорошо.

Авторы начинают читать свои стихи. Аплодисментов нет. Все осмысливают услышанное и думают о себе, о своих близких, о том, что можно сделать, чтобы мы стали жить чуть лучше, чуть бережнее относиться друг к другу, чтобы научились отличать настоящее от мишуры, от суеты, от заедающей повседневности. И ещё лучше, если эта передача идет в прямой эфир. Кто-то же её услышит?

Спасибо вам, творцы журнала «Луч Фомальгаута»! Вы тоже паралимпийцы для тех, кто вас узнает, услышит и поймёт.

И вот какой парадокс: люди плохо видящие и слабослышащие могут открыть глаза тем, кто вроде бы в этом не нуждается. А на самом деле – ох, как нуждается! Наше прозрение всё равно приходит к нам, но часто это бывает уже поздним прозрением, когда жизнь прожита и изменить ничего нельзя. Так пусть оно придёт раньше и пусть нам поможет «Луч Фомальгаута»!

Не только стихи, но и проза, опубликованная в журнале, заслуживает пристального внимания. «Виражи судьбы» Саши Ильина тому пример. Больной беспомощный ребёнок попадает в интернат, который его принял, обогрел, обласкал. Именно там он перестал чувствовать себя больным и беспомощным, начал верить в себя, строить планы, здесь начались и его победы. Читаешь, и не верится, что есть такие мужественные люди. Он весь «в делах и в друзьях». У него есть, что поведать миру. Читайте.

Хороша статья Татьяны Подгорной о волонтёрстве. Мне кажется, что за волонтёрством большое будущее. Каждый нормальный человек, хотя

бы раз познавший, что это такое, начинает в первую очередь уважать себя, а это очень важно, чтобы не занижалась самооценка, неуверенность проходила, а желание помогать другим стало составной частью жизни. Так появляется «бескорыстное доверье и вольнодумная глубина».

Алла Зенина пробует себя в жанре короткой восточной прозы. Очень интересно. Такие зарисовки полезно было бы делать всем хотя бы иногда, в них заключён великий смысл бытия. Особенно мне понравились описания «Когда чувствуешь себя счастливой: После приступа боли» и «То, что вызывает горечь». Всё правда, всё точно, только надо прочитать и задуматься…

Вот резчик по дереву Александр Романов. Хочется воочию увидеть все его работы. А композиция «Ангел и бес» – точное представление о состоянии современного мира, где зла и черноты так много, что ангелу приходится очень непросто. И не сможет наш ангел помочь нам, если мы не будем помогать себе и друг другу.

Снова читаю стихи. Татьяна Подгорная. Она пишет давно, это уже сложившийся и человек, и поэт, у которого слова и мысли не расходятся с многочисленными делами. Но почитайте её стихи. Всегда между строк – грусть. Это грустит сердце, которое хочет большой и верной любви.

Хороши стихи «Бал у королевы» Виктора Кунашева – прямо на мотив «Рио-Риты», их так и хочется петь. У Ирины Мовчан большое будущее: стихи сильные и пронзительные. С ностальгическим удовольствием читала Николая Неганова и, конечно, Олесю Радушко. Буду ждать новых стихов и надеюсь не разочароваться.

Не забыл «Луч Фомальгаута» о детях и о весёлом и смешном. «Попугая Кешу» и «Маленького Жирафку» можно издавать отдельными книжками.

Спасибо, «Луч Фомальгаута»! Так держать!

Нелли Гайковна Барсегян,
учитель русского языка и литературы, г. Москва

Здравствуйте!

Получил восьмой номер «Луча Фомальгаута». Обрадовался, увидев там стихи и многих своих старых знакомых: кого-то знаю лично, кого-то – через других знакомых (например, Ирину Мовчан и Ирину Позднякову).

Из того, что пока успел прочитать, очень понравились стихи Татьяны Подгорной. Почти все они мне уже были известны, и почти все нравятся (меньше – «Жизнь и смерть, два близнеца…» и «Однажды я оказалась над пропастью…»). Потрясающее – про колокольный звон, замечательные – «Ты мне даришь стихи…», «Я живу, как дышу…», и еще хочется выделить «Вот еще один день…» – очень хорошее. Понравилась и статья про волонтёрство.

Хороши и стихи Ирины Мовчан: на мой взгляд, самые удачные в подборке – первое и третье. Она пишет лучше, чем несколько лет назад: появилось мастерство, которого, может быть, не хватало раньше. А интересными её стихи были и тогда, и сейчас: яркие, образные. Впрочем, это только моё мнение – я же не критик, анализировать не умею: нравится – не нравится, и всё.

С интересом прочитал статью Екатерины Зотовой об Александре Суворове. По-моему, замечательная (необычная, глубокая) статья о замечательном человеке.

Огромное спасибо вам за то, что ваш журнал (наш журнал!) написал обо мне, написал хорошо и опубликовал три моих стихотворения из сборника 2008 года. Мне это очень приятно; чувствую, что всё-таки и я живу не зря, что-то значу в этом мире.

С интересом прочитал заметки Ирины Поздняковой об астрономии, о том, как она и её друзья наблюдали в телескоп за Луной и планетами. Звёздное небо – я в детстве тоже любил читать об этом. К сожалению, только в детстве…

Мне также понравилось стихотворение Ирины Поздняковой о дневниках и размышления школьников об этих стихах, точнее, о проблемах, которые в них затрагиваются.

Владимир Калинченко,
г. Ростов-на-Дону

В новом «Луче» больше всего мне понравилось – буквально зацепило и потрясло: «Маленький жирафка» (очень добрая и светлая сказка для детей), история Тамары Черемновой про попугая Кешу (смеялся до потери пульса и моим знакомым детям она очень-очень понравилась!), очень глубокие стихи Ирины Мовчан, конечно, окончание повести Людмилы Андреевой, пронзительно-обнажённая «История одного дождя» Сергея Царапкина. Очень интересна статья Татьяны Подгорной «Волонтёрство расширяет горизонты» (как будто сам с ребятами рядом побывал и по душам поговорил – полностью влился и растворился в их жизнерадостной и весёлой компании! «Маргинал» – это вообще нечто – я наперёд знаю, что этот рассказ Валерия Белоножко будет читателями принят неоднозначно и посыплются упрёки типа «Ах, так об этом писать нельзя!» и т.д., но мне он чрезвычайно понравился.

«Виражи судьбы» моего друга Саши Ильина понравились, но я предвзятый в данном случае читатель. Во-первых, мы с ним давно и крепко дружим, а во-вторых, я всю эту историю знал ещё пять лет назад,

«Подвиг “Детской Вешалки”» меня просто потряс и весьма заинтриговал (я даже на сайт Александра Васильевича слазил и его сборник «Достоинство в склепе» скачал – сейчас читаю – не стихи – просто обнажённый нерв исстрадавшейся души! Очень верно Екатерина Зотова подобрала эпиграф к своему рассказу, – взяв строчку из песни В.Высоцкого: «Я из повиновения вышел…»). Вообще очень сильный и интересный номер получился — слабеньких «проходных» материалов, в нём попросту нет.

Андрей Цыпляев,
г. Новомичуринск, Рязанская обл.

Впечатления от восьмого номера «Луча».

Статья Ирины Поздняковой «Астрономия для друзей» – лёгкая, интересная.

Следом статья Екатерины Зотовой об А.В. Суворове, знаменитом слепоглухом психологе, писателе и поэте, – резкий перелом – я в удивлении и даже пытаюсь себя представить на его месте. Ужас! Я мало что знаю о подобных людях, хотя мне давно интересно узнать: как же они ощущают окружающее их пространство? В нашем интернате есть слепой Николай Иванович – ходит сам везде, и в буфет, и по переходам из одного корпуса в другой. Была ещё раньше Света – тоже слепая и тоже самостоятельная. Даже во дворе наши слепые гуляли сами по себе, без сопровождения. Рядом с нашим интернатом есть интернат для слепых, но о нём я знаю лишь понаслышке. Раньше, до моего приезда в интернат, наши туда на дискотеки ходили. Подруга у меня есть глухая – Лена. Виделись, правда, раз в жизни, не понравился ей наш интернат. Весь вечер проболтали: она по губам читала и бумагой пользовалась – пару тетрадей исписали. Теперь общаемся СМС-ками. Иногда она звонит и спрашивает: «Олеся, ты куда пропала?». Голос как механический – без интонации – голос глухого человека. Мы общаемся уже года три. Я порой забываю, что она не слышит, что-нибудь предлагаю ей (из того, что самой интересно) прислать послушать – как-то забываешь, что человек отличается от тебя…

Но вернёмся к Суворову. Чтобы его лучше понять, нашла все-таки в сети его сайт. Кое-что скопировала, скачала, читаю в ноутбуке (у меня нет безлимитного Интернета). Поняла его намного больше. Интересно и уже не так ужасно. А сначала прочла и ужаснулась – слепоглухой выходил на улицы Москвы один, без сопровождения! Даже забыла, что слепые пользуются тростью. Стихи Суворова – замечательные! Хочется их почитать не спеша. «Разрешить себе кричать» – интересное выражение. Я, наверное, тоже кричу в стихах. Мне уже говорили (в разное время) мои друзья Ира и Володя – посмотреть в Сети его стихи. Искала на Стихи.ру, но не нашла: плохо разбираюсь в многообразной Сети. Изучаю понемногу и больше по надобности. Когда что-то надо – станешь искать и в большинстве случаев находишь: методом тыка и большим желанием.

Дальше «Маргинал» Валерия Белоножко – произведение о жизни человека, прикованного к коляске, его своеобразная жизнь и мировоззрение. На мой взгляд, написано не очень профессионально. Могу и ошибаться, но конец мне кажется смазанным. Но жизнь у каждого своя и свои личные взгляды на неё. Главное – откровенно. Не люблю вычурных выражений. Но чужой лексикон на то и чужой – необычный, непривычный, «режет слух». Но имеет право на жизнь!

«Виражи судьбы» Саши Ильина – прочитав, чуть не заплакала, не знаю почему, именно в конце статьи. Написано здорово! Интересно и к тому же о нём самом. Как же мы мало знаем друг о друге…

Рассуждения о стихотворении «Дневники» Иры Поздняковой – жестковаты, на мой взгляд. Выводы – бррр. Есть же и хорошее в мире! И люди добрые и отзывчивые. Сама я не пишу дневников – нет на них времени. Пыталась раньше, но тогда нет времени на другое.

Поразил материал про слепого резчика по дереву – Александра Романова. Красивые фигуры и названия.

Очень понравились стихи Татьяны Подгорной. Чистые, светлые, открытые – как ручейки, бегущие с языка. И на фото сама она симпатичная и добрая! Светлая! После чтения поднялось настроение и повысилось низкое давление.

Близко душе «Джуйхицу» Аллы Зениной. Схоже с моим миром.

«История одного дождя» Сергея Царапкина не понравилась. Больно.

С большим интересом всегда читала повесть Людмилы Андреевой «Когда уходишь ты». Прочесть бы где-то её всю полностью сразу. Жизненно очень. Грустно. Серьёзно. Такие произведения берут за душу, переворачивают наизнанку. И всё это близко мне самой…

Из «Мозаики» понравились первые авторы – Артем Камилов, Игорь Коростов, Виктор Кунашев и Ирина Мовчан. Рада, что и мои стихи опять увидели свет…

Интересна Тамара Черемнова – её «Попугай Кеша» удивил и рассмешил…

Сказка Натальи Юрпаш «Маленький Жирафка» – по персонажам необычна.

В целом номер мне очень-очень понравился!!! Молодцы, ребята!

Олеся Радушко,
г. Кемерово

Здравствуйте, Ирина!

Здравствуйте, милые, добрые люди, силами и стараниями которых издается этот чудо-журнал! С огромным дружеским приветом к вам Ирина Бочарова. Глубоко извиняюсь за то, что никак не могла собраться написать вам письмо, хотя получила уже пять (!) номеров «Лучика». Спасибо огромное за труд, за тепло ваших сердец, за стремление помочь людям с ограниченными возможностями, к коим отношусь и я. Здорово, что вы есть! Столько друзей сразу обрела (не побоюсь этого слова). Последний журнал (№ 8) прочла на одном дыхании. Соскучилась очень. И сказала себе: «Надо писать! Сердце просит! В сторону все дела и болячки!»

Впечатлений масса! Особенно хочу отметить «Подвиг Детской Вешалки» Екатерины Зотовой. Потрясающе! Саша, Вы – чудо! Посудите сами – достигли таких успехов, которых достигают далеко не каждый человек, имея даже отменное здоровье. То ли стремления нет, то ли не настолько умны – причины разные. А дети как к Вам тянутся! Уж их-то трудно обмануть! Они хорошего человека за версту чуют. Низкий Вам поклон, всего наилучшего – оптимизма, бодрости духа, друзей надёжных и преданных!

Многое ещё хочется написать. Хочется каждому сказать СПАСИБО ОГРОМНОЕ за творчество: Алле Зениной, Саше Ильину, Татья-

не Подгорной… «Луч Фомальгаута» осветил мою жизнь, а значит, светлее станет моя дорога. Точнее, уже стала.

Своё стихотворение я адресую вам, дорогие создатели журнала. Желаю всем вам успехов в вашей работе, вдохновения, здоровья, а также новых авторов – друзей журнала и наших общих друзей.

* * *

Ирине Поздняковой
и всем создателям журнала

Ты для меня свершила чудо,
Открыв мне новую звезду!
Теперь с огромным нетерпеньем
«Луч Фомальгаута» я жду.

Он, жаль, приходит очень редко.
Его читать бы без конца!
Я жду его – большого друга,
Советчика и мудреца.

Чем дольше длится ожиданье,
Тем встреча будет горячей!
А на столе моём журналы –
Пять Фомальгаута лучей!

С уважением, Ирина Богарова,
г. Усть-Донецк, Ростовская обл.

Олеся Радушко из г. Кемерево – давний друг нашего журнала. На его страницах не раз появлялись ее стихи – живые и искренние, ищущие ответы на вечные вопросы человеческого бытия… Нашему коллективу очень приятно общаться с Олесей – человеком думающим, стремящимся к самосовершенствованию, не боящимся признать собственные слабости и постепенно преодолевающим их, развиваясь духовно и взрослея как поэт. Нам кажется, эта подборка стихов – лучшее тому подтверждение.

Олеся Радушко

Дух осени

Легкие жёлтые, красные, бурые,
Листья с деревьев летят в никуда…
Утро туманное, серое, хмурое –
Вдруг превращается в сказочный зал.

Выйдешь из дома – и под ноги, под ноги –
Сыплется золото, сыплется свет…
Ахнешь! Подумаешь – Господи!! Сколько их?! –
Краше тебя нет, Россеюшка, нет!

Устланы травы ковром позолоченным.
В лужах твои золотые дары…
Всё нам – бессовестным – под ноги брошено…
Очи открой и к природе прильни.

Душу омой красотой первозданною –
В сердце любовь и надежду прими…
Жить пожелай с верой в Бога и правдою,
Чтоб вечный мир на земле обрести.

Осенняя пора

И дождь, и снег –
Всё в осени красиво –
Унылый лес
И злата переливы…

А воздух – свеж!
А запахи – из рая!
Цветов не режь –
Пускай в огне сгорают…

А кроны вдруг –
Как нимбом осияло!
Небесный свет
С земным перемешало!

Так ярок он –
Нет силы – оторваться!
Нет сил – домой
Невмочь мне возвращаться…

А неба синь –
Синее голубики!
Глаза закинь –
Утонешь и проникнешь!

И как назад,
На грешные просторы?
С небес упасть
В объятья косогора…

Ступать босой
По тропам и по лужам,
В воде льдяной
Былиночки закружат…

Стоят грибы
И костяники гроздья
В лесу – бери –
Сегодня я здесь гостья!

Иду вперёд:
Душа открыта раю,
Свою любовь
Природе изливая…

В полей озимь
Ступаю, босонога,
И – в бег. (Лети,
Душа, домой – до Бога!)

А я вперёд –
Бескрайности навстречу…
Земной полёт –
Он так недолговечен.

Рябины куст –
И заросли – калины…
Я к ним вернусь
За ягодой… с повинной!

Эх, мама – Русь!
Осеннею порою
Мне даришь чувств
Рожденье молодое!

Стою, в Тебя
Душою окунувшись, –
Россия! Русь!
Дай Бог тебе проснуться!

Октябрь

Замерзают лужи,
А вчера был дождь…
Ветер мусор кружит…
По деревьям дрожь –

Падают листочки,
Оголяя ствол,
Чтоб весною почки…
На земле – ковёр…

Рыжие осины,
Золото берёз…
На дорогах – глина
И следы колёс.

Лапками рябина
Устилает пол,
Голос журавлиный
Опечалит дол…

Слякоть и промозглость,
Завтра будет снег…
Золотая осень
Свой кончает век.

* * *

Мне лучше музыки любой –
Дождя осеннего напевы…
Мне ливень вальс сыграет свой
И успокоит злые нервы.

Душа уляжется на дно –
Отпустит в сердце струны-вены…
Дух напитается вином –
Небесным кислородом… хлебом…

И будет вновь существовать
И биться в теле – жизни жилка!
Смеяться! Петь и ликовать!
Дерзая жить и верить пылко!

* * *

Кто говорит, что жить легко на свете?
Кто не знаком с печалью и тоской,
Когда в душе визжит и режет ветер
И душу рвут рыдания рекой?

Я говорю вам – это неизбежно:
Никто не застрахован от потерь.
Вновь руки опускаешь, но, как прежде,
Душа твоя утешится, поверь!

Пройдёт час испытания и муки –
Ты лишь его достойно пронеси!
Стерпи, смолчи – отчаянье отпустит,
Поверь мне, друг! И новый мир прими.

Прими с надеждой, лучшему навстречу
Открой себя и руку протяни.
Я знаю: наша жизнь – она не вечна,
Её – как есть – любую полюби!

Безногую, безрукую, хромую,
Измученную телом и душой…
Она живёт и гневно протестует:
«Хочу я жить! Хочу я жить с тобой!

И что с того, что ты не идеален?
Что у тебя проблем не мерен край?
Они лишь душу закаляют сталью.
А счастье вновь накатит. Так и знай!»

В четвёртом номере нашего журнала вы, дорогие читатели, впервые познакомились с Олесей Радушко из города Кемерово. История нашего знакомства служит примером того, как странно иногда случай играет людьми, сводя их вместе. Статья об Олесе была… на обрывке кемеровской областной газеты, который какими-то судьбами занесло в Рязань. И там, в этой статье, после рассказа о девушке, пишущей стихи, оказался адрес для связи.

ПОДЕЛИТЕСЬ
творчеством и любовью

(Олеся Радушко и её альманах)

Мы с Олесей начали переписываться. Её стихи появлялись в журнале, мы помогли издать её книжку… Но самое главное – мы стали общаться.. За годы переписки, а позже – общения по мобильному телефону и Интернету — мы многое узнали друг о друге.

Олеся считает себя жертвой чернобыльской трагедии – как рассказывали её родители, гостя у бабушки в белорусском городе Пинске, двухлетняя девочка попала под радиоактивный дождь… Сейчас Олеся почти обездвижена, немного работают лишь руки. Писать и перелистывать страницы книг она приспособилась лёжа на боку, с помощью ручки, прикреплённой к проволоке. Получилось освоить и современные чудеса техники – мобильный телефон и компьютер.

Уже несколько лет Олеся живет в Кемеровском доме-интернате для инвалидов. Как правило, люди всеми силами стараются не попасть в подобные учреждения, а Олеся пошла туда сама и о своём выборе не жалеет. Считает, что этот поступок дал ей шанс жить более полноценной жизнью. Дома круг её общения был крайне ограничен, а в интернате она получила возможность даже по мере сил участвовать в общественной деятельности, реализуя свой творческий потенциал.

Казалось бы, что может человек, который даже на коляске сидит всего несколько часов в день, а остальное время – лежит? А вот Олеся, несмотря на это, умудрилась… организовать ансамбль самодеятельности и даже сама петь в нём. Конечно, идея – не только Олесина, но и её друзей – Димы Наумченко и Наташи Семченко (как и Олеся, они колясочники, но более самостоятельные). Все трое оставались неизменными в составе (другие люди приходили и уходили). Назвали коллектив «Смелые ребята». Стали готовить выступления к праздникам для своих же соседей по интернату. В репертуаре – популярные песни под караоке, стихи – и собственного сочинения, и чужие… Сейчас выступать стали реже. Диму и Наташу пригласили в городской ансамбль инвалидов «Созвучие», и теперь ребята осваивают новые сценические площадки.

Довольно давно появилась у Олеси и другая идея – выпуск собственного издания, на страницах которого люди с инвалидностью, и не только они, могли бы делиться своим творчеством. Как призналась мне сама Олеся, это мысль возникла у неё как раз после знакомства с «Лучом Фомальгаута». Ей захотелось сделать что-то похожее – «для того, чтобы вносить в мир, в окружающее немного радости и света… отвлечь человека от суеты и проблем, облегчить душу… помочь подняться духом… развивать и как-то помогать увидеть друг друга другими глазами» (цитирую слова Олеси из электронной переписки). А реальная возможность её осуществить появилась около двух лет назад, когда Олесе подарили компьютер.

Надо сказать, что после той статьи в кемеровской газете, с которой началось наше знакомство, у Олеси появилось множество друзей со всей России. Многие люди от чистого сердца помогают ей… И вот, силами двух Олесиных подруг – Татьяны Громовой (г. Москва) и Ольги Гуляевой (г. Кемерово) – в Интернете был организован сбор средств на приобретение ноутбука, который купили в Москве (там он стоил дешевле) и привезли Олесе. А она, едва освоив набор текста, начала составлять подборку первого номера скромного самиздатовского листка в несколько печатных страниц. Это издание имело гордое и одновременно нестандартное и искреннее, запоминающиеся название – альманах «Поделитесь!». Вот такой призыв – и к авторам, и к читателям.

На момент написания этой статьи (январь 2010 года) ребята выпустили семнадцать номеров. Набранный на компьютере текст сначала распечатывали на принтере сотрудники интерната. Сейчас это делается не всегда, но Олеся рассылает файл по электронной почте друзьям и параллельно выкладывает в Интернете на своей страничке: http://www.stihi.ru/avtor/radushko. На страницах «Поделитесь!» публикуются и «Смелые ребята» – Олеся, Дима и Наташа, и другие жители интерната, а также друзья и знакомые Олеси из разных городов. Среди них есть и здоровые люди. Кроме того, Олеся старается писать в альманахе о событиях в интернате, давать информацию о духовной жизни – ведь она верующий человек.

Конечно, это всего лишь самиздат, и произведения в нём крайне неоднородны по уровню литературного мастерства. Примитивно и само исполнение – Олеся набирает тексты палочкой, лёжа на боку, красиво оформить страницу в Ворде ей трудно. Но вызывает глубокое уважение сама попытка вместе делать что-то доброе и светлое, даже если сил хватает не на многое. На страничке Олеси в Интернете есть благодарные отзывы от читателей альманаха.

Мне остаётся только присоединиться к словам, завершающим выпуск за январь 2010 года:

«К большому сожалению, не подаришь каждому подарок, а хочется порой одарить многих – просто так. Оказать внимание… не всем и близким удается временами что-нибудь подарить, но… есть слова и речь, которые могут многое дать – особенно они помогут выразить благодарность и уважение! Вот я и хочу выразить, на страницах своего листка, благодарность всем участникам альманаха за предоставленные материалы! За прекрасные произведения, за душу выложенную на страницах альманаха! Спасибо, друзья! Без вас его бы не было! Пишите и дальше! Творите! Делитесь! И надеюсь, что в новом 2010 году выйдет еще не один номер альманаха! Помоги нам Бог!»

А читателям «Луча» мы предлагаем подборку материалов, опубликованных в «Поделитесь!».

Ирина ПОЗДНЯКОВА

Подборка авторов альманаха «ПОДЕЛИТЕСЬ»

Наталья Усанова

ДИКАЯ

Мы терпели эту дикую яблоню долго и раз решили наконец её спилить – так это наше право. Её, по совести говоря, никто не просил вырастать на частном огороде. А она выросла. Да ещё получилась кривая, как кочерга, – ствол её вылез на свет из-под бывшей поленницы. Посередине он лихо загнулся под углом ровнёхонько в девяносто градусов. Вся крона привольно раскинулась над лучшей картофельной плантацией. Крона у яблони была многообещающая. Только в ожидании столь же обильных плодов мы позволяли дереву расти. Но плоды не появлялись уже который год.

В первый же тёплый день я вооружилась пилой и направилась к яблоне. Она выглядела жалко. Ствол был весь мокрый, будто даже слезился возле сучков. Кора облезала клочьями. На почки не было даже намёка, хотя по всему селу деревья уже опушились листьями. Я постояла-постояла с пилой, да и ушла. Зачем тратить силы? Сама засохнет.

Но яблоня оказалась упрямой. Как-то незаметно, за несколько дней, она зазеленела. Пока я добиралась до неё, появились почки, и яблоня впервые зацвела.

Народный суд в двух лицах – моём и Тимкином – вынес снисходительный вердикт: яблоне даётся испытательный срок. Если в течение года она снабжает нас количеством яблок, достаточным на пять литров компота, мы признаём её садовой культурой и начинаем обхаживать. Иначе – смертная казнь без права на помилование.

Яблоня, кажется, поняла, что намерения у нас серьёзные. Она цвела старательно.

В июле завязались яблочки. Я начала потирать руки и даже купила в «Универсаме» пятикилограммовый пакет дешёвого сахара. Тимка начал курсировать вокруг дерева ещё в начале августа, невзирая на мой строжайший запрет: зеленцы не есть.

Я уже начала подумывать, что яблоню можно будет привить. А что – позвать Рыжова, он в этом разбирается. Он, говорят, даже сливу плодоносить заставил. В нашей-то холодрыге.

На время я отвлеклась от грандиозных планов – в конце лета особенно некогда раздумываться.

Как-то я шла около яблони, подняла голову – батюшки мои! Яблоня одурела! На каждой ветке наливалось по десять, по пятнадцать зелёных шариков… Они росли почти кистями – как смородина. Каждый – размером с хороший кукиш… Я никогда такого не видела.

Подошёл Тимка.

– Много? Ведь очень много, да?

И облизнулся.

Тимка явно желал в очередной раз продегустировать яблоки. Я сорвала яблоко покрупнее и разрезала пополам. Семечки были ещё беловатые, но на вкус фрукт оказался вполне приличный.

– На днях будем первый урожай снимать!

Мы единогласно постановили: яблоню признаём своей. Тимка геройски посулился ежевечерне поливать её в следующем году. Я заявила, что завтра же схожу к Рыжову и наведу справки насчёт прививки.

Перед сном я не удержалась, и ещё раз подошла к дереву. Я осторожно положила руку на кору. Подул ветер. Яблоня заворковала мягким стукотком. Это яблоки ударялись друг о друга. Дерево не могло шелестеть – листьев на нём почти не было. Яблоки – сплошняком…

Я пощекотала яблоню у изгиба – так щекочут за ухом кошек. «Теперь ты домашняя. Мы тебя приручили», – умиротворённо подумала я.

* * *

– Мам, яблоня!

– Что яблоня?

– Всё.

Тимка потянул меня за руку в огород.

– Да погоди ты, – я вытерла руки о фартук. – Ну, теперь пошли.

Там, где вчера стояла яблоня-кочерга, свечкой высился прямой обломок. У наших ног лежала крона. Вместе с яблоками. Они оказались слишком тяжёлыми.

Тимка дёрнул меня за рукав:

– Чего с ней делать?

– Иди за корзиной, – распорядилась я. – Там, в коридоре, на диване, знаешь.

А потом мы, присев на корточки, воровато складывали в корзину урожай. Она наполнилась быстро. Тимка сбегал ещё за ведром, потом за вторым…

Сегодня вечером буду варить компот. Какие там пять – все пятнадцать литров выйдет. Только не по себе мне как-то брать в руки эти яблоки. Твёрдые они, холодные. Хотя ведь яблоки – они всегда такие, правда?

* * *

Деревья даже вечером цветут.
Вся улица – в доверчиво-зел¸ ном.
Я тоже осторожно прорасту
Чуть клейкими листочками в бутонах.
Взгляну на хитрый солнечный прищур,
Подумаю: «Как славно жить на свете!»
Пойду во двор. И корни там пущу.
Перед твоим окошком, что на третьем.

Осенние стихи

Месяц вересень, и ночами,
Если только это не снится,
Землю будто слегка качает,
А в домах скрипят половицы.

Кто шевелит под нами Землю?
Тот, кто держит е¸ , как крышу.
Может, осенью сам он дремлет
И неровно, рывками, дышит.

Или хочет он нам напомнить
О себе, навсегда забытом.
Он же старый, а груз огромный –
Подержи-ка с радикулитом…

Листопад

Откуда столько перьев на траве?
Над нами бьются ж¸ лтые жар-птицы.
Их крылья то и дело застят свет:
Уж если биться, насмерть нужно биться.

Конечно, если бой, то будет кровь.
Когтями птицы в бок друг друга колют.
На ж¸ лтых перьях – красное перо,
Пропитанное капельками боли.

Люди – они хорошие…

Люди – они хорошие.
Их просто недолюбили,
И они обросли, заброшенные,
Порядочным слоем пыли.

Мы слабые, будто выжатые,
Мы говорим сквозь зубы.
Какие там чувства к ближнему –
Себя-то – и то не любим.

Но даже самый затасканный,
Пропившийся человечек
Верит, что кто-то ласково
Ему вдруг расправит плечи.

Дмитрий Наумченко

Ты подарила мне рассвет

Ты подарила мне рассвет,
И я тебя благодарю!
Ты подарила мне любовь
И жизни новую зарю…

Поверь мне – сбудутся мечты!
Исчезнет боль, уйд¸ т и страх.
И будем вечно вместе мы –
И на земле, и в небесах.

Ирина Петрухина

* * *

Посвящается друзьям

Кто страданье людей понимает,
Кто умеет страданье – делить,
Кто от чистого сердца прощает –
Тот действительно может любить!

Евгений Кузьминых

Я хотел бы…

Мои руки и ноги слабеют,
В каждой клетке незваная боль.
Что же дальше? От страха робею.
Что же дальше дано мне Судьбой?

Мне так хочется бегать и прыгать!
И по полю бы мяч погонять,
А еще покататься на лыжах
Да с друзьями в хоккей поиграть!

А еще бы на санках да с горки,
Так, чтоб ветер в ушах засвистел!
И за косы девчонок подергать
Я бы тоже немножко хотел.

Я хотел босиком бы по лужам
Пробежаться под теплым дожд¸ м!
А ещ¸ быть полезным и нужным
Той стране, где когда-то рожд¸ н!

Душа и тело

Я как разбитое корыто –
Вс¸ тело немощью горит.
Врачи сказали: «Карта бита!» –
И были, кажется, правы.

Но тут душа забастовала:
Мол, что за шуточки, дружок?!
Я не по адресу попала?
Теперь испытываю шок!

В партн¸ ры прочили атлета,
А ты всего лишь – инвалид!
Кому мне призывать к ответу
За свой довольно жалкий вид?

Мечтала покорять вершины
Я, в бренном теле возродясь,
А что теперь? Вся слава мимо?!
Лицом я угодила в грязь!

О горе, горе мне, несчастной,
В печали дни свои влачить!
Судьбы нет более ужасной,
Чем в беззащитном теле жить!

Она рыдала и стонала,
Но толку что? Крути-верти,
Коль не по адресу попала,
Сполна за это заплати!

Стремилась ты к карьере зв¸ здной,
А вляпалась как кур в ощип.
Судьбу оплакиваешь поздно,
Теперь сиди и не ропщи.

Смирись, коль Богу так угодно,
Пройди и выстой, и не плачь!
Пусть ближе смерть, но год за годом
Среди сомнений, неудач

Смотри впер¸ д с надеждой, смело,
Живи – без злобы, не греша!
Я знаю, чем слабее тело,
Тем ты сильней, моя душа!

Без тебя

Без тебя ясный день потеряет рассвет,
Бесконечная ночь вс¸ окутает тьмой,
Без тебя на десятки, на тысячи лет
Лето жаркое станет холодной зимой.

Без тебя не распустятся больше цветы,
И Луна над Земл¸ й станет призраком лжи,
Без тебя распадутся во мраке мечты
И останутся в памяти лишь миражи.

Наталья Толок

* * *

Рушились седьмые небеса,
Обдавая яркой зв, здной пылью.
Руки, плечи, губы и глаза
Из мечты внезапно стали былью.

Сколько было сломано преград –
Тяжких, грубых, непреодолимых,
Их размыл искристый водопад
Твоих слов – неверных, но любимых.

Счастье мощно било через край,
Преданность и верность бесконечны,
Мне казалось – я попала в рай,
Оказалось – в ледяную вечность.

Я хочу, чтобы моя душа
Открывалась осторожно свету,
Не лукавствуя и не спеша,
Наслаждалась мудрым бы советом,

Я хочу искать и познавать,
Упиваясь влагой вечных мыслей,
Словно хрупкий ларчик, наполнять
Жизнь свою неугасимым смыслом.

* * *

Не бойтесь позитивных перемен,
Наполненных прозрачно-чистым смыслом,
И ничего не требуйте взамен
Оставленного в прошлом – даже в мыслях.

Не уставайте тех благодарить,
Кто протянул вам дружественно руку,
Пускай сейчас им нечего дарить,
Добро – оно всегда ид, т по кругу,

Умейте делать и умейте ждать:
Порой и ожидание – искусство,
Не получилось – вновь и вновь, опять,
И лишь тогда в душе возникнет чувство,

Что извлеч, н полезнейший урок,
Что пройдена тобою не напрасно
Одна из многочисленных дорог,
Ведущая к покою, миру, счастью!

Наталья Семченко

Сказка о весёлом гномике

В далёкой-далёкой стране Весёлогномии (она называлась так потому, что её населяло множество весёлых гномиков) жил-был гномик, которого звали Капелькин. Он был очень жизнерадостным, и поэтому жители страны часто рано поутру могли видеть его напевающим себе под нос мотивчик какой-то весёлой песенки или под треньканье звонких бубенцов на своём колпаке (которые его очень смешили!) со смехом бегающим вокруг своего маленького дома.

Устав, гномик заходил в дом, чтобы немного отдохнуть. А там всё было необычайно красиво: посреди комнаты стояла крохотная кроватка, покрытая белоснежным кружевным покрывалом и убранная множеством подушечек, расшитых диковинными узорами; поодаль стоял трельяж, заставленный керамическими фигурками животных, которых Капелькин очень любил; завершал обстановку стол с кухонными принадлежностями на нём и маленьким старинным канделябром с несколькими подсвечниками…

Вот так и жил Капелькин, с необыкновенной радостью встречая каждый новый рассвет, трудясь, когда позволяла погода, в небольшом огородике и заготавливая себе на зиму овощи. И всё бы хорошо, да только стал замечать Капелькин неладное: запечалился что-то народ, всё реже на лицах гномиков стала появляться улыбка, всё злее становилось выражение их глаз…

И вот однажды, выйдя из дома на утреннюю пробежку, Капелькин заметил, как два гномика из соседних домов молотили друг друга палками и осыпали ругательствами. Ужаснулся Капелькин, подбежал, спросил:

– Что случилось?

– Он разбил миску моей собаки, – ответил один.

– Твоя проклятая собака сама её разбила, – кричал другой, – а ты не хочешь этого признать! Тебе денег жалко на новую миску, и ты хочешь у меня их взять!

– Как бы не так! – шипел первый, не переставая орудовать палкой.

«Что же делать?» – думал Капелькин, пытаясь их разнять. Наконец, придумав, Капелькин побежал в магазин, там купил миску и вернулся обратно. Отдав одному миску, он кое-как успокоил другого.

Гномик вернулся домой и в раздумьях ходил весь остаток дня. Только поздней ночью он забылся глубоким сном.

Следующий день был точной копией предыдущего, только намного больше стало рассвирепевших, орущих друг на друга гномиков. И так дни пошли за днями, недели – за неделями; Капелькин уже ничего не мог поделать и лишь с замирающим сердцем, с красными от слёз глазами наблюдал за суетой и разрухой, которую творили сами гномики. И вот надоело Капелькину сидеть сложа руки, решил он поискать заплутавшее добро, покинувшее их страну.

Собрался Капелькин в дорогу, взяв с собою лишь баклагу воды и каравай хлеба да старый меч, забытый кем-то в заброшенном хлеву, и тот же час пустился в путь.

Долго ли, коротко ли шёл гномик по лесам и долам, и вот начало смеркаться. Капелькин устал, выбрал дерево пораскидистей, свернулся калачиком и уснул под ним.

Приходит к нему во сне дева невиданной красоты и молвит: «Знаю я твою печаль, но только трудно тебе будет, нелёгкую взял ты на себя задачу и можешь надеяться лишь на выносливость и удачу! Идёшь ты в верном направлении и вскоре увидишь реки ты течение, и коль покажешь ты своё стремление и хватит у тебя умения ту реку переплыть – вернёшь народу ты добро и никогда уж не покинет их оно».

Сказала так прекрасная дева и исчезла. Проснулся гномик и сказал сам себе: «Я сделаю всё возможное и даже невозможное, во что бы то ни стало спасу свою страну и свой народ!»

А над головой гномика светило солнце, согревая его своими ласковыми лучами, и весело щебетали маленькие пташки, словно стараясь подбодрить Капелькина. Долго-долго шёл гномик, уж стала кончаться вода в баклаге, был съеден последний остаток хлеба, и, вот беда, солнце, которое так бережно грело, теперь нещадно палило… Чем дальше шёл гномик, тем беспощаднее становилось солнце, он падал, измученный жаждой, но упрямо вставал и шёл дальше.

И когда у него почти не осталось сил, он вдруг увидел реку и, подойдя к ней, припал губами к воде. Но вода оказалась нестерпимо горячей, и что-то огромное, такое чёрное и страшное, похожее на дождевую тучу, с громким рыком вынырнуло оттуда.

– Кто посмел нарушить покой в моих владениях?! – злобно, капая зелёной слюной, прорычало Чудовище.

– Я! – смело сказал Капелькин, у которого вновь появились силы.

– Ты?! – с трудом разглядев гномика, удивилось Чудовище. – Да я тебя сейчас растопчу!!! – и с этими словами Чудовище вынуло из воды свою исполинскую лапищу, один коготь которой был раз в десять больше Капелькина.

– Не спеши!- ловко увёртываясь от неё, прокричал Капелькин.

– Ха-ха! Какой смелый! – усмехнулось Чудовище. – Ты один такой остался в своей Весёлогномии, а я уж думал, что на славу потрудился! Ошибочка вышла, ну ничего! Уж с такой мелюзгой, как ты, я справлюсь!

– Так, значит, это ты довёл наш народ до такого?! – краснея от гнева, произнёс Капелькин.

– Нет ничего лучше, чем наблюдать, как ваш народец становится таким же, как я! И к тому же, чем больше я забираю добра, улыбок, смеха и веселья, тем сильнее становится моё величество! – злобно усмехнулось Чудовище.

Не в силах выдержать подобных речей, Капелькин изловчился, подпрыгнул и пребольно ткнул маленьким мечом наглеца прямо в торчащую из воды лапищу. Чудовище отвратительно взвизгнуло и в ответ так ударило смелого гномика, что тот кубарем покатился по земле, но тут же вскочил и с новой силой ринулся на Чудовище. Но даже теперь доброта гномика дала о себе знать, он остановился и спросил:

– А, может, ты отдашь мне украденное и я оставлю тебя? И ты, может быть, со временем научишься жить со всеми в мире и согласии? – с надеждой в голосе добавил Капелькин.

– Возьмёшь, если сможешь! А сам я тебе его не отдам! – зло заскрежетав зубами, ответило Чудовище, и их неравная битва вновь продолжилась. Неизвестно, остался бы жив Капелькин или нет, но тут подул ветер и поднял гномика на один уровень с Чудовищем. Капелькин попал чудовищу в глаз, и его, скорчившегося от боли, отнесло на другой берег реки. Оно силилось встать, но не могло, так как запуталось в густых ветках дерева, которое стояло на берегу. Изрыгая проклятия, Чудовище барахталось в них, ещё больше запутываясь, а Капелькин тем временем переплыл реку и подошёл к дереву.

– Милое деревце! – произнес он – Не подскажешь ли ты мне, где Чудовище прячет всё украденное у гномиков добро?

– Мои корни уходят вглубь реки, плыви, придерживаясь за них, и как раз подплывёшь к его дому.

Поблагодарив дерево, Капелькин поплыл. Наконец он добрался до дома Чудовища – это был чёрный-чёрный дом с большим количеством коридоров, по которым то и дело проползали шипящие существа, похожие на змей, и бегали огромные чёрные лохматые пауки с выпученными большими глазищами – это были домашние животные Чудовища…

Обыскав весь дом, Капелькин нашёл чёрный ящик с надписью «Добро» и, взяв его, поспешил назад. И тут он увидел Чудовище, которое жалостливо выло, пуская слюну на свою лапищу, и прикладывало её к повреждённому глазу… Увидев в руках гномика заветный ящичек, оно начало что-то ворчать, недовольно вздымало свою грудь, да так, что воды реки заходили волнами. В глазах его вновь появились недобрые искорки. Чудовище злилось всё больше и больше и вдруг… лопнуло.

А гномик снова тронулся в путь, спеша вернуться в страну. Уже идя тропкой, ведущей к его дому, почувствовал, что в ящичке что-то зашевелилось. Оттуда вылетело что-то такое мягкое, белое и пушистое, распалось на миллиарды пушинок – это и было добро! В тот же миг в Весёлогномии и еще во многих деревнях и городах все вновь стали добрыми, весёлыми и жизнерадостными. А Капелькин жил ещё много лет – жил, занимаясь любимым земледелием.

Саша Ильин

А ДОБРО всё равно ПОБЕДИТ

В детстве я боялся грозы и молний. Боялся темноты. Даже малых букашек, пчёл и жучков – и тех боялся. Сейчас это кажется смешным. Но тогда, в детстве, мне было вовсе не до смеха, когда в комнату случайно влетала жужжащая пчела – мама!

С тех пор прошло немало лет. Я вырос, и гроз теперь уже не боюсь, да и пчёл вроде тоже. Казалось бы, страхов с годами должно стать намного меньше. Но, увы, это не так: у взрослого человека их бывает даже больше, чем у ребёнка. И это вовсе не парадоксально. Просто взрослые больше знают о жизни. Знают, сколько трудностей она может принести, сколько боли. Один раз больно, другой. В третий – уже возникает страх. А в четвёртый – может развиться депрессия...

– Плохо, как же всё плохо на свете, – слышал я не раз в телефонную трубку от одной собеседницы.

– Не хочу ни о чём писать, депресняк, – высвечиваются буквы в аське от другого.

– Да сейчас полмира в депрессии, – утверждает третий.

И правда: чего уж хорошего? Сплошные дела, заботы, проблемы. Муж (или жена) ходит «налево», дети курят и тусуются с кем попало, на работе – кавардак, начальник наорал почём зря, зарплату не повышают, а квартплата растёт как на дрожжах. Вдобавок ко всему, уже и целый мир катится в глобальный экономический кризис… Стоит ли удивляться, что стрессы и депрессии накатывают на людей – как волны цунами? Для многих это становится уже чем-то хроническим. «Синдром хронической усталости» – так, кажется? Или хронической депрессии?

И что же с этим делать, как быть? Как победить стрессы и депрессии, научиться радоваться, когда вокруг – столько трудностей и проблем? Да и правильно ли это вообще: думать о радостях и счастье, когда на земле столько горя?..

Счастье и горе – казалось бы, несовместимые вещи. Но, как ни странно, они всегда рядом. «Две странницы вечных… не ходят одна без другой». Любили и мечтали о счастье даже в самые страшные войны, когда смерть так близка, что в любую минуту может отнять любимого человека. Но именно любовь и светлые мечты всегда давали человеку силы и мужество идти навстречу смерти – и побеждать! Именно любовь и мечта помогают нам преодолевать все трудности и беды. Так что же будет, если мы откажемся от любви и счастья из-за того, что вокруг – столько проблем, бед и горя? Мы просто не сможем решить все эти проблемы. Не сможем никому помочь. Не сможем принести никому ни любви, ни радости, не имея этого в себе.

Но где взять эту радость, как найти это счастье – хотя бы для себя? Ведь кругом – столько боли, что порой страшно даже любить: а вдруг и любовь обернётся болью?..

Да, взрослым всё сложнее. Дети могут бояться темноты и грома, но они не боятся жизни. Не боятся мечтать и верить. Поэтому им интересно жить! Интересно и чудесно. А нам? Как быть нам, с нашим взрослым пониманием жизни и взрослой боязнью этой жизни?

Откуда вообще возникает страх? От опасности – правильно. Страшно, когда может быть больно. Когда что-то может нам угрожать, повредить, причинить вред.

Но если речь идёт не о физической боли, а о душевной? Ведь душе тоже бывает больно. Однако эта боль – не от пореза, не от ожога, не от вывиха. Не от телесного повреждения. От чего же тогда? Возможно, от того, что обжигается и рвется нечто в душе человека? От того, что задеваются его некие психологические установки, его внутренние привязанности и зависимости, его душевная целостность? Ведь физическая боль – это реакция организма на воздействие, направленное на разрушение целостности организма. Возможно, точно так же происходит и с душой: воздействия, задевающие целостность души, вызывают в ней боль или тяжесть. Резкая и сильная боль может вызвать стресс – своеобразное шоковое состояние души. Длительная боль или просто тяжесть, внутренний дискомфорт приводят к депрессиям, – когда психика просто устаёт от этой тяжести, от постоянных дум, вызванных ею, и все чувства начинают притупляться под гнётом непрестанного душевного дискомфорта.

Казалось бы, избежать этого просто невозможно, так же как, скажем, зубной боли, – у всех она бывает. Казалось бы, не испытывать стрессы и депрессии – это всё равно что не жить (не случайно, наверное, люди часто ищут выход из стрессовых ситуаций именно в уходе из жизни). Потому что, пока мы живём, мы неизбежно будем сталкиваться с ситуациями, причиняющими нам боль, – а значит, будут и стрессы, и депрессии, никуда от этого не уйти, такова жизнь. И думать, следовательно, нужно не о том, как избежать стрессов и депрессий, а о том, как выходить из них.

Многие так и думают. Я бы, наверное, тоже думал именно так. Если бы… не читал Евангелие. А в этой Книге есть фраза, приоткрывающая истину именно о том, что является причиной душевных расстройств человека. Иисус как-то сказал: «*Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека*» (Марк, 7:15). Говорилось это

в контексте с принятием обычной пищи, однако очевидно, что речь здесь идёт о душе: плохая пища может осквернить тело, но не душу. Но смысл этой фразы ещё глубже. Иисус далее пояснил ученикам, что пища, входящая через уста, не входит в сердце человека и потому не оскверняет его, а вот то, что исходит из уст, исходит из сердца и может осквернить, если является дурным, злым, негативным.

В это стоит вдуматься: осквернить человека может не то, что происходит с его телом, а лишь то, что происходит в его сердце, в душе! Всё, что входит в человека, в его тело и сознание через телесные органы (уста, глаза, уши), может не касаться души, или просто не вызывать в душе негативных реакций, – и тогда это не осквернит человека. Однако то же самое «входящее» может вызвать в душе негативную реакцию и привести к отрицательным чувствам, мыслям, переживаниям, – к тому, что оскверняет человека, травмирует душу, причиняет ей боль. Но в том и в другом случае чувства не входят в душу человека извне, они рождаются в самой душе, которая как бы окрашивает эмоционально-нейтральный поток информации, входящий в сознание, в различные чувственные оттенки. И степень чистоты этих оттенков зависит лишь от степени чистоты самой души.

Всё это я понял лишь значительно позже, когда осознал, что **причина всякой душевной боли – не в воздействии внешних явлений на нашу душу, а в нашем собственном восприятии этих явлений**. Наше восприятие и ответные реакции, наше отношение к происходящему – вот то, что исходит из нашей души и способно причинить ей вред, боль, осквернение.

В самом деле, возьмём простой пример: смерть близкого человека. Для многих людей это очень горестное, трагичное событие, способное вызвать и депрессию, и стресс. Но подумайте: ведь далеко не все культуры и народы воспринимают смерть как величайшее горе. Многие народы востока (на Тибете, в Китае, Индии) относятся к смерти спокойно и умиротворённо – как к освобождению от земных тягот и переходу к иной форме существования. Индейцы Парагвая до прихода христианства вообще устраивали настоящий бал по случаю смерти! А на острове Бали (Индонезия) до сих пор погребальная церемония подобна настоящему карнавалу. Казалось бы, событие одно и то же: и тут – умер, и там – умер. Но в одном месте плачут и убиваются от горя, а в другом – радуются и празднуют. Почему?

А всё дело в нашем восприятии события, в нашей внутренней оценке произошедшего, и нашей реакции, исходящей из этого восприятия и оценки. На самом деле никто ведь точно не знает, что происходит с душой человека (его разумом, сознанием, чувствами) после прекращения жизнедеятельности тела. Одни верят, что душа не умирает и уходит в некий иной, более прекрасный мир, – и они рады этому, искренне рады, к чему ж тут горевать? Другие полагают, что душа угасает вместе с мозгом, поэтому умер человек – и всё, ничего от него не остаётся, лишь память живых (и то в лучшем случае); подумать только: жил человек, думал, любил, мечтал – а остался лишь прах… горько! Больно. Страшно... Третьи думают, что, может, душа у человека всё-таки не связана только лишь с работой мозга и она продолжает как-то жить даже после смерти тела, и ничего страшного не происходит; но им жалко, что рядом больше не будет человека, к которому они так привязались, им кажется, что они не смогут теперь жить без него или жизнь теперь станет для них хуже (т.е. горюют, в общем-то, о себе). Однако что их ждёт впереди на самом деле – они ведь тоже наверняка не знают. Но уже заранее как-то оценивают это.

Вот так и во всём в жизни: мы не знаем наверняка, что означают те или иные события, происходящие с нами, для чего они с нами происходят и к чему в дальнейшем нас приведут. Но, даже ничего не зная об этом, мы всё равно как-то воспринимаем эти события, как-то оцениваем их и реагируем на них. И именно это наше восприятие, наше внутреннее отношение к событию вызывает то или иное состояние души: либо радость (событие воспринимается как радостное), либо горечь и боль (событие воспринимается как горестное), либо какое-то иное (чувств в душе может быть множество). Но что самое интересное: **одно и то же событие разные люди могут воспринимать по-разному.**

Так, значит, дело вовсе не в событии как таковом, а в самом человеке, в его внутренней склонности окрашивать явления в те или иные эмоциональные тона. А если взглянуть глубже, то многое зависит, наверное, и от воспитания человека, и от традиций, сложившихся в окружающей его социальной среде, и от его собственных внутренних требований, ожиданий и желаний – по отношению к самой жизни. У каждого ведь они свои, эти ожидания и желания. И если событие соответствует им – для нас это радость. Если не соответствует – нам тяжело и больно.

Что ж, диагноз поставлен! И теперь сразу становится видно, как это нужно лечить: **необходимо менять своё собственное восприятие реальности, учиться относиться к жизни светло и легко, видеть во всём что-то положительное**. Чем больше серых тонов в нашем восприятии, тем больше стрессов и депрессий в нашей жизни, больше проблем, даже на пустом месте, и меньше сил, чтобы справиться с реальными сложностями. И наоборот: чем больше в восприятии светлых тонов – тем более жизнерадостен человек, тем меньше горестных ситуаций видит он в своей жизни и легче справляется с трудностями. Неслучайно Иисус так любил детей и говорил, что мы все должны быть такими, – в плане лёгкости и светлости восприятия жизни. И что не менее важно – дети ведь всегда понимают, что у них есть родители, которые никогда их не бросят, не оставят в беде, которым можно верить. У Человечества тоже есть Родитель, который заботится о нас куда больше, чем земные родители. Но мы часто этого не видим, не замечаем. Или попросту – не верим…

Для меня всё это в своё время стало открытием и сильно повлияло на мою жизнь: я начал учиться воспринимать каждое событие своей жизни в более светлых тонах, учиться видеть во всём что-то положительное, доброе, интересное. И многие страхи, многие переживания стали потихоньку уменьшаться и уходить из моей жизни.

Темнота стала для меня уютной, доброй и даже сказочной, как только я перестал «замечать» за её тёмным покровом каких-то невидимых страшных зубастиков и начал видеть в ней лишь знакомые предметы, а особо упрямых зубастиков превратил в сказочных гномиков и добрых мохнатых существ с трогательными глазами. Пчёлы оказались очень милыми маленькими трудягами, залетающими в мой дом вовсе не для того, чтобы ужалить, а всего лишь в поисках чего-нибудь сладенького. Гроза превратилась из грозного непонятного явления в удивительную природную стихию, вызывающую восторг и радость, – стоило лишь взглянуть на неё другими глазами. И темнота, и пчёлы, и многое другое – всё оказалось совсем не таким, если смотреть на это иначе. И даже более взрослые и сложные проблемы стали вдруг – не то что решаться, а попросту таять! Моя ужасная стеснительность перед девушками и жуткий комплекс неполноценности стали действительно таять, улетучиваться, когда я

начал смотреть на себя по-другому. Да, я не могу ходить и говорить, как все, но я всё-таки человек, я могу быть интересным, могу быть нужным кому-то, могу быть даже любимым. Просто для этого я должен представлять из себя что-то интересное – как личность, должен сам стремиться быть нужным, должен что-то делать для других, а не сидеть сложа руки и дуться на весь мир за то, что на меня не обращают внимания. Конечно, моё физическое состояние создаёт определенные неудобства и сложности. Но это вовсе не значит, что я ни на что не способен и что эти сложности невозможно хотя бы частично преодолеть. Пусть я плохо говорю, но те, кому я интересен, меня всё равно поймут, – это действительно так! Пусть я плохо хожу, но те, кому я нужен, всё равно не пройдут мимо меня. Пусть мне непосильны многие профессии, но если я хочу и стремлюсь заниматься чем-то интересным и полезным, то такая возможность всё равно найдётся. И находится на самом деле!

Окружающий нас мир вовсе не так плох и страшен, как порой кажется, в нём много удивительного, много чудесного и многое возможно. Просто мы этого не замечаем, а замечаем лишь проблемы, многие из которых создаём сами же. Создаём одним лишь неправильным восприятием происходящего. И стоит только изменить это восприятие – как многое в жизни начинает меняться…

Всё это звучит красиво и заманчиво. В этом даже нет ничего нового, это же давно известная истина: «Измени себя – и изменится мир». Вот только – как это сделать? Как изменить себя, своё восприятие, психологию, свою душу? Можно ли вообще это сделать, если человек уже – взрослый и вполне сложившийся?

Да, это очень непросто. Может быть, это вообще самое сложное и важное, ради чего и рождается человек: взрастить самого себя, учиться быть лучше, добрее, умнее, воспитывать в себе более благородные качества. Порой на это уходит вся жизнь, а иногда и одной жизни не хватает... Но всё-таки это возможно, иначе наша жизнь на Земле не имела бы смысла. Просто у каждого – свой, неповторимый жизненный путь, которым нас терпеливо и бережно ведут Небеса, зачастую незаметно для нас, раз за разом сталкивая с такими ситуациями, которые помогают нам что-то понять, изменить в себе, взглянуть на что-то по-другому. Так мы учимся. Учимся порой очень долго и мучительно, зачастую даже не понимая, чему же нас хотят научить. Мы идём по жизни вслепую, не понимая, куда и зачем, – и сами же создаём дополнительные трудности и себе, и Богу, Которому приходится ставить перед нами всё более и более болезненные задачи, чтобы хоть как-то притормозить наше слепое падение, помочь остановиться, задуматься, изменить что-то в себе в лучшую сторону.

Но однажды все эти усилия всё равно дают результат – и человек начинает прозревать. Он начинает понимать, что всё – не случайно, что его пытаются к чему-то привести в этой жизни, чему-то научить! Начинает сам прикладывать усилия, чтобы идти в нужном направлении и учиться тому, чего так ждут от него Небеса. И тогда всё потихоньку начинает получаться. Ведь научить нас пытаются лишь одному: быть Человеком. А начинается это – с малого: быть как дети, которые всегда радуются Солнцу и наивно верят, что всё будет хорошо и Добро всё равно победит, даже если кругом пока бушуют лишь бури и грозы.

Один из разделов нашего форума на сайте http://www.izdat-luch.ru/ называется «Литературная мастерская». Здесь можно выложить свои произведения, услышать мнение форумчан и порой общими усилиями довести вещь до ума. Наиболее популярной в «Литмастерской» оказалась «Поэтическая перестрелка» – полушуточное соревнование в сочинении стихов на заданную тему. За последний год в «Литературной мастерской» появилось немало интересных стихотворений, и рубрика «Мозаика» в этом номере журнала полностью состоит из них.

Отбор лучших произведений, размещённых на форуме, для публикации в журнале будет продолжен. Дерзайте, дорогие читатели!

Времена года

Ирина Позднякова

* * *

Вы темы просили – их нет у меня.
Фантазии б – крылья Пегаса-коня!
Ударюсь, боюсь я, в сплошной плагиат.
Поймаете – сразу же бейте в набат!

Давайте писать об осенней листве,
О крапинках ж, лтых на свежей траве,
Которые часто уж с веток летят…
Проходит сентябрь.
Впереди – листопад.

Банальная тема? Зато и вечна,
Как Пушкин, как Тютчев,
как Бунин – она.
Ведь что ни скажи – чуть не каждый поэт
В осенней сюите оставил свой след.

Итак, поскорее откроем тетрадь
(Иль Ворд, иль Блокнот –
вс, равно, где писать)
И будем вслед гениям петь в сентябре
Одни дифирамбы осенней поре!

Татьяна Подгорная

* * *

Сентябрь – изменчивый, как реб, нок:
Минута – сл, зы, и сразу – смех.
И радость плещется из пел, нок
И озаряет так щедро – всех.

Сентябрь – гриппозный больной
в постели:
То в жар, то в холод, то снова в жар.
С собой справляется еле-еле:
Ночной туман – выпускает пар.

Сентябрь – модник, каких немного:
Разнообразен его наряд.
Перед зимою угрюмой, строгой
Его од, жки – огн, м горят!

Сентябрь – подросток: всегда –
в движенье,
В прыжке, в пол, те – покоя нет!
В природе – месяц преображенья –
Из года в год, миллионы лет.

Ольга Зайкина

Осенние картинки

1

Осень – это актуально.
Осень жизни – хоть банально,
Но воистину она:
Осень жизни. Не весна…

С внуком я вчера играла:
Ему грабли показала.
На минутку внук притих,
А потом мне выдал стих:

«Листья бабушка сгребает
И в огне костра сжигает.
Весело листва горит,
Пепел по ветру летит».

2

Мы опять в осенней теме –
Я и мой внучок Артемий.
Дома с насморком сидим,
Горестно в окно глядим.

Желтый лист готов сорваться
И к земле, кружась, снижаться.
Так, сорвался, полетел…
Подоконник наш задел.

Воробьи галдят у лужи,
Все взъерошены от стужи.
Т, тка крошки им бросает,
Но их голубь отнимает.

Ветры свищут, клумбу смяли,
Цветы сникли и увяли.
Дождь уныло моросит…
Осени печален вид.

…А за осенью и зимой пора бы быть и весне. Но…

Екатерина Зотова

* * *

Какая, бабоньки, весна? Снежок кружится.
Того гляди, от нас опять умчатся птицы…
А хлопья белые летят, стремясь на землю,
Их наших пробок фонари манят, наверно.

Ищу я солнце в небесах – надежды мало.
Хоть потепленьем кормят нас – прохладней стало.
В фольге мимозу бьет озноб: не юг, морозно!
По мне ж – такая красота, коль сосны в зв, здах!

Татьяна Подгорная

* * *

Бациллы собирались за углом…
А солнышко, тепло – им вс, по фигу…
Не упустить прекраснейшего мига,
Чтоб ехать дальше – было бы на ком…

И, дерзкий план продумав сообща,
Штурмуют разомлевших вмиг прохожих:
Кто лезет в рот, кто – в нос, кто –
через кожу,
А кто – прыжком с соседнего плеча…

И нет спасенья, коль иммунитет
Измучен долгой, яростной борьбою.
Как нападут микробы всей толпою –
Мы валимся, и дела уже нет

Нам до того, что на дворе – весна,
Что скоро зазвенят вовсю капели,
Прид, т тепло – пусть даже и в апреле…
Пока ж – увы! – порою не до сна…

Надежда вс, же не покинет нас:
Бациллы в этом мире не всевластны.
Коварны – да, конечно же, опасны, –
Но близок он – победы высший час!

«…Вы радость для меня и вдохновенье»

Всё так. Но если стучится беда, тогда стихи для Ольги Михайловны Ворсиной – ещё и надежда и спасение.

…Я познакомилась с Олей сравнительно недавно, лет пять-шесть назад, через Веру Науменко, когда мы выпускали газету «Ступенька». На её страницах и печатались стихи местных авторов. Чаще всего Анатолия Стрельникова, Александра Захарова, Ольги Ворсиной, Валерия Пахотных и Юрия Овчаренко.

– Ольга Михайловна, когда вы стали писать стихи? – спрашиваю её.

– Сколько себя помню, столько и пишу. Я не знаю как, но они приходят ко мне сами. Иду по улице, а в голове рождаются строчки, одна, другая, третья… Бывает, успею записать, а бывает, и нет.

Родилась О.М. Ворсина 1 апреля 1959 года в селе Урулюнгуй Приаргунского района. О маме, своем детстве, школьных годах и малой родине рассказывает в своих стихах. Говорит глубоко и проникновенно о деревне, где выросла, сравнивая её с Россией:

Если слышу: «Моя Россия», –
Представляю – дымок из труб,
Ту деревню, где я впервые
Издала самый первый звук.

– В детстве, и когда вроде бы подросла, я была очень стеснительной, – говорит Ольга Михайловна, – и написанные стихи никому не показывала. В школе любимыми предметами были русский язык и литература, история. Много читала. Со светом по вечерам в деревне были проблемы, заставляли пораньше ложиться спать и выключали электричество. Я умудрялась читать с фонариком под одеялом.

Аттестат о среднем образовании Ольги Ворсиной ничем не отличается от других. «Средний», как она сказала: тройки, четвёрки. Но она вполне могла бы поехать и поступить учиться в вуз. Однако не позволили обстоятельства в семье, и пришлось идти работать. Она понимала: нужна специальность, чтобы быть материально обеспеченной и ни от кого не зависеть. И выбрала свой путь – пошла учеником повара-кондитера в приаргунскую столовую. Жила в рабочем общежитии, благо тогда это было возможно и доступно.

С переездом в Приаргунск Ольга не изменилась, не стала общительнее. Наоборот, чувствовала себя деревенской девчонкой и уходила в себя, в свой мир поэзии. Вечерами подружки по комнате бегали в кино, на танцы. Тянули и её. А ей кроме книжек и заветной тетради, куда она записывала свои стихи, ничего не хотелось, ни к чему не было интереса.

– Однажды девчонки всё это попрятали и никак не отдавали, – вспоминает Ольга Михайловна. – Я даже пошла к заведующей столовой Зое Константиновне Листюк и чуть не разревелась у неё в кабинете. Подруги-то хотели отвлечь меня. Но где там. Пришлось им всё вернуть и оставить меня в покое с моими книжками и тетрадками.

…Читаю стихи дальше. А их столько, что не перечитаешь ни за один, ни за два, ни за три присеста. Их не просто много, а очень много. И если бы их издать, вряд ли они вместились в один и даже два объёмных сборника. И это не халтура. Что ни стих – то новая тема, судьба, переживания, раздумья самой Ольги или её близких самых дорогих ей людей. Много стихов, посвящённых маме, природе, родному краю, связанных с детскими воспоминаниями. А когда у неё самой появились дети – их у Ольги Михайловны двое: дочь Марина и сын Дмитрий, оба уже взрослые, имеют свои семьи, – то взлёту поэтической строки не было предела. И вновь она взметнулась вверх с рождением внука Серёжи. Сейчас ему пять лет, а стихи, словно вехи, растут вместе с ним. Ну хотя бы вот это:

Мы с Серёжкой по дорожке
Побежим вперегонки.
Догони меня, Серёжка,
Подари мне васильки!

Из чудесного букета
Я сплету тебе венок.
Будешь сам ты, словно лето,
Будешь сам как василёк!

С годами люди меняются. К своим пятидесяти изменилась и Ольга Михайловна. Ушли излишняя робость и стеснительность, неуверенность в себе. Теперь она ищет общения с такими же творческими людьми, близкими по духу, чтобы можно было поговорить на равных, а то и поучиться, если тот другой окажется сильнее или мудрее.

Это её немалая заслуга в том, что первого декабря 2001 года в Приаргунске начал точку отсчёта творческий клуб «Альтаир», объединив увлечённых стихами людей. Они стали дружить, общаться, встречаться между собой и со школьниками, с теми, кто неравнодушен к литературе и искусству, проводить вечера поэзии, конкурсы, фестивали.

Первый такой поэтический фестиваль «Земли своей родные дети» прошёл в центральной районной библиотеке второго ноября 2002 года. Затем состоялся литературный праздник «Приаргунские зори», другие мероприятия. В их подготовке и проведении активное участие принимали все члены клуба «Альтаир», в том числе и Ольга Ворсина. В проводимых конкурсах она неизменно занимала призовые места. Но, скромная по натуре, никогда не кичится и не гордится своими успехами. Наоборот, когда на одно из мероприятий были приглашены читинские писатели, поэты и композиторы во главе с патриархом забайкальской литературы Василием Григорьевичем Никоновым, которые после праздника провели семинары, критические обзоры того, что написано местными поэтами, Ольга Михайловна отнеслась к этому очень серьёзно. Жадно ловила каждое слово, сказанное в её адрес. И потом после завершения официальных мероприятий В.Г. Никонов посвятил альтаировцам ещё несколько дней.

Разговор был откровенным и принципиальным, порой, может, даже жёстким. Но всё это только на пользу. По сути, для Ольги Михайловны это первый серьёзный урок, ведь она нигде специально не училась, и никто не разбирал её стихи на профессиональном уровне. Теперь она бережно хранит и частенько заглядывает в самиздатовский сборник своих стихов, на полях которого остались пометки В.Г. Никонова. На них она учится.

Поэтическая судьба свела Ольгу Михайловну и с Еленой Стефанович, и с другими известными читинскими поэтами и писателями. А она продолжает искать новых творческих людей, заводит новые знакомства. В прошлом году, к примеру, находилась на лечении в Первомайской больнице. И здесь ей ну просто потребовалось общение с людьми. Выход нашла. Обратилась к главному врачу больницы с предложением провести литературный вечер. Он одобрил идею, и состоялась великолепная встреча. Читала стихи, которые очень понравились слушателям. И отведённое время было исчерпано, а расходиться не хотелось… А оказавшись в Первомайске, увидела в киоске небольшой сборник стихов местного автора Алексея Петровича Аргунова. Купила. Прочитала и позвонила ему домой. Представилась, договорились о встрече.

Такие встречи дают Ольге Михайловне возможность сравнить свои стихи с написанными другими авторами, в чём-то соглашаться, а с чем-то поспорить. И при этом оставаться собой, такой, какая есть. И снова писать и писать…

Достаю я эти строчки –
Не пойму сама, откуда?
Да, наверно, и не надо
Вовсе это понимать.
Ну, пишу. И знаю точно –
Это – истинное чудо,
Что порой легко и просто
Я могу стихи писать.

Ольга Михайловна задает себе вопрос «Что для меня стихи?» – и отвечает:

Они мне словно солнце поутру –
Они и светят, и обогревают.
Без них меня не будет –
я умру!

И действительно они для неё ВСЁ! Даже работая с детьми в приаргунском Доме детского творчества, где она руководила кружком «Хозяюшка», Ольга Михайловна порой преподносила тему и давала задание на дом в стихотворной форме. И это очень нравилось маленьким хозяюшкам. Это же живые слова!

Тема урока у нас – бутерброды.
Хлеба нарежем, откроем шпроты,
Тоненький ломтик мы маслом смажем,
Рыбке постельку её укажем.
Лука колечко пристроим – вот
Вышел классический бутерброд.

1 апреля 2009 года Ольге Михайловне Ворсиной исполнилось пятьдесят. Юбилей! Сколько поэтических строк легло на бумагу за эти годы… Да и каких строк! Берущих за душу, за живое, мимо которых нельзя пройти, остаться равнодушным.

Так пусть ещё ярче расцветает этот удивительный талант!

Альбина Филёва,
член Союза журналистов России

Ольга Ворсина

Мой крест

Н.Б. Фёдоровой

Ты просил позволения
Крест понести пополам.
Но зачем тебе крест,
Если мы расстаёмся с тобою?
Этот месяц, что ты подарил,
Никому не отдам.
Ты ушёл, только память
Останется вместе со мною.
Ты ушел. И закрыл
За собою отчаянно дверь.
Этот звук расколол
Моё сердце на две половины.
Половина с тобою ушла,
Половина теперь
Не даёт мне заснуть
И цепочку на двери накинуть.
Сколько дней пронесётся,
Чтоб я научилась опять
Без тебя видеть солнце,
Мерцание звёздного неба?
Чтобы я хоть чуть-чуть
Перестала грустить и страдать?
Чтоб прошло всё, как сон, –
Может, был ты, а может быть, не был.
Ты просил позволения
Крест пополам понести.
Только крест этот мой
Оказался тебе не под силу.
Я тебя отпустила,
Теперь ты меня отпусти.
Вспоминай обо мне
Как о чём-то несбыточном, милый.

* * *

Лист берёзы в почтовый ящик
Положил мне бродяга-ветер,
Из лесной, непролазной чащи
Мне принёс привет на рассвете.
Мне напомнил – уходит лето,
И тепло уносит с собою.
Прошумело дождями где-то
И теперь хочет лишь покоя.
Золотой конвертик берёзы
Положу в записную книжку,
И зимою, в метель, в морозы
Вновь я это лето увижу.

Детство

Эй, чумазая девчонка,
С лентой цвета голубого,
Не спеши куда-то мчаться
С ветерком вперегонки,
Эй, лохматая девчонка
В платье ситцевом в горошек,
Посиди со мной немножко
На лужайке у реки.
Эй, девчонка-недотрога,
Синеглазая шалунья,
Для тебя ли эти песни
Вольный ветер сочинил?
Подожди еще немножко,
Слышишь, как тебя прошу я?..
Но она уже умчалась,
А догнать не хватит сил…

Дождик

Дождь на цыпочках подкрался осторожно
И шепнул мне: «Можно, я приду?»
Я ему в ответ негромко: «Можно.
Ты иди, я дома подожду».

Он обрадовался, как мальчишка,
Мне в окно тихонько постучал,
По асфальту кинулся вприпрыжку,
Двух девчонок с улицы прогнал.

И они – в подъезд со звонким смехом –
Он же, озорник, их щекотал.
Подхватил их смех задорным эхом,
На асфальте лужи расплескал.

Погонял по луже углой лодкой
С ветки оторвавшийся листок
И ушёл усталою походкой
Догонять осенний ветерок.

Для чего

Звонить?
Зачем?
Чтоб лишний раз напомнить,
Что я живу. И ты мне очень нужен?!
Что без тебя – себя уже не мыслю –
Я всё равно сказать не в состоянье.
Тогда зачем звонить?
Писать?
Зачем?
Чтоб выплеснуться в строчку,
Чтоб попытаться выразить стихами
Всеёто, о чем словами не расскажешь,
И – никому не показать тетрадку –
Тогда зачем – писать?!
Но если не любить и не писать,
Не видеть звезд,
Не слышать шёпот ветра,
Забыть стихи и даже не страдать,
То никакого смысла
В жизни нету…

Вы знаете?

Вы знаете, как пахнет солнце?
Как ветер, баловень степной,
Играет, радуется, вьется
В траве душистой молодой?!
Колышет белые ромашки
И колокольчиком звенит.
А изумрудная букашка
По стебельку цветка спешит.
Как еле слышно мышь-полёвка
Травинку сочную грызёт.
Как птенчик голенький, неловкий
Пищит в гнезде, разинув рот.
Как, на высокой, тонкой ноте
Комар назойливый нудит,
А шмель в замедленном полёте,
Как мощный самолёт, гудит.
Все эти звуки, ощущенья
И эти запахи – со мной.
Они мне дарят вдохновенье.
Всё это – край родимый мой.

Старый дневник

Мой старый дневник!
Ты не нужен теперь никому,
Ты мысли мои сохранил –
Но напрасно, напрасно.
Читаю я строки твои –
И никак не пойму
Тех чувств, что когда-то
Казались легки и прекрасны.

Мой бедный дневник!
Я не знаю, что делать с тобой –
Оставить на память
Иль ветру отдать на игрушки?
Когда я состарюсь –
Расскажешь ты мне про любовь,
Расскажешь про счастье
Уставшей, забытой старушке.

С тобою вдвоем
Будем мы вечера коротать
Да с книжкой стихов,
(Если выйдет когда-нибудь книжка).
Нет-нет, ни за что
Не отдам тебя ветру листать!
Он, ветер, шальной,
Бесшабашный и глупый мальчишка…

На исходе лета

На изломе жизни, на исходе лета
Подвожу итоги всем своим делам –
Взлёты и паденья, ночи и рассветы,
Призрачное счастье с болью пополам.
Заросла тропинка, что вела по краю,
Путаются мысли – шерстяной клубок:
Для чего живём мы, как мы выбираем
Узенькую тропку между ста дорог?
Почему порою сердце замирает
От одной улыбки, нежной и родной,
Отчего друг друга люди обижают,
Для чего играют, как мячом, душой?

Щенок

Грустит щенок соседский на цепи,
Меня завидев, жалуется тонко,
Что он мечтает бегать по степи
И не щенком хотел быть, а волчонком.

И я люблю в цветном убранстве степь,
И речку, и желтеющее поле,
Но, как и ты, посажена на цепь,
Как и тебе, не вырваться на волю.

Ошейник и железо – твой удел,
А мой – дела и разные заботы,
И никуда не убежать от дел,
И не расправить крылья для полёта…

Я – миллиметр

Я – миллиметр в масштабе мировом,
Я – светлячок меж ярких звезд Вселенной,
Я – рыбка в тесной банке за стеклом
И лишь надеюсь, что душа нетленна.
Субстанция души – она извне?
Кто из людей ответить точно может?
Та сущность, что всегда живет во мне,
И есть душа, что мучит и тревожит?
Я – человек. И знать мне не дано –
Зачем живу, чего от жизни жду я?
Что есть – душа, и что есть – естество,
И что живёт, а что – лишь существует…

Телефонный роман

Я забуду обиду, и ложь, и обман,
И жестокое, грубое слово.
Продолжается наш телефонный роман,
Или он начинается снова?
Как всегда, говорим не о том и не так,
Как всегда – это значит, как прежде.
И мешает открыться какой-то пустяк,
И мешает поверить надежде.
И всего лишь за пару секунд до конца
Разговора, обычного словно,
В унисон начинают стучаться сердца,
И тепло мы почувствуем снова.
И, как будто не трубка, не голос вдали,
А рука снова рядом с рукою,
И как будто мы только друг друга нашли
И совсем не терялись с тобою.
И за тысячи вёрст, через дождь или град,
Сквозь пургу или зимнюю вьюгу,
Вдруг почувствую я, что ты очень мне рад,
Что нужны мы с тобою друг другу…

Двойник

Смотрю в стекло – и вижу там её –
Ту женщину, – мы с ней едва знакомы,
Но почему-то к ней всегда влекома,
Ее понять – желание моё.
Кладу ладонь на хрупкое стекло, –
И женщина кладёт свою ладошку,
Соприкасаясь пальцами немножко,
И смотрит так серьёзно и светло,
Как будто что-то хочет мне сказать.
И ощущает пальцами движенье,
И чувствует моё прикосновенье,
И у неё – усталые глаза –
Мои. А больше ничего.
Мы не похожи с нею абсолютно.
И связывает нас одна минута,
И зеркала холодное стекло…

Когда рождается любовь

Кто на вопрос ответить может –
Когда рождается любовь?
Она приходит, и тревожит,
И будоражит в сердце кровь.
И не дает уснуть ночами.
Зовет тебя, и ты летишь,
Как будто птица над полями,
Над жизнью прежнею паришь.
И всё ты видишь в новом свете,
Как бы проснувшись ото сна.
И хочешь, чтоб на всей планете
И в сердце расцвела весна.
Любовь рождается – когда?
Как уловить ее начало?
Быть может, долгие года
Твоя душа её искала…

В 2009 г. у Ольги Ворсиной вышел первый сборник стихов – «Слова из сердца». Желающие познакомиться поближе с творчеством автора и приобрести книгу могут написать по адресу:

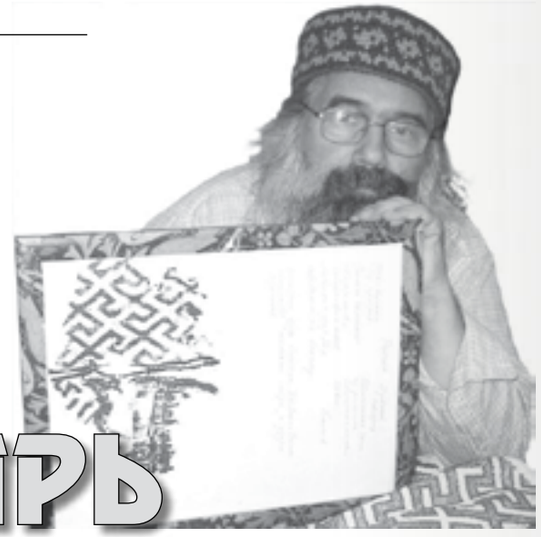
674310, Забайкальский край, Приаргунск, ул. Строительная, 1а. Ворсиной Ольге Михайловне. Цена книги 150 р.

Татьяна Дмитриева

Татьяна Дмитриева живет в Рязани. Инвалид с детства (ДЦП). Училась в школе-интернате, затем – в Михайловском техникуме для инвалидов, (специальность – бухгалтер). Работает курьером в территориальной организации № 3 ВОИ г. Рязани.

В детстве рисованием не увлекалась. Интерес к изобразительному искусству возник после цикла занятий по арт-терапии. Это метод психологической работы, использующий различные виды искусства – рисование, музыку, лепку и т.д. – для выявления проблем и скрытых возможностей человека. Татьяна посещала занятия с удовольствием, более того, стала ходить и в кружок рисования, работающий в Обществе инвалидов. Начав с цветных карандашей, она постепенно перешла к акварели и гуаши.

Больше всего Татьяне нравится рисовать натюрморты и пейзажи. В ее работах есть цветы, деревья, небо, море, солнце – и совсем нет городских джунглей. Они по-детски наивны и несовершенны, но почему-то на эти яркие, жизнеутверждающие рисунки приятно смотреть. Нам кажется, что читателям «Луча» они тоже поднимут настроение.



Екатерина Зотова

РЫЦАРЬ РУССКОГО КОСТЮМА

Если речь заходит о членкоре Академии художеств России, заслуженном деятеле искусств РФ, народном мастере России, регулярно появляющемся на радио и телевидении, даже несведущий в искусстве поймёт: этот человек – талант, счастливчик, баловень судьбы. Однако в случае с Александром Яковлевичем Колесниковым схема не срабатывает. Да, у него есть звания и известность, ученики и поклонники, есть, наконец, уникальная коллекция русского костюма допетровской эпохи – плод сорокалетней деятельности созданной им творческой мастерской. Нет одного – уверенности, что труд всей жизни не пойдёт прахом.

В конце 60-х годов, попав на русский Север, молодой человек ужаснулся тому, как опустели деревни, как тают остатки традиционной культуры. Всего 12 лет назад он бывал в тех же краях вместе с тетушкой, певицей ленинградского Малого оперного театра Ксенией Павловной Сахновской. На всю жизнь запомнил городской мальчик обряд сватовства. Белой ночью скользила по реке лодка, освещённая факелами, в которой жених с дружками плыли в деревню невесты, далеко вокруг разносились обрядовые песни… То, чего не смогли уничтожить сталинская коллективизация и война, добила выдача крестьянам паспортов. Молодёжь уехала в города, а обратно в деревню потёк ширпотреб, быстро заменивший «немодный» традиционный костюм и утварь.

Колесников начал собирать то, что ещё уцелело. Но не так, как его современники-коллекционеры, скупавшие за бесценок старинные иконы, одежду и расписные прялки. С собой он увозил лишь подарки, да ещё то, что находил в заброшенных избах. (Один из подарков, старинный светец, три года ждал его, оберегаемый соседями, в опустевшем после смерти хозяйки доме.)

Александр убеждён: вещь должна оставаться в той семье, для которой создана. Приезжая в отпуск на север, он каждый раз дотошно опрашивал старушек – собирал рецепты природных красителей, рассматривал содержимое сундуков и укладок, считая нити узорных тканей, зарисовывая орнаменты и крой одежды. А в Москве вечерами, после работы и учёбы, разбирал летние записи, перерисовывал узоры, упорно осваивал новые способы тканья. (Чтобы не раздражать соседей стуком, ткал, поставив стан на спортивные маты.) Порой дело продвигалось совсем медленно. В процессе восстановления сарафана повивальной бабки с редким узором из масок леших (оригинал погиб во время пожара) он трижды ездил к его хозяйке, показывая свою работу. И только на четвёртый раз старушка признала сарафан «своим»…

В начале 70-х Александр начинает учить желающих основам ручного ткачества и изготовлению традиционного русского костюма. Старается привлекать к ткачеству мужчин, утверждая, что работа ткача слишком тяжела для современных женщин. Организует полулегальные курсы в различных домах культуры, сырьё и пряжу покупает на средства, вырученные от продажи фамильных ценностей (наследство, полученное от бездетных тетушек). Постепенно вокруг Колесникова складывается группа единомышленников. А сам он одержим идеей создания в Москве музея русского костюма, в котором под одной крышей были бы не только выставочные залы, но и мастерские, в которых любой желающий смог бы прикоснуться к древним ремеслам – ткачеству, вышивке, кружевоплетению, жемчужному сажению…

На первый взгляд такой подход противоречит основам музейного дела, главная цель которого – сохранение старинных вещей. Однако Колесников убеждён: костюм живет до тех пор, пока его носят. Музейные экспонаты мертвы. Кроме того, естественный срок жизни растительной нити (хлопка, льна, конопли) – 200 лет. Это значит, что большинство предметов одежды в современных музеях вскоре окажутся на грани гибели и для их сохранения потребуются немалые средства. Выход, который предлагает мастер, прост: необходимо наладить изготовление аутентичных костюмов, создание которых – от выращивания сырья и обработки волокон до шитья – воспроизводит традиционный процесс.

Разумеется, такая одежда очень дорога. На один комплект (косоклинный сарафан с душегреей и рубахой на статную, рослую женщину) уходит примерно 40 метров ткани шириной 36–42 см – шире на крестьянских станах не ткали. У опытного мастера на полный цикл изготовления такого комплекта вместе с отделками уходит 2–2,5 года. Позволить себе такую роскошь могут только крупные музеи или очень состоятельные люди. Поэтому для любителей старины Колесников планировал другой вариант – костюмы, сшитые вручную по старинным образцам, но из фабричных тканей. Мастер настаивает: изготовленная руками, с любовью к изделию, одежда обладает особой энергетикой, которая благотворно действует на того, кто её носит. Кроме того, традиционный русский костюм очень красив и с успехом может служить если не повседневной, то праздничной одеждой. (Для многих стран Европы, на которую пытается равняться Россия, эта мысль, мягко говоря, не нова. К примеру, во всех крупных универмагах Баварии есть отделы традиционного костюма, и по выходным многие семьи щеголяют на прогулках и пикниках именно в национальной одежде.)

Уже тогда Колесников почувствовал глухое сопротивление властей попыткам возрождения русской национальной культуры (строителям коммунизма вполне хватало псевдорусских вокально-танцевальных коллективов и промыслов, приносивших доход в валюте). Успешно окончив аспирантуру МГУ, он трижды (не по своей воле) менял темы диссертации, изучая разные аспекты «Слова о полку Игореве», но так и не смог защититься. Тем не менее, в конце 70-х многим казалось, что музей русского костюма вот-вот появится. Идею Александра Колесникова поддержали многие видные деятели культуры, в том числе – академик Д.С. Лихачёв. Был готов проект здания, напоминающего сказочный терем. Но первый секретарь московского горкома КПСС В.Гришин был категорически против – и его голос оказался решающим.

А в это время в столице создаётся новый государственный музей сходной тематики – декоративно-прикладного и народного искусства. Никогда не преследовавший личной выгоды, энтузиаст включается в реализацию этого проекта. Музей был открыт летом 1981 года. Но оказалось, что традиционному крестьянскому (то есть в полном смысле слова «народному») искусству в нём отведен всего один зал, а уникальные умения Колесникова и вовсе никому не нужны. К примеру, ткацкий стан, представленный в экспозиции, до сих пор находится в нерабочем состоянии, несмотря на неоднократные предложения мастера заправить его безвозмездно.

Конфликт с руководством музея быстро обострился и привёл Александра к тяжёлому нервному срыву. В итоге – инвалидность, уже вторая по счету. (Одну он получил после армии, где служил на первой атомной подводной лодке и, как через много лет признали врачи, получил большую дозу облучения. Тогда молодой организм выдюжил, и от группы юноша быстро отказался.) Подлечившись, мастер идет работать на спецпредприятие для инвалидов, где ткали мохеровые

шарфы. Там, после формального «обучения», он получает «корочки», дающие право заниматься ткачеством. Забавно, не правда ли? Однако без этой процедуры трудоустроить его не могли…

А на дворе была уже середина 80-х. Появлялись первые кооперативы. Колесников с единомышленниками регистрирует художественно-производственный кооператив «Истоки» и начинает активно пропагандировать свои идеи. Колоритного бородача в русском костюме с красивой, образной речью всё чаще приглашают в телепрограммы и на радио, о нём пишут в печатных СМИ. Одновременно растёт и коллекция, состоящая на сегодняшний день более чем из 40 комплектов одежды, а также набойных досок, отрезов созданных вручную узорных тканей и тканых предметов быта (скатертей, салфеток, полотенец, столешников). Всё чаще проходят выставки, причём не только в России, но и за рубежом – в Турции, Венгрии, Польше, Швеции, Китае… Разглядывая узорные рукава рубах, посетители и подумать не могут, что перед ними – не вышивка, а многоцветные тканые вставки, гораздо более ранний способ украшения одежды.

В начале 90-х годов энтузиастам удалось выиграть конкурс на право пятилетней льготной аренды нежилого помещения – до этого вся работа шла по квартирам. Правда, особо развернуться в этом «помещении» (на деле – двухкомнатной квартирке с отдельным входом на первом этаже жилого дома, стоящего на самой границе Москвы и области) было сложно. Большую часть площади сразу же заняли коллекция и запас сырья. Но и это казалось тогда победой, знаком признания. Мастерская получает заказы. Наиболее престижные – воссоздание обивочной ткани для московского дома-музея Л.Н. Толстого в Хамовниках и коллекция крестьянской одежды для музея-усадьбы А.Н. Островского «Щелыково». Появляются и частные заказчики. Сам Колесников вместе с ближайшими соратниками удостоен звания

«Народный мастер России». Ещё одно свидетельство успеха – мастера приглашают преподавать ткачество в Суздальское реставрационное училище. Одновременно кипит захватывающая работа по возрождению всё новых и новых моделей сарафанов и рубах. Проводятся многолетние циклы семинаров по русскому костюму и ткачеству на основе фондов провинциальных краеведческих музеев.

Редкой удачей казалось воссоздание узора ткани, обгоревшей в Новгороде ещё в XIII веке. (Следы минеральных красителей были отчётливо видны на снимке, сделанном в инфракрасном и рентгеновском облучении, – его ксерокопию мастеру подарили археологи.) Тогда Александр Колесников не подозревал, что эта работа принесет ему немало неприятностей. Узор сплетался из древних солярных знаков, похожих на те, что много веков спустя стали эмблемой фашистов. Из-за этого сходства экспонат снимали с выставок, а однажды мастеру даже грозили судебным преследованием…

1994-й стал переломным годом в судьбе мастерской. Сам Колесников связывает начало неудач с выставкой в Венгрии. Экспозиция была частью культурной программы, приуроченной к визиту Б.Н. Ельцина на совещание СБСЕ, поэтому открывать её должна была супруга президента. Однако на вернисаже Н.И. Ельцина не появилась. Возможно, это действительно было истолковано кем-то как знак немилости. Впрочем, причиной охлаждения могла стать и слишком активная, по мнению властей, борьба мастера за создание музея костюма. Вдобавок ко всему, на обратном пути, во время спешной погрузки экспонатов в вагон поезда, Александр повредил мениск.

Но и этим дело не ограничилось. Вскоре начались проблемы с помещением. Вопреки договору, руководство округа резко повышает арендную плату. Колесников начал протестовать (семейные средства кончались, так что платить было попросту нечем). В ответ ДЭЗ отключает воду и электричество. В результате мастерская вынуждена покинуть помещение за год до окончания срока аренды. Вскоре после этого прекращается и работа мастера в Суздале. Чтобы спасти коллекцию, оказавшуюся практически под открытым небом (точнее – в сырых, неотапливаемых гаражах доброхотов), он берётся за работу в центрах детского творчества, разворачивая там передвижные экспозиции. Помимо зарплаты себе и одному-двум сотрудникам, просил в своё распоряжение помещение, достаточно просторное, чтобы можно было разместить экспонаты, поставить столы и ткацкие станы. А дальше повторялся стандартный сценарий: после нескольких месяцев работы и получения кипы дипломов со всевозможных выставок руководство находило эти требования чрезмерными (ведь остальные педагоги, как правило, работали в классах по очереди) – и Александр с учениками искал новое пристанище.

Последняя крупная выставка в Москве состоялась весной 1999 года, в уютных залах старинных Красных палат, что на Кропоткинской. Кажется, положение снова стало выравниваться – в следующем году мастер участвует в Неделе моды Вячеслава Зайцева на ВВЦ, его пригласили с выставкой на празднование Дня города в древний Ярославль…

Буквально накануне отъезда, в мае 2000 года, Александра Колесникова сбивает машина. Иномарка без номеров (её, как водится, не нашли) «случайно» въехала во дворе на тротуар как раз тогда, когда мастер шёл от метро домой. Результат удара – травма руки и разрыв связок коленного сустава. Вместо вернисажа – больница, костыли и инвалидность – теперь уже пожизненно. Выставка в Ярославле была сорвана. (Не этого ли добивались те, кто устроил наезд?)

И тут же, словно в насмешку, – новые знаки отличия. Осенью 2000 года Александру Яковлевичу Колесникову присвоено звание заслуженного деятеля искусств России, а его ближайшим соратникам Л.Н. Вавилову, Л.Н. Запылаевой, В.Е. Ивановой и С.И. Садовому – звания заслуженных художников России. При этом – отказы на все просьбы о выделении помещения хотя бы под мастерскую… Пережить такую нестыковку удалось не всем. Вскоре скоропостижно умирает самый молодой, Леонид Вавилов, за ним – Виктория Иванова. Большинство учеников отходит от дел, ведь оплачивать их труды Александр уже не мог.

Мастер выдержал эти удары. Чтобы спасти коллекцию, соглашается на выставки в старинных провинциальных городах – Серпухове, Подольске, Касимове, Скопине, Кашире. В одиночку проводит выставку и многодневный семинар в Йошкар-Оле. Но в конце концов постоянные переезды измотали и его. В 2005 году он меняет квартиру в Москве на просторный старый дом в Ростове Великом.

...В сентябре 2006 года закрылась последняя крупная выставка Колесникова, развёрнутая в залах Ростовского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника. После этого мастер и его коллекция снова, как в начале пути, объединились под одной крышей. Год спустя Александр Яковлевич Колесников был избран членом-корреспондентом Российской академии художеств – ещё один знак признания заслуг…

В апреле 2008 года исполнилось 60 лет с того дня, когда бабушки и тётушки подарили пятилетнему Саше на день рождения ткацкий стан, сделанный на заказ специально под рост мальчика. Дворянской родне, вынесшей любовь к народному творчеству из специальных училищ народных ремёсел, которые в 80-х годах XIX века были открыты во многих городах России, казалось, что так они обеспечат любимого внука и племянника куском хлеба. Вышло иначе…

Нельзя сказать, что усилия Колесникова оказались безрезультатными. В Череповце работает фабрика ручного ткачества. С началом перестройки на Русском Севере одна за другой появляются группы и мастера-одиночки, ткущие вручную. На выбор большинства из них, прямо или косвенно, повлиял пример Александра. Однако повторять его «ошибку», занимаясь искусством ради искусства, никто не стал. Одни ушли в коммерцию, делая то, что рентабельно (в основном – половички и простенькие салфетки). Другие нашли себя в работе с детьми, прививая маленьким россиянам азы народной культуры. «Для себя» все они наверняка хотели бы поработать в сложной многоремизной технике узорного ткачества, но – нет ни времени, ни стимула.

Да, ткачество – это одна из наиболее трудоемких ремесленных техник, которую невозможно полноценно развивать на коммерческой основе. И все же горько сознавать, что в великой и, в общем-то, богатой России не находится средств для создания и поддержки хотя бы одного центра ручного ткачества и традиционного костюма титульной нации. Особенно сейчас, когда столько говорится о возрождении русской культуры…

Моя память

Ирина Позднякова

Кидаю новую тему – «Моя память». А вот и стихи.

* * *

Запоминаю досконально даты
зачем-то… Вот –
Идут шеренгой стройной, как солдаты,
за годом год.

Казалось, отдаляются событья,
слабеет след…
Но даже время суток не забыть мне
сквозь толщу лет.

Число и месяц – маячок сигнальный –
в календаре
Тревожит, дразнит, уводя сознанье
к былой поре…

Татьяна Подгорная

* * *

Моим выпускникам

Стираются числа и годы. Но лица –
Как будто расстались вчера.
Недолго нам выпало вместе трудиться,
Но память на лица – остра.

Я вам отдала вс , , чем только богата,
Не требуя вашей любви.
Улыбка при встрече – вот высшая плата,
Любимые дети мои.

Взрослели, умнели и вдруг оперились
И выпорхнули из гнезда.
Но помните: что бы у вас ни случилось,
Я буду вам рада – всегда!

И кружатся годы в стремительном танце,
Как листья осенней порой.
Желаю вам в жизни – собою остаться:
Так просто и сложно – собой.

Где вы, где учитель – исчезнут границы,
Останемся просто – друзья.
И новые встречи, знакомые лица,
И школа – большая семья.

Ирина Позднякова

* * *

Горькая нежность в сердце
Смешана с ностальгией.
Снова под зв, здным небом
Воздух весенний пью.
Мне никуда не деться:
Стены мои родные
Помнят меня, а также
Многих, кого люблю…

Горькая сладость тайны,
Наполовину явной,
Боль пополам со счастьем,
Правда – а рядом сон…
Вот и листы тетради
Помнят о самом главном…
Мысли опять прорвутся
Через любой заслон.

Горькая нежность в сердце,
И изнутри, подспудно,
Как-то щемяще жалко
Времени, что прошло…
Только куда мне деться?
Пусть вс , непросто, трудно…
Робко иду я дальше,
Но на душе – светло.

Просыпаетесь утром – и сразу включаете компьютер? Любую свободную минутку тратите на то, чтобы написать сообщение «Вконтакте» или на «Одноклассниках» едва знакомому человеку, поболтать по «скайпу» или «аське»? Поздно ложитесь спать, потому что не можете оторваться от онлайн-игр и просмотра видео на YouTube? Если на все эти вопросы вы ответили положительно, значит, у вас налицо все признаки Интернет-зависимости – одной из самых распространённых «болезней» нашего времени.

ИНТЕРНЕТ как образ жизни

К сожалению, часто приходится слышать от ровесников (школьников и студентов), что все выходные они провели за компьютером. На вопрос, стоит ли настолько бездарно тратить своё драгоценное время, ребята отвечают, что в Интернете они общаются с единомышленниками и узнают много нового. Но на самом ли деле в Интернете можно найти настоящих друзей и получить «джентльменский набор» знаний? Давайте попробуем разобраться.

Начнём с сайта, на котором основную массу времени проводит молодое поколение, – vkontakte.ru. Когда сайт только начал своё существование, у него был стандартный набор функций, позаимствованный у иностранной социальной сети facebook.com. Теперь там можно не только посылать сообщения, но и дарить подарки, и играть с друзьями в онлайн-игры. Именно этим и занимается молодёжь по три-четыре часа в сутки. Если задаться целью и подсчитать, сколько выходит часов в неделю и месяц, получится совершенно ужасающее число: 28 часов

в неделю и 112 часов в месяц соответственно. Стоит ли говорить, что можно провести это время с гораздо большей пользой?

Наиболее распространённая отговорка звучит следующим образом: сайт vkontakte.ru помогает мне своевременно узнавать все события из жизни друзей. Да, это так, и прочитать ленту новостей действительно гораздо быстрее, чем позвонить или, тем более, встретиться. Но сравнимо ли живое человеческое общение с этим суррогатом? Ответ понятен.

Оправдано общение в Интернете только в одном случае: если человек живёт в другом городе и нет физической возможности с ним часто созваниваться и видеться. Тогда не остаётся других вариантов.

Знания, в отличие от эмоций, получить на просторах Сети можно. Если захотеть. Существует масса сайтов, предоставляющих интересную и ценную информацию. Причём найти её гораздо проще, чем в библиотеках: не надо никуда ехать, рыться в каталогах, ждать заказанную книгу… Ввёл ключевое слово и изучаешь электронные варианты статей и книг, сидя дома на диване. Проблема заключается в том, что потребность в получении новой информации есть у сравнительного небольшого числа людей. Гораздо больше тех, кому важна низкопробная информация из серии «у кого из друзей изменились политические взгляды или семейное положение».

Почему же многим так хочется проводить время в Интернете, а не в настоящей жизни? В первую очередь, потому что Интернет даёт возможность создать новый образ. Если все вас знают как человека скромного и застенчивого, в Сети вы можете раскрыться совершенно по-новому и найти новых знакомых. Во-вторых, в Интернете порой гораздо проще найти себе молодого человека или девушку. Как раз по той причине, что можно не стесняться и, более того, в любой момент прекратить общение. Если вы выглядите не самым лучшим образом, это всегда может исправить PhotoShop и другие редакторы фотографий. Подправить цвет лица, убрать лишний вес – всё это гораздо проще провернуть в виртуальном мире, чем в реальном. Жить в Сети гораздо проще, чем жить в реальной действительности. Но стоит ли эта игра свеч? Стоит ли создавать себе новую внешность и новый образ, чтобы потом «развиртуализироваться» с понравившимся человеком и разрушить все его иллюзии? И где гарантия, что симпатичный парень не окажется прыщавым подростком?

Что Интернет для меня? Не более чем средство облегчения жизни, назовём это так. Мне 19 лет, и у меня есть масса других занятий, кроме сидения за компьютером. Бесцельной трате времени в Сети я предпочитаю общение с друзьями, поездки в другие города, посещение театров и кино. Интернет, бесспорно, помогает поддерживать отношения с приятелями, которые находятся на расстоянии 750 километров и дальше, писать рефераты и получать информацию, необходимую для учёбы. В Интернете можно узнать последние новости вместо того чтобы покупать газету, можно скачать фильм вместо того чтобы искать по всему городу редкий диск…

Главное – не переборщить. Можно и нужно пользоваться Интернетом, чтобы жизнь в некоторых её проявлениях стала проще. Но никакие форумы и «аськи» не заменят живого общения, а виртуальная дружба не заменит реальную. Каждый человек делает свой выбор, и только вам решать, что вы будете вспоминать в старости: компьютер или улыбки близких людей.

Александра ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Мы часто слышим возмущённые возгласы, полные искреннего негодования: Интернет заменил живое общение, люди перестали ходить в гости, даже по телефону разговаривают меньше… Но, может быть, всё вполне закономерно?

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

виртуального общения

На дворе – третье тысячелетие, век сверхскоростей и бешеного ритма жизни, которому в той или иной степени вынуждены подчиняться все, особенно в мегаполисах и просто в крупных городах. В стремлении не потерять контакт с близкими людьми не спасают ни письма (пока выразишь на бумаге всё, что хочешь, пока послание дойдёт до адресата, пока получишь от него ответ – может пройти не одна неделя, а жизнь даже за меньший срок нередко меняется очень сильно), ни телефонные звонки (времени они порой отнимают много; связь с другими городами и особенно странами дорогая; да и не факт, что звонок не застанет собеседника в неподходящий момент, а сказать об этом он может постесняться; ещё необходимо учитывать разницу часовых поясов хотя бы на территории, как сейчас говорят, постсоветского пространства). В гости тоже получается ходить или ездить лишь по большим праздникам: например, чтобы попасть в другой конец Москвы, требуется не менее полутора часов. Если кому-то повезёт жить рядом со всеми своими родственниками и друзьями – это редкая удача.

Что же остаётся?

С одной стороны, – тот самый Интернет, который в последние годы активно осваивают пользователи разных поколений (можно вспомнить Интернет-курсы для пенсионеров уже и у нас, в России) и который часто оказывается наиболее удобной альтернативой всем перечисленным выше способам общения, так как лишён упомянутых мною недостатков. С другой, – для многих довольно редкая, а потому еще более ценная роскошь живого человеческого общения: совместные выезды на природу, на дачу, семейные сборы по праздникам, коллективные походы в музей, в театр, в кино, встречи с друзьями и просто чаепития без повода – как только появляется желание и возможность.

В конце 2007 года я зарегистрировалась на сайте «Одноклассники»: очень хотелось найти тех, с кем вместе училась в школе, поскольку с большинством связь была давно потеряна, а многие вообще обосновались в разных частях света. И действительно, именно этот сайт помог «инициативной группе» собрать в Москве на юбилейном вечере по случаю двадцатилетия выпуска большую часть нашего класса, приехали даже некоторые «иностранцы».

После первой – майской – встречи была вторая, приуроченная к официальному вечеру встречи выпускников, ежегодно проходящему в школе, – осенью. И вновь в её организации нам очень помог сайт «Одноклассники».

Приближался год 2009-й, а вместе с ним – ещё одна важная для меня дата: пятнадцатилетие окончания института. Появилось большое желание узнать что-то о своих однокурсниках, собраться вместе. Наверное, не будь того же сайта «Одноклассники», подготовка встречи курса потребовала бы гораздо больше времени и сил.

До и после каждого мероприятия возникали всплески интереса друг к другу: мы переписывались, обменивались новостями – в основном через сайт. Но потом общение переходило в более спокойное русло, что, на мой взгляд, вполне естественно.

Постепенно осваиваясь в виртуальном пространстве, я начинала видеть и другие его возможности. Обнаружив на «Одноклассниках» людей с близкими профессиональными интересами и увлечениями, причём далеко не только москвичей, иногда просто с удовольствием общалась с ними, иногда – решала важные для себя вопросы. Чуть-чуть попробовала себя в роли организатора – создала собственную «группу по интересам»: пыталась поддерживать её активную деятельность, но вскоре поняла, что это требует большого количества свободного времени, которого у меня нет.

В этот момент я осознала, наверное, самую главную опасность увлечения виртуальным общением: если не контролировать себя, оно может легко перерасти в зависимость, столь же опасную, как наркотическая, алкогольная или любая другая. На сайте создано огромное множество сообществ – групп, среди которых обязательно найдутся интересные любому пользователю; практически в каждой из них немало личностей, общение с которыми может продолжаться бесконечно и при этом оставаться необременительным для собеседников, ни к чему их не обязывающим. Человек

при желании может придумать себе какую-нибудь «роль» – и никто не обвинит его во лжи или в неискренности, поскольку другие просто не знают, каков он на самом деле. Особенно если учесть, что в обсуждении темы на форуме какой-нибудь разросшейся группы могут одновременно участвовать несколько десятков пользователей или даже больше.

Первые месяцы после регистрации на «Одноклассниках» мое увлечение этим сайтом было довольно сильным: как только появлялись свободные 15–20 минут, часто возникало желание посмотреть, что обсуждают в группах, в состав которых я вошла (и где числюсь до сих пор – именно числюсь, заглядывая туда совсем редко). В болезненную зависимость оно не переросло: у меня в жизни много других интересов, а «лазание по сайтам» оказывается на одном из последних мест. Позже я стала относиться к данному ресурсу как к еще одному техническому средству, облегчающему поиск необходимой информации, решение важных вопросов, общение с друзьями и приятелями, – но не более того.

Летом 2009 года я зарегистрировалась ещё на одном очень популярном ресурсе – в «Живом Журнале» (ЖЖ). Знала, что на этом сайте общаются многие мои приятели из отряда добровольных помощников реставраторов «Рождественка» и что там можно размещать свои тексты – например, о тех же поездках – вместе с фотографиями. А вскоре на форуме «Рождественки» возникли технические неполадки, и на некоторое время обсуждение срочных организационных вопросов было перенесено в ЖЖ. Около двух месяцев, пока была не очень занята, вела там дневник. Но сейчас появляюсь в ЖЖ крайне редко: и первое увлечение прошло, и жаль тратить время на виртуальное общение, когда можно использовать его на что-то более полезное и важное.

О чём ещё я размышляла, анализируя свой опыт общения на бесконечных просторах Интернета?

Прежде всего – о том, как непросто соблюдать тонкую грань, отделяющую комфортное общение от бесцеремонной навязчивости и

вторжения в личную жизнь другого. А задумываться об этом необходимо, если мы хотим сохранить взаимопонимание с человеком, который нам чем-то дорог. В противном случае вместо интереса друг к другу можем получить взаимные обиды, злость, раздражение и в результате одного когда-то неосторожно оброненного слова прекратить все контакты с этим человеком.

Очень важно помнить о том, насколько мы все разные, как по-разному часто воспринимаем те или иные слова, прозвучавшие в наш адрес. И влияют на это очень многие обстоятельства: воспитание, характер, жизненный опыт, а порой и эмоциональное и физическое состояние в данный момент. В отличие от «живого» разговора, когда есть зрительный контакт с собеседником, здесь мы не видим реакцию другого человека на свои слова и не можем сразу исправить собственную оплошность, если уж допустили её.

Существует ещё одна проблема, которая почти наверняка рано или поздно встанет перед теми, кто предпочитает «быстрые» формы общения в Интернете – например, очень распространённую сейчас «аську» (ICQ). Человеку, получившему от нас письмо в режиме он-лайн, общение с нами в данный момент может сильно мешать – отвлекать от важной работы. А дальше всё будет зависеть от его характера, умения отстаивать свои потребности и т.д.: один «проглотит пилюлю», ничем не выдав своего раздражения, другой – выскажет всё, о чём думает, в максимально корректной форме (особенно если подобное произошло впервые), третий… Способов реагирования на данную ситуацию может быть очень много. Выход же напрашивается один – проще всего постараться не допустить её возникновения, заранее договариваться с собеседником об удобной и комфортной для обоих форме виртуального общения.

А что делать тем, кто в силу своего физического состояния большую часть времени вынужден проводить в четырёх стенах? Для таких людей Интернет действительно часто оказывается если не единственным, то очень важным окошком в мир – это больше, чем «средство общения». Но и в этом случае важно стремиться использовать для контактов с окружающими и другие возможности: встречи, беседы по телефону, – и помнить: реальная жизнь всегда несравнимо богаче, разнообразнее виртуальной, какой бы интересной и привлекательной та ни казалась на первый взгляд.

В заключение хочется вспомнить замечательный символ Инь – Ян, известный ещё со времён Древнего Китая. Его смысл – созидательное единство противоположностей во Вселенной: каждая из двух великих сил Вселенной несёт в себе зародыш противоположного начала. Если мы будем помнить об этом и ценить как достижения технического прогресса, так и живое человеческое общение, стремиться искать во всём золотую середину, наверное, это и окажется самым лучшим решением проблемы, в тот или иной момент жизни встающей буквально перед каждым.

Татьяна ПОДГОРНАЯ

ВИРТУАЛЬНАЯ реальность:

личный опыт

Восемь лет назад, когда мои родные, друзья и знакомые всё чаще стали говорить, что мне нужен компьютер, я, если честно, внутренне недоумевала: ну что они все пристали, да ещё разом? Ну да, умная машина, и много полезного может, но писать, читать и рисовать прекрасно можно и без неё…

Мне говорили про большие возможности для работы, общения, учёбы… Но всё это казалось не более чем красивыми словами.

И вот в конце 2002 года, под самый Новый год, это чудо современной техники поселилось на моём столе. И… появилось как раз вовремя. Несколькими месяцами раньше из типографии вышла скромная брошюрка первого номера нашего журнала. Нужно было готовить второй. И вот, на ходу, почти методом тыка, осваивая текстовые редакторы, я принялась тут же применять знания на деле, готовя макет (в простом Ворде – нисколько не стыжусь сейчас этого, поскольку очень многие начинали с него). И когда держала в руках пахнущий типографской краской журнал, в точности такой, как я его видела у себя на экране монитора, не могла избавиться от ощущения нереальности происходящего… И, конечно, уже не было мысли: «А зачем мне это всё нужно?».

Через год после покупки компьютера появился и выход в Интернет. И… тоже был вполне вовремя и кстати. Границы моих возможностей резко

раздвинулись. Электронная почта связала меня с авторами и читателями журнала далеко за пределами моей Рязани, сайты дали кучу разной информации по интересующим меня вопросам – и по проблемам людей с ограниченными физическими возможностями, и по литературе, живописи, астрономии, и по многим другим.

А ещё через несколько лет я подключила безлимитный тариф. И вот тут начались интересные вещи.

Сначала – ощущение свободы: не нужно считать ни минуты, ни мегабайты, сиди спокойно, где хочешь. Сколько новых сайтов, сколько всего можно узнать, прочитать… Электронные библиотеки, форумы… А ещё программы-мессенджеры – ICQ («аська»), Mail Ru Agent – позволяющие общаться в режиме он-лайн. Всё это захватывало, увлекало…

Но недавно я была просто шокирована замечанием подруги, у которой Интернета нет. Она заявила мне, что не допустит, чтобы я превращалась в киборга! Поводом стали мои новости, которые по большей части связаны именно с компьютером…

В этот день я рассказала о том, что у меня стало получаться рисовать на компьютере. Почему-то ей показалось это совсем уж дико. «Ты что теперь, бумагу вообще забросишь? И вообще, станешь как японцы, которые даже очки с подключением к Интернету изобрели? Ну уж нет, ты человек, а не киборг, давай человеком и оставайся!»

Это, конечно, была шутка. Но, тем не менее, я задумалась…

Когда-то, несколько лет назад, я уже задавалась вопросом, не грозит ли мне компьютерная зависимость. Смотрела телепередачу об этом. Там говорилось, что человек суживает свой горизонт, не выходит из дома, интересуется только компьютером, и т.д.

На тот момент я решила, что в моём случае мои возможности и горизонты только расширяются с помощью Интернета. И вправду, он дал мне возможность, во-первых, работать, во-вторых, общаться более активно, чем до этого. Я считала, что виртуальная реальность для меня не самоцель, а лишь одно из средств достижения каких-то своих целей и задач.

Так и было.

Однако сейчас иногда мелькают тревожные звоночки.

Допустим, раньше я выбиралась, например, в библиотеку. Сейчас – ищу книги в Интернете... Почти перестала писать бумажные письма...

Само по себе это не страшно, просто электронное письмо написать и отправить легче. Книгу, конечно, удобнее читать в бумажном виде, но если её можно найти в электронном, то стоит ли идти, допустим, в центральную библиотеку или в большой магазин ради неё?

Но вот что меня насторожило – я стала замечать, что от своих проблем убегаю в эту виртуальную реальность.

Достанут мысли о какой-нибудь проблеме – сижу, бывает, что ищу информацию о том, что волнует, а бывает – и просто так лезу куда попало, чтобы отвлечься…

Если дома не всё гладко, домашние не в духе – сижу в своей комнате, уткнувшись в монитор, и молюсь, чтоб ко мне никто не сунулся… Бумажную книгу взять или карандаш, краски – намного реже хочется…

Понимаю, что нужно от проблем идти в реальный мир, к реальным людям. Но…

«...А куда, а зачем, а надо ли тебе это...» и еще тысяча всяких «а»... Вопросы и от близких, и – собственная неуверенность примешивается… Затеешь что-то – а потом хочется уже рукой махнуть...

Конечно, это преодолеваешь, когда тебе действительно что-то сильно надо. Иногда можно настоять на своём, невзирая на сопротивление. Но чаще делать этого не хочется. Проще уткнуться в монитор – вот там тебя не контролируют и не следят за каждым шагом.

Вот и раскрыт наглядно механизм компьютерной зависимости, особенно у подростков. Но он срабатывает и в старшем возрасте.

После этих наблюдений стала прислушиваться к себе, ловить себя на таком стремлении. И если уж тянет к уходу в своё или чужое «самовыражение» – стараюсь взять бумажную книгу или самой порисовать на листе бумаги хотя бы шариковой ручкой. А если к компьютеру – то лучше всё-таки поработать над текущими делами и задачами, а не сидеть попусту на форуме…

Кстати, о форумах и других формах виртуального группового общения.

Как-то я попыталась прикинуть, какое же количество информации ежедневно «выдаю в эфир» и пропускаю через себя и в какой степени я присутствую в переплетениях Всемирной Сети…

Картинка вышла довольно внушительная. Несколько электронных почтовых ящиков. Персональный сайт-самоделка. Сайт журнала. Два блога. Несколько форумов… И всюду – я. Где-то под настоящим именем, где-то – не делая секрета из своего ника, где-то – совсем анонимно…

А ещё – социальные сети, в которых меня настойчиво приглашают зарегистрироваться и в нескольких из которых я действительно «свечусь».

А надо ли мне это?

Скажу прямо: далеко не всегда…

В «Моём мире» я зарегистрировалась просто ради интереса, плохо представляя себе, что это такое. Попробовала действительно создать свой мирок – фотографии, мелодии, блог… Но когда за мои фото и видео стали голосовать совершенно незнакомые люди – не комментировать, не выражать свое мнения словами, а просто тупо голосовать – «здесь был Вася»… вот тут мне стало не по себе. Почувствовала, что мне это неприятно – как грубое вторжение в мою личную жизнь…. Да, можно закрыть, можно сделать даже так, что страничку сможешь видеть только ты, – но какой тогда смысл? Лично мне милей потрёпанная тетрадка для личных записей… В итоге сейчас я общаюсь в социальных сетях, но достаточно сдержанно. Иногда пишу личные сообщения там, если не хочу перегружать заваленный рабочей перепиской почтовый ящик. Выкладываю иногда фото, видео, стихи – но только те, которые я не считаю глубоко личными. И совсем не могу понять тех, кто кричит на весь Интернет о новой модной тряпке или новой интимной связи…

А форумы… Мне очень интересна эта форма виртуального общения. Я с удовольствием обсуждаю интересующие меня проблемы науки, культуры, проблемы инвалидов и другие вопросы. Виртуальное общение на форумах у меня нередко перерастает в более тесное знакомство, начинается переписка по электронной почте, общение вне форума. Был даже смешной случай, когда познакомилась на форуме с человеком, коллегой по увлечению астрономией, как оказалось, живущим в 500 метрах от меня. Но и с более далёкими виртуальными собеседниками общение

тоже, случается, выходит за рамки виртуального – например, с некоторыми московскими друзьями удалось увидеться вживую. Но даже если этого не происходит, общение может быть очень тёплым, искренним, плодотворным. Завязывается и дружба, и сотрудничество… Иногда доходит совсем до неожиданного. Однажды друзья с астрономического форума подарили мне штатив для телескопа. А в данный момент я читаю книгу, которую прислала мне бандеролью ещё одна знакомая…

Да, со многими виртуальными собеседниками я никогда не виделась вживую. Но это не мешает нам плодотворно общаться, делиться радостями и печалями, размышлениями. Некоторых из этих людей я с полным правом могу назвать своими большими друзьями, потому что даже на расстоянии мы знаем друг о друге очень многое, помогаем и сопереживаем друг другу. Конечно, можно придумать себе для Интернета новый имидж, совершенно не похожий на тебя в реальности, но при близком и доверительном общении вся его «шелуха» рано или поздно отлетит. А лично мне и ещё очень многим людям всё-таки намного легче и приятнее оставаться самими собой.

В какой-то степени «виртуальная реальность» помогает мне осваивать общение как таковое. Я очень долго сидела в четырёх стенах, не имея практически никакого опыта взаимоотношений вне привычного круга близких и родных, и, выйдя из этого круга, испытывала большие сложности в общении. Я не говорю, что виртуальное общение может заменить реальное, но в копилку опыта ложатся и электронные письма, и форумы, и диалоги по «аське». Конечно, всё это не может заменить реального общения, так как лишено очень многих составляющих живого разговора и в чём-то очень ограниченно. Об этом следует помнить всем. Но электронная переписка помогла мне быть уверенной в себе, показала, что я могу донести свои мысли до другого человека и понять его. И это придало уверенности и в живом общении, несмотря на то, что его законы отличаются от законов виртуального общения и умение общаться виртуально не спасает от ошибок в реальном, и наоборот. Одно то, что ты знаешь законы одного, – вселяет уверенность, что законы другого тоже можно научиться грамотно использовать.

К сожалению, не могу не отметить особенность многих форумов. Благодаря тому что писать в них может любой и что угодно, нередко бывает так что серьёзную тему превращают в пустой трёп, могут безжалостно заклевать человека, спровоцировать конфликт… Случается, поначалу интеллигентный и интересный форум просто вымирает, если такие «болтуны» (у них есть сленговые названия – спамеры, тролли) – активизируются сверх меры… И опять же – много пустого трёпа. Но… каждый несёт в Интернет то, что имеет. Можно создать полезную программу – а можно потратить те же силы на «рождение» компьютерного вируса… И сообщение на форуме – всего лишь отражение человеческих качеств его автора… Всё зависит только от нас самих, а вовсе не от достижений технического прогресса.

Ирина ПОЗДНЯКОВА

Какие ресурсы заложены в человеке от природы? Наверное, далеко не каждый из нас до конца осознаёт их. Чтобы они проявились, часто должен представиться случай.

На наш взгляд, Николай Дьяченко отличается редким качеством: он умеет не упускать возможности, «вдруг» появляющиеся в его жизни. На самом деле – не вдруг: всё вполне закономерно. И рассказанная им история, и его биография, и комментарий человека, хорошо его знающего, – полностью подтверждают эту мысль. Несмотря на довольно молодой возраст, Николай не только многое испытал в жизни, но и стремится помогать тем, кто ему дорог.

Николай Дьяченко

Как я помог другу

Дьяченко Николай Александрович родился в 1981 году в Москве. Инвалид второй группы (ДЦП).
До 1997 года жил в детском интернате Департамента социальной защиты населения.
С 1999 по 2004 год занимался по общеобразовательной программе 3–6-го классов с преподавателями-волонтерами и в вечерних школах для бывших воспитанников детских домов. Поняв,что для него важнее начать самостоятельную жизнь, в 2005 году Николай в течение полугода окончил вспомогательную школу.
С 2004 по 2007 год работал курьером в различных организациях Москвы.
Увлекается современной музыкой, историческими фильмами.
Женат, есть сын.

Когда-то я жил в детском психоневрологическом интернате, и был у меня хороший друг, с которым мы провели много лет вместе, пока не пришло время разъезжаться (Женю перевели во взрослый интернат, а меня мама домой забрала). Наши пути разошлись, но своих друзей я никогда не забывал, навещал, когда мог. Иногда я Женю забирал куда-нибудь, сопровождая всюду, до тех пор, пока мне в голову не пришла идея научить его ездить самостоятельно.

Он не умел читать и считать, поэтому боялся ездить по городу, а ведь в тот момент, когда я начал его учить, ему было двадцать лет, а мне – восемнадцать.

Я к этому подошёл очень-очень осторожно. Первое время мы ездили вместе, потом началось воспитание: перед тем как мы садились в метро, я ему объяснял, до какой станции мы едем, и садились в соседние вагоны одного поезда, но так, чтобы друг друга видеть. Мне приходилось ждать до последнего момента, когда Женя встанет с места, и только потом я вставал сам.

Так продолжалось на протяжении года (ездили в разные места Москвы).

Однажды мы с Женей в очередной раз куда-то поехали по старому сценарию. На обратном пути я вспомнил, что мне надо срочно быть у преподавателя по русскому языку, и стал думать: либо отменять урок, либо оставить его одного. На свой страх и риск я выбрал второе (оставить Женю один на один с городом), по дороге объяснил ему, на каком транспорте куда ехать, оставив телефон учителя, чтобы он позвонил, когда приедет, и мы попрощались.

Занимаемся с учителем час – звонка нет, два часа – нет. С места нашего расставания до интерната дорога занимает час – час десять минут. Я начал беспокоиться, что Жени до сих пор нет, и стал звонить в интернат. Охранник говорит: «Его пока нет», через полчаса я повторил попытку – та же история, третий раз звоню – охранник сказал: «Приехал», – и позвал его к телефону.

Я спрашиваю:

– Ты где так долго был?

На что Женя мне ответил:

– Я в магазин сходил.

– Ты мог потом сходить, позвони, предупреди, что доехал, и всё.

В то время сотовых телефонов у нас не было.

С тех пор Женя самостоятельно ездит по Москве и ко мне приезжает в гости, может ездить по всему городу сам, без чьей-то помощи.

Прошло десять лет.

Моему другу исполнялось 30 лет, и встал вопрос, какой подарок ему сделать. Пришла идея совместить приятное с полезным, и я решил организовать для него поездку в Петербург. Наша встреча состоялась в Москве на Ленинградском вокзале.

Приехав в Питер, Женя был поражён его красотой. Перешли через вокзальную площадь и спустились в метро. Ему было интересно каждое здание, ведь в этом городе много старинных домов.

Вся поездка заняла один день. Мы хотели сначала направиться на кладбище к Виктору Цою и потом гулять по городу, но вышло так, что мы не сразу попали к моему кумиру, потому что было ещё рано и всё закрыто. Поэтому я предложил пойти перекусить где-нибудь. Так мы и поступили. Наконец кладбище открылось, мы купили цветы и пошли, приходим к месту. Женя был удивлён тем, что уже в десятом часу утра около его могилы был народ. Мой друг даже в какой-то миг испугался этого зрелища, но потом я поддержал его, и мы направились дальше, положили цветы и ушли, посидев ещё какое-то время на лавочке.

Гуляли мы по городу весь день, пока Женя не предложил пройтись по магазинам, в которых продаются сувениры. Мы ходили долго, и я так устал, что не

Друг Женя

Друг Коля

мог идти дальше. Я ему говорю: «Сходи один в следующий магазин», так как Невский проспект широкий и я боялся, что не успею перейти дорогу. Объяснил, куда ему надо двигаться, и он ушёл. До отхода поезда в Москву оставалось четыре часа. Друга нет, с момента расставания прошло уже полчаса. Я начал волноваться. Куда идти, кому звонить, не знаю: телефоны у нас были, но, как назло, у меня он не работал – сигнала не было. В общем, прошло 45 минут с момента расставания – смотрю, идёт радостный, довольный. Спрашиваю: «Ты где был?» Он ответил: «Пока посмотрел картины, пока в другом месте походил, вот так время и прошло».

Мы направились в сторону вокзала, зашли в пельменную, взяли салат, бутылку красного вина ну и, конечно, главное блюдо в этом заведении, выпили за то, что мы сюда обязательно вернёмся ещё.

Татьяна Подгорная

НАЧАЛО ПУТИ

11 марта 2000 года, суббота накануне праздника Масленицы. Лёгкий мороз, выпало много снега, которым замело всё вокруг. На нерасчищенных дорогах он лежит слоем толщиной чуть ли не в десять сантиметров, а под ним – коварный лёд.

Выполняя своё давнее обещание, Николай утром повёз своего друга Женю к его родственникам в дальний район Московской области, а вечером они вернулись в Москву. У Коли – рюкзак с вещами, вес – больше 10 кг: мой взрослый ученик очень хотел приехать на праздник Масленицы, который в Подмосковье организовали мои друзья. Проводив Женю в метро, Николай сел на электричку и отправился к месту нашего праздника.

К тому моменту мы с ним занимались почти год, причём не только русским языком: Коля активно участвовал в поездках вместе со мной и с моими друзьями. За это время я хорошо узнала его характер и физические возможности. Когда удалось договориться о тёплой ночёвке для участников Масленицы в ближайшем поселковом клубе, Коля очень заинтересовался этим вариантом. Сотовых телефонов тогда не было, и мы постарались всё предусмотреть заранее: я отдала ему карту области с обозначенным местом ночёвки, назвала расписание электричек, объяснила путь от железнодорожной платформы (идти предстояло примерно 2 км по обочине шоссе и около 500 м по просёлочной дороге в тёмное время); договорились, до какого часа я буду ждать его в клубе, а потом пойду навстречу.

Естественно, волновались мы оба. Но, увидев абсолютно счастливого Колю, быстро идущего к посёлку, я поняла: всё это было не напрасно. А на следующий день состоялся праздник: штурм снежной крепости, народные игры на лесной поляне, наш любимый зимний футбол… Домой вернулись только вечером, уставшие, но с массой впечатлений.

Так в 18 лет Николай, вероятно, впервые почувствовал, что способен выдерживать значительную физическую нагрузку. Главное, что увеличивало его силы, – интерес к предстоящему событию и осознание того, что есть люди, которые беспокоятся о нём и верят в него.

Потом наших поездок с Колей было ещё много, но именно эта помогла мне поверить в большой потенциал своего взрослого ученика.

Татьяна Подгорная

Друзья, не пора ли продолжить турнир?
В нём – экспериментов и Творчества пир!
А тема – «Я в роли». Быть можно – в любой!
Поэты, ау! Вызываю на бой!

Кто я?

Ирина Позднякова

* * *

Я – маска. Я – образ. Я – роль...
А если по сути? Никто?..
Введите логин и пароль,
И смените ник вы легко.

В Инете я где-то – одна,
А где-то – другая совсем:
Я там-то – свежа и бодра,
А там-то – под грузом проблем.

Звонок телефонный. Друг.
– Дела? Да нормально всё…
Но сцеплены пальцы рук,
Печаль исказит лицо…

Я – маска… А может, я –
Скорее хамелеон?
Иначе просто нельзя?
Суровой жизни закон?..

Смешалось все, как во сне –
И недруги, и друзья.
Иду к ним – и странно мне.
Вот – маски. Но где же я?

Екатерина Зотова

* * *

Скольжу туда, где неба глубина
тихонько к зеркалу реки прильнула.
Меня несет послушная волна,
в пути немало времени минуло –

лечу. Но горизонта не достичь,
хоть все полней небес и вод слиянье…
Вот так мечты немыслимая дичь
нас манит, не скупясь на обещанья.

Татьяна Подгорная

* * *

Легка и воздушна, как шаль-паутинка,
Мой путь – мне известен одной.
Могу завывать я противно и дико,
Могу быть бесшумной, ручной.

Родная стихия – стремительный танец,
А пауза – гибель моя.
И если не будет веселья и тайны –
Вмиг силы покинут меня.

Дарю всем художникам жизнь, вдохновенье
И Творчества вечный полёт.
Энергия, радость, к вершинам стремленье –
Вот жизни естественный ход.

Александр Васильевич Суворов родился 3 июня 1953 года в столице Киргизии – городе Фрунзе (ныне Бишкек). Начал учёбу в республиканской школе-интернате для слепых во Фрунзе (1960–1964). В Загорском (ныне Сергиево-Посадском) детском доме для слепоглухонемых учился с 1964 по 1971 год. В составе экспериментальной группы слепоглухих студентов из четырёх человек учился на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова – с 1971 по 1977 год.

Александр Суворов

В аспирантуре не учился. По окончании факультета психологии был зачислен младшим научным сотрудником в НИИ общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (ныне Психологический институт Российской академии образования). Там в 1994 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты», а в 1996 году – докторскую по теме «Человечность как фактор саморазвития личности». Докторская диссертация издана в виде книги «Совместная педагогика. Курс лекций» Университетом РАО в 2001 году.

В настоящее время – ведущий научный сотрудник Лаборатории психолого-педагогических проблем непрерывного образования детей и молодёжи с отклонениями в развитии и инвалидностью Института проблем интегративного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета.

Интересы: теоретическая психология, педагогическая практика (особенно с подростками, но в последние годы всё больше места занимает работа со студентами), поэзия, эссеистика; увлечения – чтение, прогулки на свежем воздухе, плавание; музыка, шахматы.

12 марта 2010 года моей маме, Марии Тихоновне Суворовой, исполнилось бы 86 лет. Ниже – стихи, написанные с момента маминого семидесятилетия до момента её смерти 4 февраля 1997 года.

* * *

Что со мной? Почему так грустно?
Всё в порядке – она жива,
Как ни кружится голова…
В мире трудном пока не пусто.
На диване она лежит,
Может, спит, или только хочет,
Хочет спать, – да над ней хлопочет,
Мысль назойливая жужжит.
Тени б не было посторонней
Рядом с мамой… Слежу душой.
Страх за маму ночной порой –
Безысходней и монотонней.
Слякоть, холод, – весна гниёт.
Пережить бы нам беспогодье…
Мысли к дьяволу – об уходе.
Не пущу! К лету всё пройдёт.

* * *

Неужели на один
только день
Не сумею отогнать
горя тень?
Подбодрить, растормошить
не смогу?
Мама, маленькая, ну!
А-гу-гу!
Полюбуйся на друзей,
улыбнись!
На денёк забудь про тяж-
кую жизнь.
Ах ты, вечный у плиты
плясунок!..
Только семьдесят. Грудной
сосунок.
Как у мамы у моей
юбилей:
Только семьдесят…
Наверное –
дней.
Все в морщинах малыши –
и без зубов…
Так попробуй отличи –
от стариков!

* * *

В моём воображенье беспристрастном –
Сквозь поздний вечер слабая луна.
Сквозь тень беды свечением неясным
Встревожен: мама тяжело больна.
Ну, мама! Не пугай же! Что с тобою?
В ночную злую тень не уходи.
Светись поярче – солнышком весною.
Неужто мрак и горе впереди?
А как же я? Где брать для жизни силы?
А с кем же я? Зачем я без тебя?
От копоти очистись, образ милый.
Спокойно мне свети средь бела дня.
Моей любви чистейшей мощной вспышкой
Хотел бы сжечь твою болезнь и грусть.
Я жизни, мама, должен много слишком,
И без тебя ни в жизнь не расплачусь.

* * *

Рано или поздно – все там будем…
Грезишь-бредишь всё равно о чуде.
Грезишь-бредишь день и ночь упрямо,
Чтоб нисколько не старела мама.
За свою не стал бы жизнь цепляться,
А за мамину – готов сражаться.
В бой готов за мамино дыханье.
Оттянуть бы навсегда прощанье…

* * *

А из глаз твоих течёт печаль.
Мама, мне тебя до хрипа жаль.
А из глаз твоих струится свет.
Мамы никого красивей нет.
А зачем из глаз твоих ручей?
Хватит, мама. Больше слёз не лей.
А в глазах твоих терпенье жить,
Как бы часто ни хотелось выть.
А глаза готовы всё прощать;
Дело мамы – не казнить: спасать.
А глаза отталкивают смерть:
Маме некогда в могиле тлеть.

* * *

Главное моё счастье.
Вечное моё «Здрасте».
Изредка – «До свиданья».
Только бы – не «Прощай»…
Страшно боюсь прощанья.
Мама, не покидай!..
Старенький мой ребёнок,
Ты, бормоча спросонок, –
Хлоп наугад будильник!
Встанешь – меня будить.
Длинный, аж непосильный
День – без меня прожить.
Вот я с работы. Вечер.
Грудь мне боднув при встрече,
Ласково, но с обидой –
Столько ждала! – гудишь.
Новости разом выдашь,
И – покормить спешишь.
Мало – не обижайся, –
Вместе. Понять старайся.
За руку ты по-детски
Сразу двумя – взялась.
Нежности переплески –
В губы твои – семь раз.

У меня в то время не было компьютера дома, а я работал над докторской диссертацией. Приходилось ежедневно (кроме Воскресенья) ездить в центр компьютерных технологий Всероссийского общества слепых. Там я и работал с утра до вечера, а мама ждала дома, и мы ей в течение дня позванивали, уговаривая выйти проветриться во двор (летом)... Там она часто нас и встречала с работы.

* * *

Между мной и смертью – нет границы.
И оттуда смотрят лица, лица,
У окошка по ночам толпятся,
И прогнать их – нечего стараться.
Что ж, со мной – беседу затевайте.
Только маму, чур, не задевайте.
Я – ваш полномочный представитель.
Я за вас – упорной скорбью мститель.
Мама – нет и нет, – она не ваша.
Только здесь – её страданий чаша.
Я держу её на нитке тонкой.
Вы летайте за окном, сторонкой.
Спит усталый старенький ребёнок.
Сделал ей массаж. Ворчит спросонок.
Крыльями её не накрывайте.
Много раз ещё проснуться дайте.

* * *

Велик маршрут, изматывает силы.
Идти спешу, иначе не могу.
И плачет мама – мой младенец милый,
Чью старость плохо берегу.
Мороз, и снег, и ночь к окну прильнула.
И тени вновь слетелись погостить.
Я знаю: это кладбище проснулось,
Чтоб совесть у живых будить.
Окно дрожит от похоронных маршей.
Порожний гроб снаружи у стекла.
Я жив, но этих мёртвых много старше –
В меня печаль веков вошла.
Страшиться их поэтому смешно мне.
До встреч ночных бессонных – снисхожу.
С улыбкой скорбной, слишком много помня,
За лютым временем слежу.
Давно в пути, но столько же осталось.
Бессмертен я – всегда на полпути.
Окаменев, презрительная жалость
К безумной суете – в груди.

* * *

Мама, одинокий мой листочек
На промёрзшей веточке зимой,
Дай остричь твой детский ноготочек,
Кровь разгорячить в руке больной.
Пальцы в буковки с трудом сгибая
В час, когда со мною говорит, –
Почему рука твоя другая,
Не больная вроде, так дрожит?
Я испуган, мама, не на шутку,
Хрупкое сокровище моё.
Задержись со мною на минутку –
Хоть на сколько-нибудь лет ещё.
Жизнь твоя дрожит, как на промёрзшей
Веточке – последний лист сухой.
Что мне сделать для моей хорошей,
Чтоб не дул морозный ветер злой?
Зимний день забрезжит, вял и бледен,
Ночи-хищнице наперекор, –
Мы с тобой давай к врачу поедем,
Обновим лекарственный набор.

Тамара Мурунова

ДАЛЁКИЙ БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК

(из автобиографической книги «Это моя жизнь»)

Стихи по телефону

Приступаю к рассказу об этом человеке, нашей с ним дружбе, и меня охватывает волнение – а смогу ли? Смогу ли всё рассказать? Потому что одно дело, когда я просто писала очерк о нём, когда рассказывала о нём всем знакомым, стараясь и их подружить с ним. И совсем иное – вот это моё исповедальное творение, когда главный герой всё-таки именно я. И рассказ мой в основном обо мне и о моём понимании наших с ним взаимоотношений. Тем более что с Володей связано очень много событий, которые опять-таки затрагивают нас обоих и которых вполне могло и не быть, если бы не он. Если бы не перебрался он летом 1989 года в наш город.

А приехал Володя из Харькова, где прожил с родителями почти всю свою жизнь. Потом отец умер, он остался в большом городе вдвоём со старенькой и тоже больной мамой. В Похвистневе у него жила родная сестра. Здесь у неё были дом, семья, работа, обустроенный за годы быт. Обменять здешнюю квартиру на Харьков было делом почти нереальным. Кто бы поехал в нашу дыру из областного центра, да ещё и с Украины? Проще было им с матерью переехать в Похвистнево, что, в общем-то, довольно быстро и получилось. Квартиру для обмена сестра нашла им рядом со своим домом, чуть ли не подъезд в подъезд. И едва Володя обустроился на новом месте, как позвонил мне. Произошло это где-то в начале зимы 1990 года.

В газете как раз была опубликована моя большая, чуть ли не во всю полосу, статья, рассказывающая о местном обществе слепых. Материал этот мне никто не заказывал, просто я сама захотела узнать, как живут незрячие люди, как справляются со своими проблемами, что вообще даёт им силы жить и радоваться жизни. Мне, правда, было это очень важно, потому что, частенько размышляя о себе, своей жизни, я, несмотря ни на что, всегда думала, что мне всё равно грех жаловаться, грех гневить Бога, ибо он не лишил меня зрения, я вижу. Вижу, как утром восходит солнце и как вечером оно закатывается. Я могу любоваться синим небом, цветами, видеть каждую букашечку на их лепестках. И мне всякий раз становилось страшно, когда я думала о том, что было бы со мной, если бы я не видела белый свет. Порой закрывала глаза и представляла, что всё это со мной навеки, и меня прямо-таки охватывал ужас. Я оказывалась нигде, в сплошной кромешной темноте. Я не видела своей комнаты, её стен, мебели, окна, за которым играло своими лучами солнышко. Но… Я открывала глаза, и мой привычный мир вновь возвращался ко мне. А они? Как жилось этим людям?

Наверное, моя статья, как всегда, вышла эмоциональной. Потому что, прочитав её (точнее, прослушав), Володя мне позвонил. Как он потом мне сказал, ему хотелось высказать автору некоторые свои замечания, может быть, даже поспорить. «Но я позвонил и услышал совсем юный голос, и подумал – да она же совсем молоденькая».

А мне его голос тоже понравился – тихий, приятный, вежливый. Мы разговорились. Я узнала, что мой собеседник тоже не видит, причём с двух лет, что у него с детства тяжёлая форма полиартрита, которая изувечила все его суставы. Что все свои сорок два года он живет в страшных болях, передвигается только по квартире на костылях, и то с трудом.

У нас с ним оказалось много общего и в судьбах, и в характере. Похожи мы были и в интересах, своих увлечениях. Володя тоже много читал, знал творчество многих писателей и поэтов, умел отличить хорошие книги от плохих. В первый же наш разговор мы с ним даже немного почитали друг другу: я ему – Ахматову и Тушнову, он мне своих любимых авторов – Окуджаву и Высоцкого. Обнаружили мы и одинаковые музыкальные пристрастия. Было ещё одно, главное, что особенно нас как-то сразу сблизило: мы оба воспринимали мир таким, какой он есть, и нашу жизнь в этом мире тоже такой, какая она есть. Без излишнего трагизма, жертвенности. Просто так вышло, так случилось, и ничего с этим не поделаешь – надо жить и терпеть, делая в ней то, что мы можем, что умеем.

Володя был радиолюбителем, имел хороший трансивер, с помощью которого ежедневно выходил в эфир. Но более всего меня поразило то, что, будучи абсолютно слепым, он сам ремонтировал свою аппаратуру, сам паял.

– Как? – ахала я. – Это же всякие провода, сопротивления, предохранители.

– А язык на что? – грустно усмехался он в ответ. И подшучивал: – Я всё на язык пробую. К тому же у меня ещё и пальцы есть, мои вторые глаза.

Пальцы его, и правда, были всевидящими. Ими он читал не только книги, но и многочисленные радиосхемы, каким-то непонятным для меня образом разбираясь в их хитросплетениях. А потом выяснилась и ещё одна очень приятная для меня новость – Володино умение сочинять стихи. И произошло это открытие неожиданным образом.

Как-то я смотрела по телевизору передачу, которая меня потрясла. Показывали город Припять. Красивый, современный город, обнесённый колючей проволокой. Высокие, светлые многоэтажки, зелёные дворики с застывшими детскими качелями, пустые песочницы под деревянными уютными грибками, заасфальтированные дорожки, по которым ветер лениво тащил какие-то скомканные бумажки. И страшная, просто леденящая душу пустота. Нигде не было ни души. Ни человека, ни даже кошки, бегущей куда-то по своим делам.

Я даже не помню, как руки потянулись к бумаге, как сами собой полились строчки:

Город за колючей проволокой,
Мир безлюдья, скорби, пустоты.
Только ветер безучастный волоком
Тащит по асфальту смятые листы.
Что в них? Чьи-то письма недошедшие
Или это лишь газетный лист…

И вдруг моё перо остановилось. Дальше строчки не шли.

У меня так часто бывает – то ни с того ни с сего начинают складываться стихи, то неожиданно, на полном ходу, обрываются, а уж потом как Бог даст. Случается, что строчки начинают звучать уже на другой день, а то и через год и два…

Володя позвонил мне, когда я сидела и грызла свой карандаш, мучительно отыскивая нужные слова.

– Что делаешь? – спросил он как всегда.

– Да вот стишок пытаюсь написать.

И я начала рассказывать, как увидела сейчас передачу, как больно поразил меня мёртвый город за колючей проволокой, как буквально врезались в память листки бумаги на его пустых улицах.

– До сих пор вижу, как ветер их то к одному краю тротуара прибьёт, то к другому, то они вдруг распластаются, как подбитые птицы.

Мы поговорили ещё о чём-то, а потом распрощались. Но каково же было моё удивление, когда минут через двадцать Володя вдруг позвонил опять:

– Хочешь, прочту продолжение твоего стихотворения?

И не успела я толком сообразить, как из трубки полились строки:

Что в них? Чьи-то письма недошедшие?
Или детской мысли торжество?
А, быть может, профиль лучшей в мире женщины
По асфальту мимо пронесло?
Разгадать бы! Но экран бесстрастен.
Ветер всё уносит за собой.
Так и жизнь, играючи, но властно
Судьбы рушит жёсткою рукой.

– Здорово, – сказала я и вдруг завопила в телефонную трубку: – Слушай, да тебе обязательно надо писать, у тебя способности, честное слово.

Я думала, что мне придется долго уговаривать своего товарища, убеждать, что ему обязательно нужно писать. Я готовилась чуть ли не к смертному бою, но никакого боя не потребовалось. Оказалось, что Володя и сам всё это хорошо понимает, и строчки эти далеко не первые в его жизни, что он баловался стихами, особенно в юные годы. А потом забросил, потому что сие занятие показалось ему нереальным и бесперспективным. Ну что может сказать людям слепой человек, который ни разу в жизни не видел даже неба, который просто не представляет его красок. Да и потом удержать все эти сочинённые строчки в памяти тоже дело нелёгкое, потому что записывать их некому.

– Господи! – чуть ли не ясным соколом взвилась опять я. – Да я тебе буду записывать. Ты только сочиняй, а уж в этом-то я тебе помогу.

И случилось то, что мне и теперь кажется невероятным. Стихи пошли, буквально хлынули, рождаясь, казалось бы, из ничего. Вначале я записывала их на случайных листочках, потом завела толстую тетрадь. Стихи иногда шли чуть ли не весь день напролёт. И тогда, отложив свои дела, я записывала и записывала их, не переставая удивляться тому, какие чудеса могут творить человеческий мозг и душа.

Потом Володя не раз мне признавался, что именно я стала его главной музой, дав ему и темы, и образы, мысли и чувства для его строчек. И, наверное, так оно и было на самом деле. Потому что стоило мне рассказать что-то ему, даже просто упомянуть, как тут же рождались стихи. Например, рассказать о белых розах шиповника, которые мне принесли и которые мама поставила на полочку возле моего портрета:

Белые розы шиповника
У твоего портрета,
Выросшие без садовника
Вольно на лоне лета.
Белым заполните горницу
Цветом, как снегопадом,
Милую сердцу затворницу
Вызволив из блокады…

Все стихи начала девяностых годов были посвящены мне. «О переменчивой судьбе, как посвящение тебе», – как выразился Володя в одном из своих стихотворений. А однажды он сочинил мне даже акростих, который так и озаглавил «Ты»:

Ты моё золотое начало
Акварелью приволжской весны
Музу в сердце зажгла и сломала
Агрессивность пустой тишины.
Растревожила ласковой властью
Аскетичность моих вечеров,
Милосердием к хрупкому счастью
Увела в мир созвучия слов.
Родником серых глаз растопила,
Уничтожила вечную мглу.
Нелегка надо мной твоя сила
От того, что тобою живу
В этом мире последних крещений.
А чем жить мне ещё наяву?

«Ну, чего раззвонился?»

И вот опять зависает моё перо над бумагой, не зная, как повести своё повествование дальше: пересказать ли поэтапно, день за днём, наше узнавание друг друга, наше общение, или уж не останавливаться особо долго, попытавшись уложиться в несколько торопливых строчек. Потому что, как ни грустно мне об этом говорить, но надо сразу признаться, что так замечательно начавшаяся дружба не продержалась и пяти лет. Мы познакомились в девяностом году, в девяносто пятом уже не общались, а в девяносто девятом Володя умер. И когда я услышала о его смерти, то не испытала ни боли, ни отчаяния, как это всегда бывает при горьких известиях о смерти кого-нибудь из друзей. Я просто подумала: «Царство ему небесное, отмучился, ушел из вечной своей темноты в мир неведомый, но, надеюсь, полный света и добра».

Никакой обиды, злобы я к нему не испытывала, как не испытываю этих чувств и сейчас. Мне по-прежнему его просто жалко. Жалко, что так горестно сложилась его жизнь. Полвека в сплошной темноте, в постоянных болях, с несбывшимися мечтами о счастье, о любви. Я склонна думать, что сама виновата в нашем разрыве. Ибо это я и только я внушила ему мысль, что он необыкновенный человек. Что он талантлив, большая умница, чудо из чудес, что заслуживает лишь восхищения. Я постаралась сделать всё, что могла, чтобы он почувствовал себя нужным людям, интересным им. И человек, проживший сорок лет в полном одиночестве, забвении, без друзей и знакомых, затерянный в огромных просторах большого города, в котором никому до него не было дела, и вдруг наконец-то получивший и внимание, и интерес к себе… Да, здесь я совершила большую промашку. Но, право, я этого не хотела, я просто об этом не подумала. Я очень обрадовалась, что судьба свела меня с таким интересным, умным человеком. Моё сердце сразу прониклось жалостью к нему как к товарищу по несчастью, такому же мученику, как и я, может быть, даже моему второму я. И все мои мысли, чувства, чаяния сконцентрировались на одном – помочь ему.

Я кинулась рассказывать всем своим друзьям и знакомым, какой человек поселился в нашем городе, умоляя их обязательно позвонить ему, подружиться с ним. Чуть ли не на одном дыхании накатала большой очерк о нём, который так и назвала: «После того, как погасло солнце». И эта моя эмоциональная публикация тоже была написана с одной-единственной целью – чтобы о Володе узнали люди. Мне очень хотелось как-то изменить жизнь своего нового друга, внести в неё побольше радости, общения. Я буквально превратилась в его добровольного секретаря, записывая каждую его рифмованную строчку, и сама дарила их ему. Дарила образы, темы. К стихам, к статьям, к написанию которых тоже его вскоре подбила. Появлялась какая-нибудь тема в моей газетной практике, которая требовала более утончённых размышлений, и я сразу переадресовывала её Володе – пиши, у тебя должно хорошо получиться. А потом с радостью читала её, эту статью, не забывая обязательно восхититься ею, похвалить: «Здорово, давай и дальше в таком же духе». Я забрасывала свои собственные писанины, чтобы успеть переписать и отправить в редакцию его материалы. И радовалась потом появлению их в газете больше, чем своим публикациям.

Вскоре я читала ему всё, что находила интересного в газетах, журналах, книгах. А когда Володя пожелал послушать Библию, то стала читать ему по телефону и эту мудрую книгу, отдавая этому чтению несколько часов в день. К сожалению, читая вслух, я очень быстро уставала, начиная почему-то сильно задыхаться, поэтому приходилось делать небольшие перерывы, накапливать силы, а затем чтения опять продолжались до тех пор, пока я не изнемогала вконец.

В своем стремлении сделать ему побольше доброго я дошла даже до того, что стала комментировать многие телефильмы, вернее, те места, где герои переставали говорить и нужно было объяснять, что в этот момент происходило на экране. Я стала постоянным комментатором и передачи «Поле чудес», на добрый час застывая с телефонной трубкой перед экраном телевизора. Володя слушал все слова ведущего, задания, которые тот произносил, но из какого числа букв состояло слово, какая из них высвечивалась на табло, – это ему было недоступно. И я взяла на себя роль домашнего диктора, считывающего эти буквы с экрана. Я сама это ему предложила, сама вызвалась, опять-таки проникнувшись глубоким состраданием к своему другу, которому даже такая малость, как попрактиковаться в своей эрудиции, была недоступна. А потом эта моя инициатива стала чем-то вроде обязанности. И как бы я себя ни чувствовала в эту минуту, хотела или не хотела смотреть передачу – это уже не имело никакого значения. Наступал час, звонил телефон, и я слышала неизменное: «Всё, я устроился…».

Стали моей обязанностью и каждодневные ночные разговоры по телефону. Сначала это получилось случайно. Однажды Володя позвонил мне, как всегда, среди дня. Обычно я отодвигала свои бумаги, и мы разговаривали о том о сём иногда по часу и даже больше. Но в тот день было что-то срочное, я не могла позволить себе говорить долго. Я попросила позвонить его вечером, после программы «Время».

– Я возьму телефон в постель и тогда хоть до двух часов в твоем распоряжении, – ляпнула, не подумавши.

И, конечно, Володя позвонил. И мы почти полночи проговорили, а потом он мне позвонил опять и опять. И вскоре эти ночные разговоры стали чем-то обязательным. И даже когда мне хотелось посмотреть какой-нибудь поздний фильм или передачу, звонил телефон, и я слышала в трубке: «Я устроился». Если я не брала трубку или укладывала её так, чтобы всё время показывало «занято», это не помогало. Сначала я пыталась намекать, что мне хочется немного посмотреть телевизор в это позднее время. А потом, увидев, что такое объяснение не считается объективной причиной, чтобы мне улизнуть от ночной болтовни, я начала даже немного привирать, что звонков не слышала, что телефон, наверное, просто не срабатывает.

Это враньё однажды мне вышло боком. У меня была бессонная ночь: страшно болела спина, ломили колени, опять было нехорошо с сердцем, опять не хватало воздуха. Я в прямом смысле ни на минуту не сомкнула глаз. А потом весь день сидела и клевала носом – так сильно хотелось спать. И когда Володя позвонил, я сказала ему, что не спала всю ночь, что не чаю дожить до вечера, чтобы напиться снотворного и завалиться спать. Я не сказала: «Ты уж не звони мне сегодня, пожалуйста», потому что думала, что это и так само собой вытекает из моих слов. И действительно, едва только стрелки добрались до восьми часов, наглоталась таблеток и заснула, можно сказать, мертвецким сном. Я не взяла с собой в постель телефон и не выключила его, потому что никаких ночных звонков не ожидала.

Проснулась я среди ночи. На столе надрывался телефон. Это был как удар по моим отуманенным снотворным мозгам. А потом вообще начался какой-то сплошной кошмар – телефон звонил, звонил, звонил... Дотянуться до трубки я не могла, а у мамы в последние годы было уже плохо со слухом. Левое ухо не слышало совсем, и когда она ложилась на правый бок, докричаться до неё было просто невозможно, тем более что спала она в соседней комнате через маленький коридорчик от меня. Сначала я зарывала голову в подушку, потом просто начала уже выть. А, где-то, наверное, через час, стала звать маму на помощь. И я всё-таки разбудила её. Мама кое-как дошлёпала до раскалившегося от звонков телефона и разгневанно схватила трубку:

– Ну, чего раззвонился? – крикнула в сердцах.

И на другом конце провода сразу дали отбой.

Я поняла, что это звонил Вовка. Это было его правило – звонить до последнего. Я это знала и уже смирилась. Но на этот раз моему возмущению не было предела: Господи, до какой же степени он, оказывается, эгоист, ведь знал же, что я не спала всю ночь, так нет же, извольте тешить его ночными разговорами!

– Ну, ты и даёшь, – сказала я ему утром, когда он как ни в чем не бывало позвонил мне. – Раззвонился вчера, как на колокольне, у меня аж голова чуть не лопнула от этих звонков.

Я думала, что услышу в ответ извинение, смущение, наконец, что он не подумал, как-то не сообразил, но ничего подобного не произошло. После секундного замешательства он вдруг стал мне говорить, что это не он, что он звонил совсем недолго, ну, может, сделал звонков пять-шесть и положил трубку. Он так извивался, так юлил, что мне стало противно. И я подумала тогда, что друг мой, оказывается, не только хороший эгоист, но ещё и порядочный трус. Наверное, именно тогда ко мне пришло первое осознание того, что он совсем не такой, каким я его напридумывала, каким воспела его в глазах своих знакомых.

Конечно, я постаралась об этом забыть и никогда не вспоминала в наших разговорах. Я просто продолжала свое служение ему: писала, читала, несла ежевечернюю, ночную вахту у телефона. Я обязана была не спать до двух-трёх часов ночи. Он потом отсыпался по полдня, а меня приходили поднимать в половине восьмого утра, потому что няне тоже нужно было успеть к восьми на работу. Сколько раз я просто засыпала с телефонной трубкой. «Слабым голосом в мембране завороженно / Спит моё сердечное мороженое, / В трубку мирно по-домашнему сопит, / Словно льдинками, дыханием шуршит», – посмеивался потом мой друг в своих стихотворных строчках.

В конце концов, эти поначалу и меня занимавшие разговоры стали не просто утомлять, но и тяготить. Постоянные недосыпания, многочасовое бубнение по телефону – ну о чём можно говорить каждую ночь, переливая из пустого в порожнее? Иное дело, когда это было действительно стоящее, когда нужно было выговориться, а уж просто так, чтобы только оказаться на одном проводе...

Напрасные надежды

Наверное, я уже начинала от него уставать. Я по-прежнему продолжала верить в его исключительность и говорить об этом всем. Я продолжала воспевать его умственные способности, эрудицию, необыкновенно цепкую память, но всё чаще и чаще стала убеждаться, что помимо хорошего у моего друга из всех щелей ползет и много дурного. А когда Володя вообразил себе, что он меня ещё и любит, и любит великой мужской любовью, то вообще стало невмоготу. Потому что трактовалась эта любовь так: меня осчастливили, и отныне моё существование должно подчиняться только этим его чувствам. Я теперь должна была угадывать каждое его желание, малейшее изменение в настроении и, угадав, естественно, тут же лететь к нему на помощь. Ещё бы, меня ж полюбил такой человек!

А мне же эта любовь была абсолютно не нужной. Более того, она представлялась мне даже глупой. Господи, ну какая любовь, если мы просто должны помогать друг другу, поддерживать друг друга, как единомышленники, как два очень больных человека!? А ещё мне очень хотелось сделать из Володи поэта.

Наверное, и здесь я тоже совершила ошибку. Потому что каждую его строчку встречала на ура. «Здорово», – говорила сразу. И уж только потом, если стихотворение мне не нравилось, добавляла: «Только вот тут, мне кажется, нужно написать по-другому».

И в газету свою с его стихами тоже первой сунулась я:

– Вот это, по-моему, можно напечатать.

Отправила я его стихи и на «Радио России». В начале девяностых там существовала передача под названием «Твоя победа». О людях с физическими недостатками, которые пробовали свои силы в поэтическом творчестве. Там даже существовало что-то типа конкурса стихов. Теперь я уже не помню, как часто передача выходила в эфир, сколько минут звучала. Но мне она нравилась. Это было очень близко. Точно такие же люди, как мы с Володей, рассказывали о себе, присылали свои стихи. И я тоже решила послать и свои, и Володины, сопроводив послание небольшим письмом, в котором чуть-чуть рассказала о себе и очень много – о своём необыкновенном друге. Какой он мужественный, какой талантливый.

И письмо прочли. Я просто включила однажды радио, и вдруг из приёмника полились знакомые строчки моего письма, а потом и стихов: Володиных, моих. Помню, что я сразу бросилась к телефону. Позвонить моему другу. Но телефон не отвечал. Звонки плыли, плыли. Я дозвонилась, когда передача уже закончилась.

– Куда ж ты подевался? Звоню, звоню…

Оказалось, что друг мой отлучался в туалет.

– Ну вот, горе ты моё луковое, – шутливо укорила я. – Прописал весь свой дебют.

Я шутила, а в глубине души, в общем-то, была огорчена – как было бы всё-таки здорово, если бы Вовка услышал свои стихи в эфире. Собственно, и позвонила корреспонденту нашего местного радиовещания я только поэтому. Мне было обидно, что московский эфир пролетел впустую. Стихи будто и не звучали, а мне хотелось, чтобы мой друг их послушал. Я попросила корреспондента радио сделать передачу о Володе: «Пусть о нём побольше узнают, пусть он почитает свои стихи».

Лучше бы я этого не делала, потому что потом мне было неловко и перед Лидией Николаевной, и перед всеми, кто слушал эту передачу. Вовка говорил с такой напыщенностью, с высокомерным снисхождением, что, если бы я не знала, кто находится перед микрофоном, то решила бы, что это пресыщенный всеобщим вниманием чуть ли не нобелевский лауреат, великий поэт, уставший от публики, славы.

– Ты очень плохо говорил, – сказала я ему после передачи. – Мне было за тебя стыдно.

Правда, тогда я подумала, что, может, получилось всё случайно. Что, может быть, всё-таки мне это лишь показалось. Я тогда и представить себе не могла, в какое самомнение всё это потом выльется, какие примет размеры. Что я доживу даже до фразы, брошенной мне со злостью: «Да я тебя в люди вывел!». Я, правда, в ту минуту застыну от изумления – меня в люди? А потом дорасту и до осознания этих слов: скорее всего, имелась в виду публикация о нас с ним в «Комсомольской правде» и всё, что за ней последовало.

А статья эта и правда вызвала настоящий фурор в нашем городке, как и сам факт приезда к нам столичной журналистки. Поначалу в это просто никто не поверил. Я помню, как накануне приезда Ольги мне позвонил один из сотрудников нашей газеты.

– Правда, что ли, что к нам из Москвы какая-то корреспондентка приезжает? – спросил он.

– Правда, – ответила я, к тому времени точно уже знавшая и время прибытия Ольги, и цель её командировки.

– А зачем, не знаешь? – не унимался мой коллега.

– Знаю, она едет ко мне и моему другу.

Я и сейчас, кажется, слышу этот заливистый смех Петра – так я насмешила его своим ответом.

– Ну, может, и к вам зайдёт, если время будет. Но в основном, конечно, по делу какому-то, что-то её сюда привело, – сказал Пётр. – Ладно, зайдёт в редакцию, расскажет.

И, решив, что он и так потерял со мной много времени, положил трубку.

Но Мариничева действительно ехала к нам. Она так и сказала мне по телефону, позвонив накануне из Москвы: «Я к вам выезжаю…». И хотя для нас с Вовкой сия новость тоже была неожиданной, мы всё-таки догадывались, зачем Ольга едет.

Дело в том, что тот, теперь страшно далекий, девяностый год памятен мне ещё и тем, что именно тогда я, скорее всего, единственный раз в жизни тронулась умом. Не в том смысле, что у меня поехала крыша, здесь всё, слава Богу, обстояло нормально. Просто в тот год я вдруг поверила, что могу стать здоровой. Детская моя мечта вспыхнула с такой силой, что я потеряла покой. Я решила, что долгожданный день, наконец, пришел, что медицина достигла своих высот. Если кто-то из миопатиков читает сейчас эти строки, то он, конечно, догадался, к чему я веду этот разговор. Потому что, скорее всего, он и сам всё это пережил.

Именно тогда, в девяностом, всех больных, страдающих атрофией мышц, поразило известие, что в Москве, на улице Гиляровского, от-

крывается центр под руководством профессора Васильева, который не только разработал свою систему лечения этого заболевания, но и уже некоторых поднял на ноги. В статьях, опубликованных в газетах, в журнале «Советский Красный Крест», рассказывалось о судьбах этих людей, об их счастливом исцелении.

Конечно, я была не столь наивной, чтобы поверить в эти выздоровления, но в то, что в этом всё-таки что-то есть, поверила сразу. Да почему бы и нет? Ведь врачи и сами терялись в догадках по поводу этого заболевания. И если Васильев, как уверяли статьи, как раз и выяснил эту первопричину, то почему бы не быть успеху и в лечении?

Короче, я загорелась. А когда на свой запрос в центр получила ответ, что я поставлена на очередь, восторгу моему не было предела. Меня расстроило лишь то, что очередь состояла из пяти цифр, – Боже мой, когда же я её дождусь, если мне и так уже без пяти сорок?! Но я себя тут же и успокоила – ничего, главное, что есть чего ждать, а уж терпения мне не занимать, дождусь как-нибудь...

Когда мы познакомились с Володей, я уже жила этой надеждой и, конечно, поделилась ею с моим новым другом. Я, наверно, потому и прониклась к нему особой жалостью, что видела себя уже почти здоровой. У меня что-то было впереди, а у него...

Впрочем, он тоже не терял надежды когда-нибудь увидеть белый свет. Мне теперь трудно перечислить, сколько писем под его диктовку я разослала в различные центры, институты. Ответ отовсюду был один – медицина пока бессильна.

Каждый такой отказ мы потом долго обсуждали, говорили о смысле жизни всех обездоленных. Задавали не раз себе вопросы: «А почему нам выпали такие страдания и что это, Божье наказание или благодать? Может быть, послав нам эти болезни, Господь спас нас от более страшного?».

Статья Ольги Мариничевой в «Комсомольской правде» была нами воспринята как некий ответ на эти вопросы свыше. Она называлась «Гуманнее убить?». В ней автор тоже пыталась понять, как именно воспринимать жизнь человека, уже родившегося больным, что гуманнее: помочь ему жить в страданиях или умереть?

Как всегда, всё интересное, что мне попадалось в газете, я читала Володе, прочла я ему и эту статью.

– Чуешь, она нас как будто подслушала? – сказала я.

Вовка долго молчал.

– А она большая умница, эта Мариничева, – сказал наконец.

А на следующее утро он позвонил мне чуть свет.

– Я хочу продиктовать письмо этой журналистке.

Письмо получилось большим. Оно тоже было о смысле и цели жизни вообще и больного человека в частности. И ещё обо мне. Как жестоко обошлась жизнь и со мной. О том, какой я мужественный и талантливый человек. Была в этом письме и конкретная просьба – помочь мне побыстрее попасть в центр Васильева.

– Я не буду его посылать, – сказала я, когда мы наконец поставили последнюю точку. – Получается, что я сама себя расхваливаю. Это нехорошо, мне не нравится.

– Это не ты пишешь, это я пишу.

– Всё равно это нехорошо.

В тот вечер мы почти поругались, потому что я говорила одно, а Вовка – другое. Помню, что, устав доказывать свою правоту, я сказала: «А я вот возьму и перепишу его по-другому, как считаю нужным». И услышала в ответ:

– А вот это будет подло, ты пользуешься тем, что я слепой.

И я отправила письмо таким, как оно и было мне продиктовано. Но сделала приписку, что пишу его я, та самая Тамара, о которой идет речь в послании, поскольку мой друг сам написать не может, потому что он слеп и всю его переписку веду я. И, в свою очередь, всё написала о нём, какой он умный человек, какой несчастный и как мечтает хотя бы одним глазком увидеть солнце.

А потом позвонила Ольга и сказала, что выезжает к нам.

Не представляя, где находится наш город, думая, что это какая-то тьмутаракань, куда можно добраться только на попутном транспорте, Ольга позвонила и в областной комитет комсомола, чтобы узнать, помогут ли ей с машиной, объяснив, что едет в Похвистнево к двум больным людям.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы начался настоящий переполох: областные комсомольские вожаки позвонили местным комсомольским вожакам, те, чего-то перепугавшись, взбаламутили своё вышестоящее партийное начальство. И уже через день весь город знал, что в Похвистнево приезжает из Москвы корреспондент.

Как смеялся потом один из наших партийных руководителей: корреспондент Мариничева прибыла чисто по-журналистски. Пока комсомольские вожаки бегали по перрону, встречая поезд «Магнитогорск – Москва», на котором, по их прикидам, она должна была приехать, Ольга, сев в Самаре на первый попавшийся поезд, проходящий через Похвистнево, уже успела не только обаять всех в райисполкоме, куда пошла отмечать свою командировку, но и устроиться в гостиницу и даже позвонить мне, спросив: можно ли прямо сейчас прийти и на каком автобусе удобнее до меня добраться?

Наш городок настолько маленький, что его можно обойти и за пару часов, а от гостиницы до моего дома, и вообще было ходу пять минут. И я помню, что даже засмеялась над Ольгиным вопросом, объяснив, что до меня и так можно добежать.

– Нет, ты, правда, считаешь, что автобус не нужен? – не поверила мне гостья.

– Да, считаю, – опять улыбнулась я. – До автостанции десять минут ходьбы, а до меня – пять, и то в другую сторону.

По телефону по низкому грудному голосу я представляла свою московскую гостью высокой, крупной, плечистой женщиной лет этак сорока. А в комнату вошла худенькая, невысокая девушка. Огромные очки в белой оправе, прямые пряди стриженных под каре волос. Одета она была в широкий, длинный белый свитер крупной вязки, который украшал небольшой коричневый камушек на длинной веревочке.

– Вот, значит, она какая, эта Тамара, – сказала Ольга.

И всё томившее меня в последнее время волнение как-то разом улеглось. Я вдруг поняла, что совершенно не боюсь этой девушки.

А потом наступили три удивительных дня Ольгиного пребывания у нас и разговоры, разговоры, которым, казалось, не было конца. Утром Ольга убегала к Володе, а ближе к вечеру приходила ко мне. Мы заваливали стол едой и говорили, говорили.

О чём? Да обо всём. Меня интересовала столичная жизнь, будни такой огромной газеты. Хотелось знать, как выглядят знаменитые Инна Руденко, Василий Песков. Хотелось знать побольше о самой Ольге. А её интересовала моя жизнь. Как проходят мои дни, о чём я пишу. Говорили мы и о центре Васильева, и о том, насколько это соответствует действительности и как мне поскорее туда попасть.

Ближе к ночи Ольга убегала в гостиницу, чтобы наутро вновь побежать по привычному кругу: гостиница – Володя – я – гостиница.

А днём меня буквально обуревали звонки. Из горкома, редакции – всех интересовал вопрос: когда же Ольга нанесёт визит им? Особенно настаивала корреспондент местного радиовещания.

– Ну попроси, Тамара, пусть она выступит по нашему радио.

– Зачем? – непонимающе вскинула глаза Ольга, когда я передала ей эту просьбу. – Я приехала вам помочь, а не по радио выступать.

Правда, некоторые из моих соседей по подъезду под разными предлогами прорывались в нашу квартиру, чтобы хоть одним глазком взглянуть на мою столичную гостью: кому-то вдруг срочно потребовалось позвонить по моему телефону, кому-то – занять у мамы десятку до получки. Одна из соседок принесла кочан свежей капусты:

– Вот, тётя Шура, может, голубцы сделаешь.

А мы с Ольгой понимающе переглядывались друг с другом и делали вид, что ничего не замечаем.

…Коллег моих по газете Ольга так и не навестила. Она уехала так же неожиданно, как и появилась. Нам позвонила из Москвы через пару дней, сказав, что приступает к написанию статьи.

«Морзянка» была опубликована двенадцатого декабря, а уже на следующее утро, как я шутила, мы с моим товарищем проснулись знаменитыми.

Вообще-то о том, что это именно мы, в газете не было сказано ни слова. Не был назван и наш город. Только имена героев статьи: Володя и Тамара. Но нас узнали сразу. Все, кто хоть как-то знал о нашем существовании.

Настоящим сюрпризом стала статья и для моих товарищей из редакции. Надо же, у них под боком была такая отличная тема, такой отличный материал, а они не рассмотрели. Москвичка в далёкой Москве рассмотрела, а они… «Прошляпили», – как ёмко выразился один из них.

А я, читая Ольгину публикацию, думала о том, что как журналистка была бы тоже страшно горда, если бы сумела написать такой материал. Но как героиню очерка меня интересовал только один вопрос – что будет с лечением? Отзовётся ли Васильев, попаду ли я в столь вожделенный для меня центр? И поистине день стал прекрасным, когда вдруг зазвонил телефон и приятный женский голос представился:

– Вас беспокоит Людмила Бычкова, ассистент профессора Васильева. Я звоню вам, чтобы сообщить, что, как только наш центр откроется, мы обязательно пригласим вас на лечение.

Сейчас, когда давно всё пережито, отплакано, я пишу об этом спокойно. Ну, пошутили, можно сказать, подёргали нервы, подумаешь, какая важность. Я, правда, и тринадцать лет назад была уже не юной, но тогда все мои нервы, всё моё нутро сработали по-другому. Я возликовала, я загорелась надеждой. Я поверила в то, что моя жизнь может измениться. Просто нужно чуточку подождать, запастись ещё терпением.

Я почти год ждала, когда наконец откроется центр, когда меня вызовут на лечение. Звонила каждый месяц Бычковой и каждый раз слышала в ответ одни и те же слова: «Позвоните через месяц».

…Центр так и не открылся. Пришли новые времена, принесли с собой всякие перемены. Имя профессора Васильева смело со всех газетных и журнальных страниц. И я теперь даже не знаю, где он и жив ли? Поговаривали, что, якобы разочаровавшись во всём, он бросил свой недостроенный центр и уехал в Италию. Что успешно лечит там больных миопатией итальянцев.

Только что-то не слышно, чтобы Италия избавилась от такой страшной болезни. Наверное, так же сидят мои итальянские собратья по беде и потихонечку угасают, как и мы, теряя движение и силы. У болезни ведь нет национальности, и она одинаково страшна, будь то хоть Италия, хоть Россия.

Не принесла «Морзянка» утешительных вестей и Володе. Слишком далеко зашла его болезнь, чтобы можно было на что-то надеяться. Зато в лице Ольги мы обрели доброго и верного друга и вечерами частенько перезванивались с ней: то она нам звонила, то мы ей.

В то время мы с Вовкой ещё продолжали понимать друг друга, хотя… Хотя, записывая за ним чуть ли не каждый вечер посвящённые мне строчки: «Любимая, ты переводишь мне на только нам понятном языке все краски мира чувства твоего…», «Любовь к тебе не убывает,

и не становится привычен ритм дней…», «На свете так мало любимых, за них я тебя люблю…», я всегда с тоской думала: ну, зачем всё это? К чему? И разве нельзя просто общаться, помогать друг другу? Тем более что именно в те дни мы особенно много времени уделяли общественной работе.

«Важная персона»

До девяностых годов в стране существовали только две общественные организации, объединяющие больных людей, – Всероссийское общество слепых и Всероссийское общество глухих. Инвалиды других категорий, в том числе и опорники, только мечтали о собственной организации. Дело это представлялось таким важным, таким серьёзным – как же, единая сила, можно сказать, монолит. И потому, когда наконец родное правительство вынесло и такое решение – создать в стране Всероссийское общество инвалидов, – многие восприняли это как победу. И самые активные рьяно кинулись помогать становлению столь серьёзного дела. В наш город «сверху» спустили такую же директиву.

Я в те дни, то есть в августе 1988 года, была как раз в санатории и поэтому об избрании меня секретарём правления новой организации узнала из местной газеты, только когда вернулась из него. Собственно, меня можно было никуда и не избирать, я всё равно бы не осталась в стороне. Потому что тоже давно и страстно желала иметь своё общество. Я по глупости даже возлагала на эту организацию большие надежды. Как же, будем сообща, вместе противостоять своим болезням, проблемам. И, конечно же, я активно взялась за создание этой организации в нашем городе.

Не буду описывать эту свою, так сказать, деятельность, перечислять все свои статьи в газету, объясняющие и разъясняющие цели и задачи новой организации. Скажу только, что ко времени знакомства с Володей я уже была глубоко разочарована в своих делах и в делах окружающих. Всё получилось совсем не так, как это виделось в мечтах. Организацию сделали вовсе не братским союзом, а неким распределительным центром дефицитных товаров. И на лакомый кусочек ринулись случайные люди, в основном дедульки пенсионного возраста, получавшие различные группы инвалидности в силу прожитых лет и нажившие кое-какие болезни. У дедулек были свои задачи, свои проблемы – обеспечить детей и внуков необходимыми товарами, они как-то быстро, по-деловому, отодвинули от лакомого куска всех по-настоящему больных и обездоленных. Не хотели они ничего слышать и о какой-либо другой работе ВОИ. Их устраивала только эта. Нам же хотелось большего: чтобы это была действительно наша организация, которая помогала бы нам решать насущные проблемы. Особенно дедульки почему-то невзлюбили инвалидов с детства. Я, пожалуй, была единственной в их компании, с кем они хоть как-то считались. А я вдруг пошла против них.

Володя вошёл в мою жизнь как раз в разгар этих страстей. И мы уже вдвоём стали держать оборону, вдвоём отбиваться и даже иногда наступать. Писали уже совместные статьи, составляли программу нашей новой организации, подыскивая себе соратников. И вскоре всеми стали восприниматься одной командой. И если где-то заходил разговор обо мне, то это само собой значило, что говорили также и о моём друге. Если говорили о Володе, то, естественно, за его плечами незримой тенью вставала я. Мы, наверное, были единственные в городе инвалиды, которых знали почти все. И поэтому, когда новые времена продиктовали и в нашем городе создать благотворительный фонд для помощи всем больным и обездоленным, а к презентации фонда непременно снять рекламный фильм, так сказать, для большей наглядности, – выбор, конечно, пал на нас.

Я, правда, попыталась возмутиться:

– А что, других инвалидов нет в городе? Почему обязательно мы? – спросила позвонившую мне руководительницу соцслужбы.

И услышала в ответ полный недоумения вопрос:

– А где другие? Кроме вас, и снимать-то в фильме некого.

Впрочем, поразмышляв, я пришла к такому же выводу: «А, правда, кого? Инвалидов в городе много и хромающих, и ковыляющих, и на колясках. Но чтобы настолько трагически, настолько впечатляюще…». А когда узнала, что снимать фильм поручено Олегу Лемякину, то согласилась без лишних разговоров. Олега я считала своим товарищем. Поэт, музыкант, очень творческая, одаренная личность – мы как-то быстро нашли с ним общий язык.

Совсем недавно, когда в очередной раз он снимал меня на камеру для передачи «Культура и мы», теперь уже как о поэтессе, литераторе, авторе нескольких коллективных сборников и своего собственного, который мне всё-таки удалось на деньги спонсоров издать к своему пятидесятилетию, мы опять вспоминали те далекие времена и тот памятный мне киносеанс. Вспоминали и наш совместный фильм.

Это была интересная работа. И мы с Володей тоже с энтузиазмом взялись помогать ребятам. Володя, как он сам выразился, перелопатил всю свою обширную фонотеку, отыскивая подходящую музыку, а я, обдумав сюжет, предложила Олегу такой режиссёрский ход: улицы, улицы оживлённого города и люди, торопливо спешащие по этим улицам, мимо домов, мимо чужих окон. А потом наезд камеры на дом, на окно. Окно всё приближается и приближается. И вот уже на экране комната и человек, лежащий на постели. А дальше уже кадры о Володе. А затем и плавный переход в мою комнату, в мою жизнь. Олег очень интересно придумал этот переход: Володя на экране берет телефон, набирает номер, и уже в следующем кадре в своей комнате я поднимаю телефонную трубку.

Я этот фильм с теплотой вспоминаю ещё и потому, что там, на ленте, осталась и моя мама. Она приносит мне кружку воды, а потом просто садится рядом на диван, устало сложив на колени свои натруженные за долгие годы жизни руки. Эпизод этот на экране занимает какие-то доли секунды, но при всей своей скромности, обыденности, думаю, он несет большую смысловую нагрузку. Незримого материнского подвига, складывающегося из таких, казалось бы, мелочей: накормить своего ребёнка, напоить, принять его боль на себя…

Фильм получился хороший. Его показали на презентациях обоих фондов: и городского, и районного, а потом – и по областному теле-

видению. У нас с Володей появились друзья и в Самаре. Однажды ко мне в дверь позвонили – пришла оператор фильма Люба Корнюшенко и с ней приятный молодой человек, который назвал себя Сашей. Оказалось, что он один из представителей «афганского братства», приехал по своим делам в Похвистнево и заодно хотел познакомиться со мной и с Володей. Правда, Саша очень торопился на электричку и решил навестить Володю в следующий свой приезд.

Мы посидели, поговорили.

– Может, вам нужна какая-то помощь, лекарства, например? – спросил гость.

У меня в то время как раз не очень хорошо было с сердцем. И я сказала, что если это их особо не затруднит, то я была бы благодарна за несколько коробочек АТФ.

– А Володе что нужно?

Я знала, что Вовка в основном принимает обезболивающие, но что ещё, сказать не могла. И мы решили так: я позвоню своему другу, всё узнаю, а потом перезвоню Любе, а там уж она передаст Саше.

Потом, конечно, я жалела, что передала Вовке Любин телефон, надо было мне всё-таки поступить так, как мы и договаривались, то есть узнать, какие лекарства ему нужны, и перезвонить самой. А я перепоручила это дело ему. И так мне потом было стыдно и перед Любой, и перед её приятелем. Володя, к тому времени уже ставший ощущать себя важной персоной, и здесь повел себя некрасиво. Он стал обзванивать своих родных, важно сообщая, что он может достать любые лекарства. А потом этот огромный список продиктовал Любе.

– Ты совсем, что ли, сдурел? – закричала в трубку. – Люди предложили помощь нам, тебе и мне, а не нашим родственникам. Ты хоть соображаешь, что ты натворил, что о нас люди подумают?

Конечно, «отоварить» такой огромный список ребята не смогли. Они достали лишь мне АТФ.

– Мы к тебе не успели зайти, – сказала мне по телефону Люба. – Оставили у Володи, он тебе передаст.

Теперь я думаю, что нужно было мне сразу сказать про лекарства, спросить, когда он мне его передаст и с кем, а я почему-то решила промолчать. Спросила я приблизительно через неделю:

– А что там мой АТФ?

И вдруг услышала:

– А я его Гале отдал.

Я помню, что у меня хватило выдержки услышать этот ответ, выдержать и весь последующий лепет, что он, дескать, не понял, что он решил, что это лекарство для сестры, потому что он его тоже ей заказывал, но когда я положила трубку, мне стало так нехорошо на душе, так неприятно. Вот это ничего себе, любовь называется! Я не люблю его, и то стараюсь сделать что-то доброе. А тут такие страсти-мордасти, жить без меня не может, во всех стихах воспевает, и на тебе, удружил.

Наверное, с того времени первые трещинки в наших отношениях стали разрастаться. Меня уже мало что восхищало в моем друге, скорее, уже больше изумляло. И особенно появившаяся в его речах какая-то заносчивость. Было неприятно, когда он пересказывал мне свои разговоры в радиоэфире. Например, как удивил своего собеседника сообщением, что совсем не платит абонентскую плату за телефон (мэр города принял решение освободить от оплаты всех лежачих и незрячих), не платит за квартиру (мэр принял и такое решение – освободить нескольких тяжелобольных горожан, в том числе и моего друга)... «Он меня спрашивает – а почему это так? А я ему – а я здесь на особом положении...».

А ещё мне приходилось терпеть и его постоянные излияния в любви. И, главное, в них появилась какая-то требовательность ко мне. Человек даже сам не понимал, что он требовал. И здесь я тоже, думаю, допустила большую ошибку. Надо, надо всё-таки мне было на его бесконечные: «А как я выгляжу?» однажды набраться смелости и просто сказать: «Страшно выглядишь, ужасно». А я уклонялась, я пряталась за небрежный тон, старалась говорить равнодушно: «Да нормально выглядишь». А сама думала, что, может, и хорошо, что он ничего не видит, что, может быть, и не нужно ему прозревать? Потому как – ну, увидит он себя в зеркале, и что? Захочет ли тогда жить?

– Ты почему нас не предупредила? – упрекала меня одна из моих знакомых, впервые побывав у Володи в гостях. – Я потом целый вечер себя корвалолом отпаивала от этого ужаса.

И вздыхала:

– Какой же он страшный!

А я и сама пережила ужасный шок, когда первый раз увидела своего друга на фотографии. Он передал мне карточку, чтобы я вместе с письмом отправила её на телевидение для передачи «Что? Где? Когда?». И едва я взглянула на портрет, сердце моё заломило от боли. «Квазимодо», – сказала я себе, и мне стало страшно.

А потом я увидела своего друга и живьём. Это было праздничное чаепитие в районном Доме культуры с небольшой концертной программой, которое для инвалидов города устроило управление социальной защиты. Мы с Володей тоже решили съездить на это мероприятие, побывать среди собратьев по несчастью.

...Я узнала его сразу, как только увидела, как только его подвезли к моему столу. И опять моё сердце защемило страшной болью. На него нельзя было смотреть без слёз – скрюченный, изувеченный болезнью человечек: маленькая лысенькая головка, застывшая маска на скованном лице, мёртвые, бесцветные глаза, огромная неприятная бородавка у носа.

Я помню, как на него смотрели, как смотрели на нас. Володе хотелось меня «разглядеть», и он всё шарил и шарил своими руками по моим рукам, хватал меня за кисть. Со стороны это выглядело неприятно, да я и сама чуть ли не вздрагивала от прикосновения его скрюченных пальцев, но держалась стоически. И когда он намертво вцепился в мою руку, не отняла её, не убрала. Я вдруг подумала, что я-то ведь вижу всех, вижу этот зал, разноцветную одежду людей. Для меня этот мир и разнолик, и красочен, а он-то по-прежнему в темноте. И всё, что окружает его сейчас, – это та же темнота, лишь разбавленная голосами, и что, может быть, моя рука – это единственное, что соединяет его с этим миром. Я не могла поступиться нашей дружбой, не могла её предать. Не могла оставить в одиночестве своего товарища.

Финал

Нас продолжали воспринимать единым целым, друзьями не разлей вода, но к 1994 году никакого единства уже не было, да и дружбы, пожалуй, тоже. Я всё больше и больше его раздражала, всё больше не соответствовала тому, чего он от меня хотел. Всё чаще обнаруживалось, что я чёрствая и бесчувственная. Потому что, например, никогда не улавливала того момента, когда моему другу особенно было плохо и он ждал моего звонка. Ждал именно в эту минуту, в этот час. Главное был он, потому что именно он меня осчастливил. А плохое настроение у моего друга бывало часто.

Странное дело, казалось, кто может быть роднее и ближе собственной матери? Всегда рядом, всегда с тобой, одно дыхание, одна боль. А у Володи в семье происходило чёрт знает что. Они с матерью постоянно ругались, постоянно ненавидели друг друга. И я всегда сочувствовала Гале, находящейся между двух огней. Ей было тяжелее всех, потому что следовало угодить и брату, и матери.

Чтобы всё правильно понять, требовалось выслушать обе стороны; я же выслушивала только одну. И выходило из всех этих разговоров страшное: что мать его – настоящее исчадие ада, самодурка и эгоистка. Володя её так ненавидел, что я приходила в ужас. Я не могла понять, как можно с матерью делить семейный бюджет, отдельно питаться, иметь отдельные полки в холодильнике. У нас с мамой всё обстояло по-другому. И обе пенсии, и мои заработки – всё лежало в одном месте. И ели мы из одной кастрюли. У нас чаще происходило противоположное: мама совала вкусный кусочек мне, а я, в свою очередь, оставляла его ей. Помню, в начале девяностых наконец-то в магазинах появилось изобилие продуктов, в том числе и мандаринки, прямо-таки чудо из чудес того времени. Из-за них мы с мамой иногда ссорились. Она приносила мне их из кухни, и я спрашивала: «А ты?».

– Я уже съела, – следовал непременный ответ.

– А я не видела, что ты ела.

И тут вот обычно мама взрывалась:

– Ну что? Тебе корки, что ли, принести? Сказала, съела, значит, съела.

Я, конечно, подозревала, что всё это было неправдой, но такова была моя мама: лучшее – своему ребёнку. Я так боялась остаться без мамы, боялась её смерти, а Вовка об этом просто мечтал. Жизнь без матери представлялась ему чуть ли не сказкой, а она всё не умирала и не умирала, становясь год от год, всё более неуправляемой и жестокой. Потом, когда мы уже перестанем общаться, я узнаю, что Володя будет даже хлопотать перед городскими властями об устройстве матери в дом престарелых, а она – о сдаче его в дом инвалидов. И в доме вообще наступит настоящий кошмар. Дело дойдёт даже до рукоприкладства с обеих сторон. Разбираться будут различные комиссии, но Володе от матери избавиться так и не удастся. Она переживёт его почти на сорок дней. А потом они вместе успокоятся на одном кладбище, и даже могилки их окажутся недалеко друг от друга.

А мне мой друг в последний раз позвонит накануне моего отъезда к сестре в Подбельск. Я уеду туда в мае 1994 года, когда после смерти мамы пройдёт почти четыре месяца.

Все эти горькие месяцы я буду терзаться: уезжать, не уезжать? Моя сестра Лида, которая к тому времени вернётся в родные места, будет звать меня, убеждая, что мне будет лучше жить рядом с ними, с родными людьми. А я, всё понимая, буду тянуть с отъездом, хвататься за малейшую возможность остаться всё-таки дома, в родных своих стенах, среди привычных, милых моему сердцу вещей. Подбельск находится недалеко от моего города, всего в двадцати с небольшим километрах, но мне он будет представляться таким далёким, что при мысли о переезде у меня чуть ли не останавливалось сердце.

И тут мой друг тоже покажет себя во всей своей красе. Он вдруг начнёт играть со мной в молчанку. Сначала я этого даже не поняла. На меня так много свалилось, что, в общем-то, мне было и не до него – звонит он или нет. Я плакала почти целыми днями или просто сидела, подперев кулаком щёку, слушая тишину своей квартиры, понимая, что никогда больше не услышу ни маминого голоса, ни её тихих шагов.

Первой на то, что Вовка мне давно не звонит, обратила моё внимание Аня, наша с Володей добрая знакомая.

– Володя тебе давно звонил? – спросила она как-то однажды.

– А что случилось? – сразу перепугалась я.

– Да ничего, просто он твоего звонка ждёт.

– А что, он сам позвонить не может? – опять ничего не поняла я.

– Не знаю, – ответила Аня. – Позвони.

Я позвонила.

– Что-нибудь случилось, что ли? Мне сказали, что ты ждёшь моего звонка.

Мне показалось, что я даже попала не по тому адресу, – такой это был высокомерный тон. До меня как будто снисходили с высоты.

Потом эта история повторилась.

– Ты Володе давно звонила? – вновь поинтересовалась Аня

– Не помню. А что?

– Он ждёт твоего звонка.

И опять я услышала всё тот же холодный, обиженный тон, со мной как будто даже и не хотели говорить. Собственно, мне уже было всё равно. Я приняла решение ехать. Сестра потихоньку паковала вещи, и квартира моя, в которую я вложила столько любви, заботы, разрушалась на моих глазах. И настолько мне всё это было тяжело, настолько больно, что, когда Аня вновь позвонила всё с тем же вопросом, я просто психанула:

– Да и пускай ждёт. Сидит там как дундук, да ещё пузыри какие-то надувает. У него-то всё по-прежнему, а тут жизнь рухнула, да ещё и его ублажай.

Я не знаю, как передала мой взрыв подружка, какими словами всё объяснила. Но уже когда я почти сидела на чемоданах, мой друг всё-таки позвонил сам. Страшно обиженный, недовольный.

И лишь много позднее, когда я уже жила в Подбельске, от той же Ани узнала, что, оказывается, Вовка размечтался перебраться в мой дом и выжидал, когда я позову его для совместного проживания. А я,

услышав эти слова, в очередной раз подумаю, что даже умные люди, оказывается, могут быть обыкновенными дураками.

…Я увижу Володю ещё раз уже в санатории, в Серноводске, спустя семь лет после нашего знакомства. Его привезут позднее меня и поселят почти в соседней палате. Я буду несколько дней проезжать мимо. И буду нервничать, понимая, что приличие требует, чтобы я обязательно навестила его, и чувствуя, что совсем не хочу этой встречи.

В конце концов я себя всё-таки пересилила, заехала к нему в палату, но не смогла просидеть там и десяти минут. Я увидела абсолютно чужого человека. Он говорил со мной опять так, будто лишь снисходил до меня.

Таким мне он и запомнился: маленькая лысенькая головка, втянутая в плечи, неподвижная маска на лице и высокомерный тон. Меня явно презирали. Хотя за что?

Он умрёт в мучениях – камень перекроет его мочеточники, а операция окажется бессмысленной. Я узнаю о его смерти в тот же день, мне сообщат об этом наши общие знакомые. Но я не заплачу, я просто горестно вздохну. И лишь позднее пожалею о том, что вернула ему в своё время тетрадь со стихами. Потому что у меня сохранятся только те его стихи, которые я запишу на страничках своего дневника. Те, которые он посвятил мне. Я не буду, конечно, уверять, что со смертью Володи наша поэзия потеряла гения, но мне всё-таки жаль, что многие его стихи так и остались невостребованными, никем не записанными. Но случилось так, как случилось. И с этим теперь уже ничего не поделаешь.

Диалоги

Татьяна Подгорная

Задание новое есть у меня:
О встрече, беседе средь ночи иль дня,
С реальным живым существом или нет –
Пусть выберет каждый участник-поэт.

* * *

Пегас полуночный – летучая мышь!
Ложусь – ты уже над подушкой висишь,
Любимым светильником – лампою бра –
Сигнал подаёшь мне: «Трудиться пора!

Уставшему телу – желанный покой,
Трудиться же будешь – душой и рукой,
И строчки стремительно лягут на лист,
Что был так недавно пронзительно-чист».

«Пегас полуночный, – молю я, – прости!
Устала сегодня – скорей отпусти!
Быть может, появятся строчки – во сне:
О солнце, морозе, о юной весне,

О том, что волнует так часто меня…
Без новых стихов не прожить мне и дня».
И сжалился добрый мой, верный Пегас,
Прощаясь, шепнул эти строчки – для вас.

Ирина Позднякова

* * *

Поговори со мною,
старый, добрый друг,
Мы так давно не были откровенны!
Меж нами – годы обретений и разлук,
И счастья, и невзгод, и веры, и измены…

Я – отдалилась. Я – в своих делах,
В переживаньях, чувствах и событьях…
А ты – ты всё же рядом где-то…
Может, в снах…
Иль в книге, что еще люблю открыть я…

Но если я опять измотана вконец,
Растерзана картечью подлых мыслей,
Спешит одна – к тебе,
как горестный гонец,
И я – за ней ступаю робко и неслышно.

Сквозь боль – иду к тебе,
смущаясь невпопад:
Эх, знал бы кто…
опять впадаю в детство…
Но снова свет свечи…
внимательный твой взгляд…
И – просыпаюсь. Утром.
С чистым сердцем…

В прошлом номере журнала наши читатели впервые познакомились с творчеством Александра Романова из г. Клин Московской области. Мы рассказали о творческом пути талантливого резчика по дереву, опубликовали фото его работ. Но это, как оказалось, не единственная область, в которой Александр находит применение своим способностям.

Сейчас мы хотим представить вам его как писателя-фантаста.

Александр Романов

ЖИЗНЬ КАК ВОЗДУХ

Вдох – выдох, вдох – выдох, вдох…

БЧЗ-7234 остановился и перевёл дыхание. Воздух в этом пригородном районе был на редкость чистым и свежим, будто совсем недавно прошёл систему интенсивной фильтрации и озонирования. Конечно, и здесь от него слегка жгло лёгкие, но всё же тут необязательно было надевать респираторы и защитные маски. В центре мегаполиса воздух был намного грязнее и опаснее для здоровья гражданина. Вместе с теплом, исходящим от поверхности земли, мутный воздух медленно поднимался ввысь и на уровне верхних этажей небоскрёбов образовывал сплошную сизую пелену, сквозь которую кое-как пробивался солнечный свет. Впрочем, в некоторых районах города, приближённых к химическим заводам и фабрикам, загрязнённый воздух можно было не только увидеть, но даже потрогать.

БЧЗ-7234 иронически усмехнулся. Он невольно вспомнил эту старую шутку, услышанную им много лет назад в какой-то телевизионной передаче. Но в те, давно минувшие, годы на рубеже веков, когда экологи лишь начинали трубить о загрязнении атмосферы, воздух был не в пример чище и прозрачнее нынешнего. Тогда ещё не было животных-мутантов, привыкших нападать в тёмных переулках на беззащитных прохожих. Не было ни зубастых птиц, мечущих в людей стреловидные перья, ни ядовитых жесткокрылых бабочек, перескакивающих с кактуса на кактус, ни жёлто-бурых туч, проливающих на землю кислотные дожди. А главное, в те времена не было никакого лимита на воздух. Дыши, сколько хочешь, полной грудью и без всяких ограничений. Теперь же всё сильно изменилось. Смешная шутка превратилась в горькую реальность, а кубометр воздуха стал цениться дороже золота. Дожились…

Где-то поблизости приглушённо грохнуло, и через несколько секунд в той стороне завыла сирена дежурной труповозки.

«Ещё минус один», – сказал про себя БЧЗ-7234 и снова глубоко вздохнул.

– Внимание, – неожиданно прозвучал электронный голос. Он доносился из широкого пластикового ошейника, который фиксировал количество вдохов и объём потребляемого воздуха, – ваш суточный лимит исчерпан уже на девяносто семь процентов, что представляет большую угрозу для жизни. С двадцати одного часа пятидесяти восьми минут до двадцати двух часов одиннадцати минут ваш стандартный лимит – двенадцать поверхностных или шесть полных вдохов в минуту – был превышен в пять раз. Перерасход воздуха составил более четырёх с половиной процентов.

Предупреждение! Если вы будете сохранять стандартный темп вдоха и выдоха, автоматический взрыватель ошейника сработает через сорок три минуты…

– Эх, чёрт, – прошипел сквозь зубы БЧЗ-7234 и сжал кулаки. – Проклятая собакошка!

Он убегал от этой злобной мутировавшей твари несколько кварталов и из-за этого потерял целый час, а точнее, шестьдесят пять минут свободного дыхания.

– …Если вы хотите дожить до полуночи, – продолжал бесстрастным голосом ошейник, – когда ваш лимит на воздух будет автоматически восстановлен в полном объёме, можете выбрать один из предлагаемых вариантов действий. Либо внести плату в сумме десяти тысяч трёхсот пятидесяти семи кредит-долларов за потребление дополнительных кубометров воздуха, либо в два раза сократить количество глубоких и поверхностных вдохов.

Совет! Лучше всего воспользоваться вторым вариантом, поскольку с двадцати двух часов все безналичные банковские расчёты, связанные с использованием воздуха, считаются недействительными. Начинайте задержку дыхания. Дышите реже, вдох – выдох. Ещё реже, вдох – выдох. Хорошо, продолжайте в том же темпе.

БЧЗ-7234 старался дышать медленно и очень поверхностно, чтобы оставшихся в запасе кубометров воздуха хватило ему до полуночи. Он выдерживал в среднем двадцатисекундные паузы, но и это у него получалось с трудом. Воздуха катастрофически не хватало, так что он теперь ощущал все признаки кислородной недостаточности. Однако приходилось терпеть. Жить-то хочется.

Он свернул за угол ближайшего дома и вышел на широкую улицу, которая была освещена яркими фонарями и уходила по направлению к центральной части мегаполиса. По дороге изредка проносились электромобили, не загрязняющие воздух никакими газовыми выхлопами. Почти во всех окнах свет был погашен. Люди предпочитали ложиться спать пораньше, так как во сне дыхание получается наиболее ровным и в меру глубоким. К тому же спящему человеку и смерть не страшна.

В отдалении снова бухнуло, а значит, ещё один бедолага не смог дождаться восстановления своего лимита и просто-напросто лишился

головы. Тут же взвыла очередная сирена. Перед тем как взорваться, контрольный ошейник успел передать на пульт диспетчерской координаты местонахождения своего подопечного, так что обнаружить его будет нетрудно.

Внезапно тоскливый вой труповозки был заглушён душераздирающим мявком собакошки. Этот знакомый до жути крик раздался совсем близко, за спиной человека. БЧЗ-7234 испуганно оглянулся, и по его коже побежали мурашки. Размеренное дыхание сбилось, а руки стали влажными от пота. В десятке метров позади него стоял тот же опасный дикий зверь, от которого он совсем недавно убегал, расходуя лишние кубометры драгоценного воздуха.

Бродячая собакошка была размерами с крупного пса, но при этом намного агрессивнее любого хищника, которые ещё остались в природе. Зелёные глаза твари светились злобой, с длинных клыков капала слюна, чёрно-рыжая шерсть и пушистый хвост стояли дыбом. Все пять когтистых лап скребли цемент тротуара. Зверь рычал и готовился к прыжку.

Вскрикнув от ужаса и досады, БЧЗ-7234 шарахнулся в соседний переулок и со всех ног помчался вперёд, не разбирая дороги. Он был так напуган, что уже не мог контролировать собственное дыхание. Зато об этом периодически напоминал ошейник, предупреждая его о чрезмерном потреблении воздуха и угрозе жизни. Однако теперь ему приходилось выбирать из двух зол меньшее. Уж лучше через полчаса погибнуть от мгновенного взрыва ошейника, чем умереть мучительной смертью в острых когтях бешеной твари. Не дай Бог попасться ей в лапы. В лучшем случае располосует тело до костей, а в худшем будет медленно выгрызать из живота кишки. И хорошо ещё, что у этой собакошки была лишняя лапа, которая мешала ей передвигаться с нормальной скоростью, а иначе она бы уже давно настигла свою жертву.

БЧЗ-7234 задыхался от быстрого бега и проклинал всё на свете, в том числе правящую верхушку с их бредовым законом о лимите и налоге на воздух, службу ликвидации, которая обязана уничтожать всех мутантов, и чёртов контрольный ошейник, способный в любую минуту оторвать ему голову. Спрятаться в каком-либо подъезде он не мог, так как все двери были закрыты кодовыми замками, а на звонок домофона вряд ли кто-то ответит. Пробежав несколько дворов, он вдруг споткнулся о высокий бордюр и тяжело рухнул на землю. Сердце выпрыгивало из груди, лёгкие пылали, а ватные от усталости ноги сводила судорога. Несмотря на это, он попытался встать и продолжить бегство, но в ту же секунду сверху на него набросилась собакошка. Она издала торжествующий мявк, и спину БЧЗ-7234 обожгла невыносимая боль. Казалось, будто в его кожу сквозь плотную ткань униформы вонзились сразу два десятка стальных крюков. Он взвыл от нестерпимой боли и завертелся, как волчок, чтобы скинуть с себя страшного зверя. В этот момент он снова пожалел о том, что не прихватил с собой кухонный нож, как делал раньше, отправляясь на работу в ночную смену. К сожалению, он не имел права носить при себе более эффективное оружие, как, в общем, и все остальные люди за исключением военных, полицейских и ликвидаторов. Это немедленно каралось смертью или длительным тюремным заключением, которое обычно заканчивалось летальным исходом уже через полтора – два года.

Надеяться на помощь сограждан, живущих в здешних домах, не приходилось: люди и раньше не очень-то спешили на выручку кричащему человеку, а сейчас и вовсе спят с закрытыми ушами, чтобы лишний раз не проснуться от какого-нибудь шума или очередного взрыва. Зачем им чужие проблемы, если своих забот хватает.

Кое-как извернувшись, БЧЗ-7234 вдруг со всего размаха врезал кулаком по морде собакошки, словно бил по сытой роже самого великого благодетеля, будь он трижды проклят. Зверь коротко взвизгнул от причинённой боли и слегка отшатнулся в сторону, зашипев на человека. Неожиданно левая рука БЧЗ-7234 наткнулась на тонкий металлический прут, не замеченный им прежде в полумраке двора. Это было как раз то, что нужно. Схватив прут, он резко ударил им по голове собакошки, а когда разъярённая тварь ринулась на него с оскаленной пастью, он вонзил длинную железяку ей в глотку. Громкий рык тут же застрял в горле зверя и моментально сменился истошным скулежом. Огромные зелёные глаза ещё больше выпучились, хвост задергался, а лапы стали загребать землю. Собакошка попыталась вырваться, но БЧЗ-7234 схватил её за холку и ещё дальше протолкнул прут в пасть зверя. Дёрнувшись последний раз, мутант вдруг обмяк и замер. Его светящиеся зрачки начали мутнеть.

– Ну, что, тварь, съела? Ха-ха, – нервно рассмеялся БЧЗ-7234. – Подавилась, тварь.

Он встал с земли, пнул носком ботинка поверженного хищника и принялся отряхивать одежду от пыли. Расцарапанная в кровь спина ныла и щипала болью при каждом повороте туловища. Поджилки на ногах всё ещё тряслись, но волна пережитого стресса уже начала отступать. Восстановив нормальное дыхание, он вышел из переулка и, наконец, прислушался к монотонным словам своего ошейника.

– Внимание! Угроза для жизни. Ваш суточный лимит потребления воздуха исчерпан на девяносто девять процентов. Стандартный лимит

вдохов и выдохов был превышен в четыре раза. Перерасход воздуха составил полтора процента.

Предупреждение! Если вы будете сохранять прежний темп дыхания, автоматический взрыватель контрольного ошейника сработает через тринадцать минут. Чтобы дожить до полуночи, вам нужно немедленно сократить количество поверхностных и полных вдохов в семь раз…

Не дожидаясь дальнейших советов, БЧЗ-7234 немедленно задержал дыхание и мысленно прикинул сколько секунд ему теперь придётся выдерживать в бездыханном состоянии, чтобы дотянуть до двенадцати часов ночи. Получалось, не меньше минуты, а это не так-то просто даже для тренированного человека. Необходимо постоянно следить за самим собой и за дисплеем электронных часов, чтобы не сбиться. Вдох, огромная пауза, выдох. И так на протяжении одного часа тридцати семи минут. В запасе у него было теперь не больше семидесяти шести глубоких вдохов, которые требовалось растянуть на всё оставшееся время. При этом ему ни в коем случае нельзя было опаздывать на работу, поскольку за этот серьёзный проступок на него могли наложить большой денежный штраф или вообще лишить месячной зарплаты. А без денег нынче никуда, особенно если понадобится купить дополнительные кубометры воздуха. И ведь никто не поможет, не одолжит взаймы лишний кредит-доллар. Все гребут только под себя, и чем больше, тем лучше. Недаром правящая элита и толстосумы никогда не лишались от взрыва ошейника своей головы. Они просто покупали себе впрок определённое количество воздуха и ни о чём не беспокоились. Зато малоимущие ежедневно расставались с жизнью, не имея возможности оплатить потребление лишнего воздуха. Впрочем, это неудивительно, ведь деньги уже давно стали цениться дороже человеческой жизни.

БЧЗ-7234 старался идти размеренным шагом и, таким образом, отсчитывал долгие секунды, на протяжении которых необходимо было задерживать дыхание. От постоянной нехватки кислорода у него сильно кружилась голова, в глазах мутилось. Однако он упрямо шёл вперёд и жалел лишь об одном, что не имеет собственного электромобиля, а городской транспорт так поздно уже не работал. На нём он мог бы спокойно доехать до места службы и избежать встречи с собакошкой, которая буквально проглотила его воздух.

Ошейник периодически напоминал ему о преждевременном выдохе или чересчур глубоком вдохе, но дышать по-другому БЧЗ-7234 был уже не в состоянии. И чем дальше он шёл, тем труднее было сдерживать и контролировать своё дыхание. Поэтому он решил сесть на одну из пластиковых скамеек, чтобы немного передохнуть. Теперь опоздать на работу он уже не боялся. Служебное здание его конторы находилось всего в нескольких минутах ходьбы от этого места, а до полуночи было ещё целых полчаса и чуть больше двадцати вдохов полной грудью.

«Ничего, как-нибудь продержусь», – думал БЧЗ-7234, борясь с физической и психологической усталостью, – мне ещё рано умирать».

Убегая от собакошки, БЧЗ-7234 потратил лишний воздух, но зато сэкономил время общего пути, так что теперь он мог просидеть здесь не меньше десяти – пятнадцати минут. Однако дышать приходилось всё в том же изматывающем режиме. Глубокий вдох, задержка дыхания на максимально возможное время, как минимум на семьдесят секунд, и медленный выдох.

Однако последнее получалось не всегда. Тем не менее, ему уже удалось войти в определённый ритм, который нельзя было нарушать.

– Эй, гражданин, – вдруг сказал за его спиной чей-то низкий голос. – Вы что тут делаете?

От неожиданности БЧЗ-7234 подпрыгнул на месте и даже чуть не подавился набранным в лёгкие воздухом. Потом оглянулся и увидел перед собой постового полицейского. Это был здоровенный человек около двух метров ростом с квадратной физиономией и электрошоковым пистолетом в поясной кобуре.

– Я спрашиваю, что вы здесь делаете? – повторил он, зацепившись большими пальцами обеих рук за широкий чёрный ремень, – комендантский час уже начался, и сейчас вы должны быть дома, а не сидеть на скамейке.

БЧЗ-7234 понимающе кивнул, но ничего не ответил.

– Ты что, немой или язык себе прикусил? – недовольно поинтересовался полицейский и тут же угрожающе добавил. – Немых, глухих и прочих калек мы ликвидируем как мутантов по закону гражданского кодекса номер три тысячи восемьсот двадцать два, пункт шестой. А если у тебя просто язык в горле застрял, то я его у тебя быстро вытащу и засуну в другое место. Так что не выводи меня из терпения и отвечай на мои вопросы.

БЧЗ-7234 с шумом выдохнул углекислый газ и снова полной грудью втянул в себя живительный воздух. На все угрозы невесть откуда взявшегося постового ему сейчас было наплевать. Гораздо важнее продержаться оставшееся время и не сделать случайного вдоха, который может стать для него роковым. Немного помедлив, он постучал указательным пальцем сначала по своему контрольному ошейнику, а затем по дисплею наручных часов.

– Ага, – басом протянул полицейский, но его каменное лицо ничуть не смягчилось. – Значит, ты живёшь на последних кубометрах, и с минуты на минуту твоя голова взлетит на воздух, разбрызгивая мозги. А пачкать улицу, между прочим, нехорошо. За это полагается штраф в сумме ста пятидесяти кредит-долларов. Можно наличными.

Кстати, где ваше идентификационное или служебное удостоверение? Я должен вас проверить.

Скрипя зубами от всех неприятных ощущений, БЧЗ-7234 достал из внутреннего кармана форменной куртки две пластиковые карточки, красную и зелёную.

Постовой взял их, вставил в портативное считывающее устройство, подключённое к глобальной идентификационной базе данных, и удовлетворённо хмыкнул, когда подлинность карточек и гражданской личности подтвердилась.

– Что ж, с этим всё в порядке, – буркнул он, возвращая удостоверения, – но разве вы не знаете, что отдыхать на скамейках после двадцати трёх часов запрещено законом гражданского кодекса номер три тысячи пятьсот шестнадцать пункт первый? За это тоже полагается штраф в сумме шестидесяти кредит-долларов. Итого, с учётом возможного загрязнения улицы, вы должны нашему могучему государству и его великому благодетелю всего двести десять кредит-долларов. Если будете платить штраф наличными, я выпишу квитанцию.

БЧЗ-7234 со вздохом порылся в карманах и с грустью выложил на огромную, как тарелка, ладонь полицейского требуемую сумму. Разноцветные купюры были мятыми и потрёпанными, но постовой на это никак не прореагировал. Он сунул деньги в карман чёрных брюк и что-то быстро нацарапал гелиевой ручкой на квитанции. Потом сложил листок в несколько раз, протянул оштрафованному гражданину и тяжёлым шагом направился в тень ближайшего здания.

БЧЗ-7234 двинулся в противоположную сторону, так как задерживаться в этом квартале теперь не стоило. Он и так уже пострадал от своей забывчивости и невнимательности. Впрочем, заметить постового в нынешнем состоянии он всё равно не смог бы. Вспомнив о квитанции, которая всё ещё была в его руке, он развернул её и затуманенным от напряжения взглядом мысленно прочитал:

«Незаконный отдых на скамейке по улице номер сто тридцать два в период комендантского часа. Штраф – сто пятьдесят кредит-долларов наличными. Выписал постовой сержант СНП – пять тысяч девятьсот сорок шесть.»

Других записей на листке не было, и БЧЗ-7234 чуть не заплакал от обиды. Но ему было обидно вдвойне. В первую очередь за то, что полицейский его обманул, выписав на квитанции всего один штраф вместо двух оплаченных. А во-вторых, за то, что постовой похоронил его раньше времени, тогда как он может ещё уцелеть, если постарается.

«Чёртов коп», – выругался он про себя и со злостью порвал тонкий листок, разбросав бумажные клочки по тротуару.

По крайней мере, теперь его штраф за мусор под ногами будет оправдан.

Возвращаться к полицейскому и что-либо ему доказывать было не только бесполезно, но и опасно. Да и разве поспоришь с закрытым ртом.

Когда БЧЗ-7234 подходил к десятиэтажному зданию своей службы, до полуночи оставалось всего несколько минут. Но вдохов, которыми он мог воспользоваться, было ещё меньше. Внезапно пошёл дождь, мелкий и противный, так что БЧЗ-7234 торопливо спрятался под широким навесом портика. Теперь он уже фактически находился на своей рабочей территории. Однако заходить в само здание ему пока не хотелось, ведь ещё не известно, сможет ли он дожить до двенадцати часов ночи.

Присев на корточки возле металлической двери главного входа, он провёл ладонью по облысевшей голове и стряхнул с неё несколько капель кислотного дождя. Именно по этой причине он и лишился когда-то своей пышной шевелюры, а на восстановление волос у него просто не хватало денег.

«Внимание, предупреждение! – вновь заговорил ошейник. – В вашем распоряжении осталось три глубоких вдоха. Если вы хотите сохранить собственную жизнь, вам следует немедленно задержать дыхание на одну минуту сорок пять секунд».

БЧЗ-7234 в очередной раз наполнил лёгкие воздухом и принялся выдерживать необходимую паузу, которая теперь оказалась невероятно большой. Несмотря на все его старания, этот вдох он смог задержать лишь на полторы минуты, чего было явно недостаточно. Следующий вдох он продержал в своей груди немного дольше, но это вряд ли могло ему помочь. Можно было подумать, что время специально растягивается, не давая ему никаких шансов на выживание.

«Осторожно, критическая ситуация, – предупреждающе сказал ошейник, когда БЧЗ-7234 сделал последний вдох. – Существует смертельная угроза для вашей жизни. Чтобы дожить до полуночи, вы должны задержать дыхание на всё оставшееся время, а именно на две минуты пять секунд. Однако, учитывая ваше состояние, могу заявить, что гибель в данном случае практически неизбежна».

В целях безопасности окружающих вас граждан и сохранения оконных стёкол советую вам выйти на середину любой улицы и лечь на дорогу лицом вверх для уменьшения радиуса взрывной волны.

Начинаю обратный отсчёт времени до наступления новых суток: пятьдесят девять, пятьдесят восемь…

Не обратив внимания на совет контрольного ошейника, БЧЗ-7234 остался сидеть на прежнем месте. Если он сейчас умрёт, то ему будет абсолютно всё равно, где найдут его обезглавленное тело, на дороге или на ступенях портика. Закрыв глаза, он слушал посекундный отсчёт и понимал, что продержаться оставшееся время будет труднее всего. Чтобы не выдыхать набранный воздух до самого последнего момента, он крепко зажал пальцами нос и рот и вскоре почувствовал, что начинает задыхаться. Легкие разрывались от избыточного содержания углекислого газа и отсутствия свежего кислорода. Кровь оглушительно стучала в висках, и это монотонное биение, подобно ударам колокола, гулким эхом разносилось по всей черепной коробке. Голова кружилась, как в испытательной центрифуге, и сознание вот-вот должно было померкнуть. Смерть от удушья была так же близка, как и от взрыва ошейника. Но умирать не хотелось ни от того, ни от другого.

«…Три, два, один, – закончил отсчёт ошейник и тут же издал мелодичный сигнал. – Поздравляю, ваш суточный лимит на воздух восстановлен в полном объёме. Угроза взрыва миновала. Можете дышать в стандартном для вас темпе».

БЧЗ-7234 тяжело вздохнул, захрипев от жгучей боли в лёгких, и блаженно улыбнулся. Всё-таки ему удалось совершить невозможное – продержаться на одном вдохе две с лишним минуты и таким образом сохранить свою жизнь. Это был его новый рекорд. Это было его спасение и счастье.

Он выпрямился, ещё раз глубоко вздохнул и в тот же момент услышал тихий отголосок взрыва. Это казалось довольно странным, ведь новые сутки уже начались. Следовательно, погибшему человеку крупно не повезло. Скорее всего, внутренние часы его ошейника барахлили и отставали на несколько секунд от реального времени.

Ну что ж, чему быть, того не миновать. И в любом случае меньше народа – больше кислорода. Благодаря этому лимит потребления воздуха в расчёте на одного гражданина ежегодно увеличивается на один кубометр, так что дышать с каждым годом становится всё легче и легче. А лет эдак через пятьдесят, может, и вовсе отменят контрольные ошейники, поскольку воздуха будет хватать всем в полной мере.

С этими благостными мыслями БЧЗ-7234 достал зелёную карточку служебного удостоверения и вставил её в считывающее устройство автоматической двери, над которой висела большая табличка с крупной надписью: «Служба лимитного контроля».

Вдох – выдох. Вдох – выдох. Вдох…

Татьяна Князева родилась в 1949 году. В детстве перенесла полиомиелит. Окончила Рязанский медицинский институт по специальности «фармаколог». Живёт в городе Рыбное Рязанской области.

Писать прозу мечтала с молодости, пробуя, прокручивая в голове сюжеты. Но довести их до конца получилось лишь в последние годы, когда Татьяна перестала работать. Один за другим стали появляться рассказы – о жизни, о человеческих отношениях во всём их спектре – от любви до ненависти. Не обошла она вниманием и знакомую ей не понаслышке тему инвалидности.

Произведения начинающего автора получили высокую оценку рязанских литераторов и были опубликованы. Надеемся, что рассказ Татьяны Князевой «Учредительное собрание» будет интересен и читателям нашего журнала.

Татьяна Князева

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ собрание

За вечерним чаем сидели трое: хозяйка дома Лена, подруга детства Зина и бобтейл Брайан. Пёс сидел, конечно, на полу, но его белая лохматая голова возвышалась над столом, и ему отлично было видно всё, что там находилось. А находился там аккуратно нарезанный торт с жирными пошлыми розами. Торт был Зинин, но не просто Зинин, а её мужа Олега. Брайан, не дыша, следил за каждым движением рук за столом. Неожиданно раздался стук в дверь.

– Брайан, не надейся, не получишь, ты же у нас аллергик, пойдём лучше посмотрим, кого ещё на ночь глядя несёт, – в сердцах сказала Зина и пошла открывать. Брайан метнулся за ней.

На пороге стоял пьяный сосед Гриша в фирменной дублёнке, а точнее, в облезлом грязно-жёлтом овчинном полушубке, сохранившемся с тех времён, когда Гриша работал охранником на железной дороге.

– Ленка где? Вот письмо ей казённое принёс, – важно сказал он.

– Молодец, Гриша, давай, я передам, – похвалила Зина, стараясь не пускать его в дом.

– Нет, я сам вручу – твёрдо ответил он, протискиваясь из терраски в кухню.

Скинув на пол у порога полушубок, отряхнув о косяк потрёпанную женскую шапку из чёрно-белого кролика, – Брайан пытался перехватить её, но хорошо выученный Гриша быстро положил шапку на буфет, на самый верх, – и, пригладив седые волосёнки, Гриша приблизился к столу. Выпивки не было. Гриша сильно затосковал и расстроился, но только в первые секунды, а затем мозг его, хоть и сильно пробитый алкоголем, выстроил молниеносный план. Сосредоточив отёкшее испитое лицо, деловито произнёс:

– Лен, вот письмо тебе принёс, – и тут же без перехода. – Слышали, метель на завтра обещали, снегу наметёт, не разгребёшь. Лен, налей пять капель, отработаю – попросил он, преданно заглядывая ей в глаза.

– Налью, Гриша, какие проблемы, ни в чём себе не отказывай, – обнадёжила она, уходя в комнату, где у неё всегда стояла заначка для хозяйственных дел. Пять капель соответствовали ста граммам водки или другому эквивалентному по градусам напитку.

Сфокусировав счастливый взгляд маленьких выцветших глаз на стакане, Гриша с жадностью выпил. Целительная влага быстро дошла до его засыхающих мозгов, отчего они радостно зашевелились, затолкались, пытаясь выдать что-нибудь умное, но, так ничего и не сообразив, быстро успокоились. Твердил только одно:

– Девчонки, жизнь-то налаживается. Может, гитару принести?

– Иди домой, а то как наладили, так сейчас быстро и разладим, – сказала Зина, помогая ему одеваться и выталкивая за дверь, а он, пользуясь моментом, безуспешно пытался чмокнуть её слюнявыми губами. Брайан тоже воспользовался моментом – выхватил из рук потерявшего бдительность Гриши шапку и, исступлённо мотая головой, начал её трепать.

Проводив Гришу, Зина продолжила развивать свою навязчивую тревожную мысль о загулявшем муже, которая в последнее время не давала ей покоя. Поговорить об этом она могла только с Леной, и та начала очередную спасительно-разъяснительную беседу.

– Зин, вот давай разберёмся. Первое, ты посмотри на мужа своего – похож он на ходока? Небось, носки с трусами носит самые дешёвые.

– Да, сама ему на рынке покупаю, – радостно согласилась Зина.

– Дальше, улики есть? – продолжала подробный допрос Лена.

– Какие? – наивничала подруга

– Прямые – засосы, помада, запах чужой на волосатой груди?

– Нет, нет, что ты – искренне возмутилась она, вскинув жиденькие брови.

– Квиточки на зарплату отдаёт?

– Отдаёт, я их все собираю,

Лена хотела спросить – зачем, но не стала отвлекаться от темы.

– Вот и подумай, кому он без денег нужен? Тебе всё до копеечки носит, да ещё и гостинцы покупает.

– Покупает, вот этот тортик купил, правда, вкусный?

– Вкусный, – соврала Лена (она терпеть не могла жирные розы). – Ну и чего ты накручиваешь?

А накручивала Зина не зря. Однажды Лена встретила её драгоценного мужа на улице с их общей знакомой. Казалось бы, что тут особенного – ну шли, ну разговаривали. А особенное было в том, что не успели они притушить тайну. Она – эта греховная тайна – била из их глаз, сияя откровенным бесстыдством. Всего секунды это длилось, потом они опомнились, смутились, но было поздно. Лена всё поняла. А уж когда вечером Олег пришёл к ней домой с бутылкой, она окончательно

убедилась – гуляет, сволочь. Лена сразу стала в стойку и напряглась, а он не напрягся – спокойно разлил вино, разломил шоколадку. Лена ждала – забегают виновато его светло-серые глазки, да не светло-серые, а мутные, подлые, и будет он извиваться, как уж под вилами, в ногах валяться – не говори, мол, моей Зиночке, не буду больше, бес попутал. Не было этого. И стало страшно за подругу. Лена впервые посмотрела на Олега как на постороннего мужчину. Внешность была обыкновенная, можно сказать, приятная, но если сильно придираться, то подбородок был с изъяном – вялый, как срезанный. Допили вино, поговорили на посторонние темы, и он засобирался домой.

– Ну, пока, Лен, пойду я. Брайан, проводи, – пёс с радостью откликнулся.

Олег встал, и Лене показалось, что плечи его расправились, как будто освободились от тяжёлого груза, как будто он на неё всё перевалил, оказав тем самым высокое доверие и заключив с ней тайный договор. А что, так оно и есть – сама решай, как совесть тебе человеческая подскажет и хвалёная женская интуиция. Интуиция подсказала, что у него там серьёзно, и что Зинкино семейное гнёздышко – не мягкое, тёплое, пуховое, а ветхое, дырявое, надо спасать. Спасать молчанием. Зина поздно вышла замуж, с большим трудом осваивала роль жены, вечно у неё что-то подгорало, падало, проливалось. С трудом забеременела, тяжело носила, ещё тяжелее родила слабенькую плаксивую девочку. Она понимала, что такая неудельная, поэтому жила в постоянном страхе, что сделает что-то не так. Жила, как бы ожидая окрика или ещё хуже – удара. Выражение лица у неё было такое, как будто она к чему-то постоянно прислушивалась, и большие острые уши, плохо прикрытые пушистыми белёсыми волосами, всегда были начеку.

Вот так неожиданно возникла между подругами первая тайна. На Олега Лена стала посматривать с тех пор подозрительно, и привязалось к ней дурацкое, почти совсем забытое слово – отступные. В тот раз вино было отступное, и сегодня тортик этот не простой, а отступной – подумала она, а вслух сказала:

– Всё, хватит про тебя, горькую, несчастную, давай посмотрим, что за письмо Гриша принёс.

Зина, на короткое время успокоенная и расслабленная, отдала Лене казённый конверт. В нём лежало приглашение на собрание – Учредительное собрание районного общества инвалидов.

– Интересно, это что-то новенькое, хорошо бы сходить. А вдруг и правда завтра метель, как Гриша предсказал, наметет – не пройдёшь, – озадачилась Лена.

– Не беспокойся, завтра же суббота, мои малявки не учатся, я тебя провожу, а потом Олег за тобой приедет.

Зина работала учительницей младших классов, и эта профессия отражалась и на её лице, и на её поведении. Точно так же, как врача-педиатра безошибочно можно отличить от других врачей.

С Зиной они дружили с детства. Она была здоровая и сильная, а Ленка больная и слабая, изуродованная полиомиелитом. Заболела в раннем детстве, не помнила и не знала себя здоровой. В двенадцать лет Лену отправляли в подмосковный филиал ЦИТО – центрального института травматологии и ортопедии, на операцию. Сделали целых три, но толку

практически никакого. Навещали её в больнице редко – она не переживала, там почти все были такие полуброшенные, но не от жестокости родителей, а оттого, что, как правило, из двоих родителей оставались только матери, и работать приходилось им на нескольких работах. Это при условии, если было с кем оставить больное дитя. Папы, как правило, были уже с другими жёнами и с чужими, но здоровыми детьми, с которыми на люди было показаться не стыдно. Запомнился Лене на всю жизнь один приезд матери к ней – уж такой горестный и неудачный, что нарочно не придумаешь: карантин был в больнице из-за гриппа. Как не уговаривала мать медсестру – и что издалека приехала, и что операцию недавно дочке сделали – бесполезно, не положено и всё. – Хотите, мамаша, кровать к окну подвезём, вот через окно и пообщаетесь. Кровать подвезли близко-близко. Да уж лучше бы она стояла в самом дальнем и темном углу большой палаты – тогда бы мать не увидела гипсовый сапожок, на тонкой детской ножке, пропитанный кровью. Мать стояла, прильнув к немытому окну, и безутешно плакала. Почему-то у неё не было зонта, и простой, тёмно-вишнёвый платок насквозь промок под мелким осенним дождём. Лена смотрела на размытое дождём и слезами лицо матери в проёме грязного окна, и её детское сердце разрывалось от щемящей жалости к матери. Прошло почти тридцать лет, а она не могла забыть эту картину. Почему она не прикрыла тогда серой больничной простынёю этот гипс? Может быть, не так бы мать переживала, не так бы мучилось её наболевшее сердце. Одно оправдание Лена себе находила: медсестра сказала: «Пусть гипс сохнет», – вот и побоялась ослушаться.

Зина была надёжная и точно в назначенное время на другой день зашла за Леной.

– Ты чего куртку напялила, шубку надевай, – приказным тоном сказала она.

– Да, ну, с какой радости выпендриваться-то.

– Ничего не выпендриваться, я тебе говорю – одевайся хорошо, на тебя все смотрят. Вот пусть полюбуются, а то привыкли – если инвалид, то в лохмотьях.

– Уговорила, – и она надела шубку беличью немецкую, легкую и мягкую, сестра из Германии привезла, духами подушилась не какими-то польскими «Быть может», а французскими «Фиджи».

– Хорошо, вот только тебе надо шапку из белочки купить, чтоб гармонично было, как у меня, – гордо сказала она, удовлетворённо оглядев в зеркале свой норковый воротник и норковую шапку на твёрдом каркасе, чтобы в случае падения голову не разбить. Лена надела мохеровый беретик.

Когда они пришли в клуб, в фойе уже собрался народ.

– Ну, всё, Зин, спасибо, я здесь сама справлюсь. Да и знакомых полно, пока.

Зина, с удовлетворённым чувством выполненного долга, побежала по своим делам.

Лена прошла к столу, чтобы зарегистрироваться. За столом сидела её одноклассница Люська, пристроенная мужем на хорошую должность в районной администрации. Лицо её раскраснелось от важности момента, белые пергидролевые кудри были высоко взбиты. Цветной рыночный костюм и тяжёлая цепь на шее дополняли её праздничный вид. Рядом с ней сидел незнакомый мужчина лет сорока. На фоне румяной Люськи он казался бледным, как полотно. И от этой его бледности Ленино сердце жалостливо заныло. Но подумать она ничего не успела – всех пригласили в холодный полутёмный зал.

Плохо одетая массовка дружно подчинилась команде и стала суетливо занимать места.

На сцене старая ободранная мебель: стол, покрытый потёртой плюшевой скатертью, ядовитого зелёного цвета, несколько стульев и трибуна с микрофоном.

В президиуме тоже рассаживались – глава администрации, который специально, наверное, для такого случая оделся в спортивный костюм и кроссовки – что уж церемониться перед такой публикой, представители социальной службы, пенсионной и других. Лене с первого ряда было хорошо видно, как незнакомый мужчина поднимался на сцену по крутым ступенькам. Он шёл тяжело и напряжённо, глядя под ноги, боясь оступиться или споткнуться. – Это у него не с детства, это недавно и он ещё не привык, – пронеслось у Лены в голове, – Глупость, какая, вот я уже сорок лет инвалид, а что, разве привыкла? Да и как к этому можно привыкнуть: дети жестокие и злые – откровенно смеются и тычут пальцами, женщины готовы шеи свернуть, чтобы получше разглядеть, спасибо, мужчины – мельком глянут и отвернутся. Нет, привыкнуть к этому нельзя.

Собрание объявили открытым, и слово предоставили незнакомцу. Зал, искорёженный, изуродованный болезнями, смотрел на него, как на Спасителя, надеясь на чудо. А на кого ещё надеяться? На государство? Наш бывший руководитель государства, когда в Америке был, на вопрос дотошных журналистов – А как в СССР к инвалидам относятся? – бодренько ответил – В СССР инвалидов нет. Вот и хорошо, что нет. И проблем нет. Можно ещё, конечно, на Господа бога надеяться. Помнится, бабушка говорила: «Бог избранных метит, здесь помучаешься, на том свете в рай попадёшь». Хорошее утешение.

Незнакомого мужчину из областного центра звали Алексей Михайлович. Он рассказал сначала о себе – как он попал в аварию, как ему ампутировали стопы, как после этого он не мог вернуться к прежней работе – оборонка развалилась, – и ему на свежей волне перестройки предложили возглавить областное общество инвалидов. Он говорил долго, было видно, что устал. Люська, сияя самоварным румянцем, с сердобольным видом хлопотливо, не понимая, что обижает и унижает, сказала:

– Да вы сядьте, сядьте, тяжело стоять без ног-то.

Он отказался, только ещё больше побледнел, и на его высоком лбу выступили капельки пота. «Вот дура набитая!» – взметнулась в гневе Лена, кинув на Люську расстрельный взгляд. Бесполезно – броня крепка.

Наконец-то, наступил перерыв. Алексей Михайлович медленно спустился в зал и вместе с Люськой подошёл к Лене. Она каждой своей клеточкой чувствовала, как он устал, как ему давят протезы, хорошие, импортные, видно, что не наши образца первой мировой войны, но всё равно протезы. Сердце её разрывалось от муки и жалости. Хотелось протянуть руку и вытереть капельки пота с его лба, разгладить напряжённую складку между бровей. Он, как будто почувствовал это, достал платок и промокнул высокий влажный лоб. На руке сверкнуло тонкое золотое кольцо. Лена вцепилась в спинку кресла, пытаясь унять противную дрожь в коленках, где-то в солнечном сплетении холодной змеюкой шевельнулась неожиданная ревность. «Ну, всё, влипла», – обречённо подумала она.

Люська познакомила их и стала уговаривать Лену возглавить районное общество инвалидов. Лена любила общественную работу, но это не комсомол и не партия, это дело серьёзное. Ей очень хотелось согласиться, но она не могла, потому что у неё была работа, которая ей досталась с большим трудом. Учёба в институте – это полбеды, а вот когда подошло время распределения на работу, тут начались большие проблемы. Не было почему-то места рядом с домом и родными, а вот за тысячу километров – пожалуйста. Чиновник, с простой русской фамилией, безжалостно отсёк все просьбы о том, чтобы оставили в родном городе. Но мир не без добрых людей, и знакомый доктор с нерусской фамилией взял её к себе на работу, в маленькую больничную аптеку. Она помнит тот день так ясно, как будто он был вчера, – четыре женщины, синхронно сложив на груди руки и поджав губы, с ледяным любопытством смотрели, как она трясущимися руками, стараясь не расплескать жгучие слёзы, пыталась сделать то, что от неё требовалось. Он остановил это издевательство и сказал, как гвоздь забил:

– Она будет здесь работать.

И вот почти двадцать лет она работает, и бросить всё было страшно.

Лене показалось, что её отказ огорчил Алексея. Она смотрела в его тревожные тёмные глаза, понимая, что он сейчас уйдёт, и они никогда больше не увидятся. Она согласилась быть членом правления.

После перерыва всё организационные вопросы были решены. Инвалиды расходились, оживлённо обсуждая услышанное и надеясь на лучшую жизнь. Члены правления и местная администрация остались. Люська привычно и ловко накрыла на стол, выпили за успех нового предприятия, закусили и тоже засобирались домой.

– Я вас подвезу, – неожиданно предложил Алексей.

– Спасибо, – поспешно, стараясь скрыть радость, согласилась Лена.

Они не спеша подошли к машине, он усадил её на переднее сиденье, было тепло и уютно, жалко, что ехать недалеко. Алексей проводил её до калитки, а за калиткой во дворе бегал Брайан, которому категорически запрещалось выходить на улицу из-за патологической склонности к регулярным дерзким побегам. Погода портилась – небо отяжелело и провисло, но снег падал пока ещё медленно и легко, и от этого всё вокруг менялось странным неузнаваемым образом. Вообще-то Лена зиму не любила: заносы, гололёд… Но сейчас всё было по-другому: тёплые руки Алексея, лёгкий снег, весёлый Брайан, духи, мягкая шубка – всё смешалось в ощущение чудного пронзительного счастья, и, позабыв обо всём, Лена тихо сказала:

– Поцелуйте меня.

Он поцеловал сильно и сладко, а потом, не оглядываясь, пошёл к машине, сел, резко, по-мужски, тронулся с места и укатил в свой областной центр.

Не успел он отъехать, как появился Гриша с лопатой – якобы снег чистить, а на самом деле полюбопытничать.

– Лен, кто это был, любовник?

– Любовник, Гриш, любовник.

– А чего в дом не позвала, мужик приличный.

– Тебя испугалась, – смеясь, ответила она.

Брайан поставил на Гришу лапы и пытался лизнуть лицо. Гриша с трудом удерживался на ногах. Подъехали Зина с Олегом.

– Лен, мы сначала по магазинам, а потом за тобой заезжали, а ты уже укатила, молодец. Вот Олежек тортик нам купил, пойдём к тебе чайку попьём, – тараторила Зина.

– С удовольствием, – согласилась Лена.

– А что, кроме тортика нет ничего? – с надеждой спросил Гриша.

– Нет, – отрубила Зина.

– Что вы привязались к этим тортикам, диабет будет, – назидательно сказал Гриша.

– Да пойдём, Гриша, есть у меня всё, – пригласила Лена.

Вся компания ввалилась в дом. Лена достала бутылку коньяка, которую берегла для особого случая. Она была уверена, что сейчас это тот самый случай. Налила себе полную рюмку, осторожно, чтобы не расплескать коньяк и не расплескать ощущение нежданного счастья, с удовольствием выпила. Она не слушала, о чём болтали её гости, только подливала всем и глупо лучезарно улыбалась. Ей и хотелось остаться одной, и в то же время было боязно. Наконец все стали расходиться. Гриша, побоявшись, что завтра расчистит весь снег, пошёл вперёд, не упуская при этом возможности обнять захмелевшую Зину. Олег, чуть задержавшись, с интимной вибрацией в голосе шепнул Лене в самое ухо: «Я тебя никогда такой не видел, тебе идёт». Она не оттолкнула его, а только рассмеялась.

Не хотелось в такой вечер возиться с грязной посудой – завтра, завтра всё уберу… Сейчас хотелось посмотреть в окно. Метель усилилась, спрятав соседние дома и деревья. Было безлюдно, и только густой золотой снег кружился в свете уличного фонаря. «А как зимой красиво-то!» – подумала Лена и с этим новым открытием легла спать. Заснула моментально и сразу же окунулась в странный сон – как будто они с Алексеем, пробиваясь сквозь густой снег, ехали по заснеженным полям и лесам на красивой машине и неожиданно оказались на большой поляне, посреди которой стоял стол, покрытый чёрной атласной скатертью. На столе горели высокие белые свечи, то ли праздничные, то ли погребальные. Лена попыталась сдёрнуть скатерть и задуть свечи, но у неё ничего не получилось. Они сели напротив друг друга. От его печальных ласковых глаз и от свечей было тепло. Алексей что-то говорил, она напряжённо вслушивалась, стараясь понять, но ветер относил слова. И вдруг неожиданно под ним стал проваливаться снег – медленно и гибельно. Он судорожно вцепился в скатерть, но она предательски поползла, Лена вскочила, пытаясь и не успевая схватить его за руки, шуба соскользнула с плеч, и спину окатил пронизывающий холод. Лена проснулась. Ветром распахнуло форточку, и метель залетала в дом. Она встала, закрыла форточку, достала из комода тёмно-серый, местами пробитый молью оренбургский пуховый платок – единственную вещь, оставшуюся от покойной матери. Долгие годы платок хранил запах материнских волос, но в последнее время исчез, как ни старалась она уловить его в тонкой паутине пуха. Накинув платок на плечи, она снова легла. Но уснуть не могла. Сердце щемило от необъяснимой тревоги. Зыбкое вчерашнее счастье рассыпалось на мелкие кусочки, а было ли оно, и вообще, что случилось-то? Неужели влюбилась? Зачем, зачем всё это? Зачем опять надрывать сердце, оно и так уже от разочарований всё в рубчиках. Как после микроинфарктов. Почему-то вспомнились мамины слова, которые она часто слышала в детстве:

– Здоровый тебя замуж не возьмёт, найди себе равного, чтоб не попрекал.

Равного. Кто и какой линейкой отмеряет это равенство. Она знала одну такую семью в своём городе. Жили они в городской квартире со всеми удобствами, но вот только небольшая, на чей-то взгляд, мелочь, так, ерунда – квартиру им в пятиэтажном доме без лифта дали на пятом этаже. Жене спускаться было очень тяжело. Только один раз Лена видела их вместе. Они поднимались в магазин по ступенькам без поручней, он держал её за руки, а она старалась изо всех сил помочь ему, с трудом подтягивая непослушное слабое тело. Лена замерла, но не от любопытства и жалости, а от удивления – с какой заботой и любовью он это делал. Летние прогулки на свежем воздухе этой молодой женщины ограничивались балконом. Зимой её никто не видел.

Но что же делать ей? Лена не знала, ей только хотелось ещё раз увидеть его. Надо что-то придумать. И она придумала. Позвонила и сказала, что плохо поняла, в чём же собственно заключается её общественная работа.

– Если сможете, приезжайте, я всё объясню, – пригласил Алексей.

Собиралась долго. Сидя перед зеркалом, придирчиво себя рассматривала: без косметики, конечно, бледновато, сорок как-никак. Но на то она и косметика, чтобы красоту наводить: сначала подкрасила зеленоватые с рыжими крапинками глаза, подвела брови, уложила каштановое каре, патрончик с помадой дорисовал картину, хорошо получилось. – Красавица, да и только, – улыбнулась себе в зеркале.

Лену подвёз Олег, проводил до кабинета и сказал:

– За час управишься? Больше не могу, дела.

– Спасибо, Олег, я успею, – ответила она.

Когда Лена вошла в кабинет, Алексей встал ей навстречу, помог снять шубку. Они сидели за столом с облупившейся полировкой. На нём среди кучи бумаг стояла фотография девочки лет семи-восьми с чёрными кудряшками и весёлыми карими глазами. Алексей быстро и доходчиво всё объяснил рассеянно слушавшей Лене, а потом предложил:

– Чаю хотите? У меня конфеты есть хорошие, вы любите конфеты?

– Люблю, Алексей Михайлович, только у меня времени мало, за мной скоро приедут.

– Жалко,– и неожиданно добавил: – Лен, самой надо машину получать и учиться водить. Будете независимой.

От его слов Лена замерла – независимой? Как это – независимой? Ей всегда говорили, что она не может водить машину. Алексей, как будто прочитав её мысли, сказал:

– Вы сможете, я договорюсь, и машину переоборудуют так, как вам будет удобно.

У неё перехватило дыхание – она уже видела себя за рулём новенькой «Оки». Алексей смотрел на неё и улыбался.

– Ну что, вы согласны, вы сами-то хотите этого?

Его голос вернул её с небес на землю.

– Да, конечно хочу, – ответила она, а про себя подумала – сон-то в руку. И добавила с лёгким вызовом:

– А водить научите?

– Научу, – твердо обещал он, принимая вызов.

В дверь скромно постучали, а затем появилась голова Олега.

– Это за мной, мне надо ехать, – сказала она.

– Отпускайте своего водителя, я вас отвезу, попутно заедем на станцию техобслуживания, там у меня знакомый жестянщик работает, мы с ним в одном дворе росли.

О, эти мутные таинственные станции технического обслуживания! Если нет знакомых, то лучше там не появляться: такой заказ-наряд оформят, такого тумана напустят, что мало не покажется.

Из бокса вышел мужчина лет сорока. Он сильно прихрамывал на правую ногу и, конечно же, был навеселе. Опережая вопросы, которые ему никто и не собирался задавать, объяснил, обращаясь к Лене, что в молодости буйной работал на стройке и упал с лесов, всю правую сторону отшиб. Хорошо, что рукой голову защитил, но вот перекос кузова на всю жизнь остался. Около него вертелась рыжая весёлая собака на трёх лапах. О ней он тоже дал исчерпывающую информацию – попала под машину, зовут Кардан. Быстро всё объяснив, Витёк скрылся в боксе и через минуту вернулся с бутылкой шампанского.

– Михалыч, давай в машине поговорим, а то холодновато, – предложил он, и уселся на заднее сиденье.

Лена со страхом наблюдала, как он, взяв бутылку за тонкую серебряную шейку тёмными крупными пальцами, ловко открыл её.

– За знакомство. Не бойся, грязь техническая, – объяснил он, перехватив её взгляд.

Алексей начал объяснять, как надо будет переделать ещё не существующую машину

– Я всё понял, давай, Михалыч, пробивай машину, а я сделаю всё в лучшем виде для твоей женщины.

От того, как он легко и просто расставил всё по своим местам – твоя женщина, что же тут мудрить, – и от выпитого шампанского опять возникло ощущение нереального счастья, и не хотелось, чтобы уходил этот странный, похожий на цыгана Витёк, стрелявший на неё хитрыми карими глазами.

– Ребята, хорошо с вами, но надо работать, мастер уже кругами ходит. Каждую смену этой сволочи отстёгиваем, ждёт, как ворон крови.

Они распрощались.

Ранние февральские сумерки расползались по всем уголкам замерзшего города, и когда Алексей подвёз Лену к дому, совсем стемнело. Они сидели в машине и целовались долгими безысходными поцелуями, от которых у Лены кружилась голова, и сладко ныло внизу живота. Чтобы прервать это томление, она сказала:

– Пора мне, Лёша, а то сейчас Гриша явится с лопатой.

Он рассмеялся, сияя помолодевшими мальчишескими глазами. Задерживать не стал, а только сказал:

– Лен, я на три недели уезжаю на учёбу, как только вернусь, мы с тобой начнём пробивать все эти дела. Всё будет хорошо, я тебе помогу. Брайану привет.

И он сдержал своё слово. Помог встать в очередь на получение машины – сорок лет болезни не дают никаких преимуществ. Много вас таких. Надо было ещё пройти медицинскую комиссию. У Алексея и здесь оказался знакомый врач. Ему было лет пятьдесят, короткие седые волосы и умные карие глаза. Он внимательно осмотрел Лену, заставил пройтись, а потом сказал.

– Вы знаете, Лена, в Москве сейчас делают операции по замене тазобедренных суставов, возможно, она бы вам помогла. Правда, на бесплатную очередь большая, но всё равно, попробовать можно, это шанс.

– Спасибо вам, доктор, я подумаю, – поблагодарила она.

Алексей ждал её в коридоре.

– Ты чего такая расстроенная? – беспокойно спросил он.

– Я не расстроенная, я озабоченная, – и она вкратце пересказала ему разговор с врачом.

– Это же здорово, это шанс (и он про шанс, что-то много шансов намечается, не к добру это) – его надо обязательно использовать, – сказал он, широко улыбаясь, – потом будем озадачиваться, а сейчас поедем куда-нибудь, посидим.

Он привёз её в придорожное кафе. Видно было, что его здесь все знали, быстро подали лёгкую закуску, шашлыки пришлось подождать, да они и никуда не торопились, сидели рядом, прижавшись, друг к другу, как родные.

После этого он стал часто к ней приезжать, благо всего-то двадцать километров. Он заезжал за ней на работу в аптеку. Вот было развлечение для коллег – они вытягивали шеи, глядя, как он сажает её в машину, и ломали свои ханжеские головы – а как ЭТО у них, у инвалидов. А у них было так: они ехали на какую-нибудь просёлочную дорогу, она

садилась за руль и начиналась учёба. Самое трудное было запомнить алгоритм – зажигание, сцепление, газ. Но она была способной ученицей и схватывала всё на лету. Когда они были вместе, у Лены было просто физическое ощущение счастья. Оно, её нежданное счастье, находилось в груди, и представлялось ей в виде драгоценного хрустального камушка подвешенного на тоненькой золотой цепочке. Когда они расставались, зыбкое счастье тревожно билось, и Лене всё время хотелось держаться за грудь – она боялась, что ниточка оборвётся и хрупкое счастье разобьётся.

Так продолжалось всё лето. Наступила осень, удивляя пёстрой весёлой листвой и лёгкой неожиданной паутиной. Однажды, когда Алексей в очередной раз подвёз её к дому, она, истомившись и собравшись с духом, позвала его к себе. Позвала и тут же пожалела об этом – испуг и растерянность отразились на его лице.

– Лен, ты извини, но сегодня никак не могу, – поспешно поцеловал и уехал.

Он не поехал домой, а свернул по знакомой, не им одним укатанной тропинке, в лес, заглушил мотор. Он курил и вспоминал до мельчайших подробностей то время, когда он лежал в больнице. Ухаживал за ним отец – утки, судно, мытьё – всё делал он. Мать умерла десять лет назад внезапно от обширного инфаркта. Они с отцом возвращались из театра, и в лифте ей стало плохо. Она вскинула на мужа удивлённый, беспомощный взгляд, судорожно схватила его за руку, и, слабо вскрикнув, тяжело осела на грязный пол. Они любили друг друга. Отец был, что называется, видный мужчина – высокий, поджарый и весёлый. Играл на гитаре и пел песни Окуджавы и Визбора. И мать тоже была весёлая, если не сказать, легкомысленная, потому что никогда не обращала внимания на свою наследственную гипертонию. Хотя и есть такая пословица – жена без мужа вдова, а муж без жены жених, но после её смерти он не стал ни для кого ни женихом, ни мужем. Отец ездил на курорты, у него были романы, иногда ему звонили скромные культурные женщины, но в доме после смерти матери не было ни одной.

Жена Алексея Ольга в больницу приходила вечером после работы и видела мужа чистого и ухоженного. Она не слышала от него ни стонов, ни жалоб. Он бодро ей улыбался и всячески старался, чтобы она поменьше понимала и замечала весь ужас обрушавшегося на него несчастья. Она и не замечала.

Настал долгожданный день выписки. Алексей, измученный больничной серой палатой, мечтал о доме как о чём-то далёком и несбыточном, поэтому вечером, сидя за праздничным столом со своими самыми дорогими и любимыми людьми, он был совершенно счастлив, но быстро устал. Отец заметил это первым и ненавязчиво предложил:

– Поздно уже, давайте укладываться.

Восьмилетняя дочка, деловая и самостоятельная, начала смело убирать со стола немецкий перламутровый сервиз «Мадонна», Ольга пошла в ванну. Алексею помогал отец.

В спальне горел ночник. Ольга, раскрасневшаяся от вина, с мокрыми после душа золотистыми волосами подошла к постели и привычным, годами отработанным движением откинула одеяло. И замерла. Она смотрела неподвижными испуганными глазами на мужа с забинтованными обрубленными ногами, лежащего в их супружеской постели. Это длилось секунды, потом испуг сменился жалостливой кривой улыбкой, она легла, прижалась к нему. Но было уже непоправимо поздно. Он негрубо оттолкнул её:

– Я устал, у меня всё болит, извини – сказал он и закрыл глаза.

Ольга выключила ночник. Если бы она это сделала раньше. В темноте было бы проще привыкнуть друг к другу. Он лежал, с трудом сдерживая горячие слёзы, закаменев душой и телом, боясь пошевелиться под невыносимым двуспальным одеялом. Неужели они всегда им укрывались, как же он раньше не замечал этого? Жена тихо спала рядом. А может быть, и не спала…

С той, всё глупо разрушавшей ночи, они по молчаливому согласию спали порознь.

Прошло два года. Зажили раны, перестали мучить фантомные боли. В доме стояла густая тишина, только дочка-челночок, перебегая из комнаты в комнату, от отца к матери, подсознательно пыталась связать оборванные ниточки безвозвратно ушедших счастливых дней. Ссор и упрёков не было даже тогда, когда Ольга стала поздно возвращаться с работы. Она неумело оправдывалась, затем, смывая измену, долго мылась в ванне. Постепенно Алексей привык к своей новой жизни и новой жене, просто перестал улыбаться и постарел.

Но эта случайная или неслучайная встреча с Леной всколыхнула всю его душу, разломила пополам, разделив на боль и радость. Он давно понял, что бессилен перед этой неожиданно обрушившейся на него мучительной любовью, а сейчас понял, что наступает «точка невозврата» и надо принимать решение.

Он купил шампанское в дежурном магазине и вернулся.

– Пустишь? – спросил хриплым голосом, когда она в тоненькой батистовой рубашке с опухшим от слёз лицом, открыла дверь. Она молча взя-

ла его за руку и повела в тёплую, слабо залитую тихим лунным светом, спальню. Они обнялись, и отлетело время, и замкнулось пространство в торопливых жадных ласках, ласках до мучительно-сладкой истомы, до пульсирующего обоюдоострого освобождения…

Потрясённые и уставшие, они медленно выплывали из послелюбовного тумана. Хотелось пить, вспомнили про шампанское. Захмелевшая, она глупо спрашивала – любишь меня? Он улыбался и согласно кивал.

Глубокой ночью Алексей вернулся домой. Его встретил отец, из спальни выглянула заспанная дочка. «Не волнуйтесь, мои дорогие, у меня всё хорошо», – успокоил он их и пошёл спать. Ему снились дочь с глазами взрослой мудрой женщины, беспокойный отец и заплаканная Лена.

На смену золотой осени пришла поздняя – хмурая и злая, с затяжными холодными дождями. Голые несчастные яблони в неухоженном саду стучали и стучали по крыше, жалуясь на пронизывающий холод и просясь в дом. Алексею надо было ехать в командировку в отдалённый район. Перед отъездом он позвонил и сказал:

– Из командировки приеду к тебе, готовь ужин.

Выехали рано, до места добрались быстро, да и дела все удалось решить без обычных проволочек. Но обратный путь оказался тяжёлым. Пошёл косой холодный дождь, готовый в любую минуту перейти в снег. Старый автобус громыхал по разбитому шоссе, а потом вдруг резко остановился – заглох мотор. Шофёр, беззаботный весёлый парень, самонадеянно успокоил:

– Не волнуйтесь, Алексей Михайлович, сейчас всё мигом починим.

Он выскочил из автобуса, но не заметил, что на обочине, насквозь промокшая, злая и голодная стояла смерть. «С этим не справлюсь – молодой», – решила она и, прошмыгнув в автобус, на секунду затаилась. Алексей всё понял: боль, нестерпимая и непоправимая, сдавила грудь. Он рванул галстук, пытаясь из последних сил вдохнуть сырой осенний воздух, взглянуть на закатное небо. Это ещё больше разозлило её, и она сдавила его сердце намертво, навсегда.

Лена ждала всю ночь – наверное, автобус сломался, конечно же, автобус, этот старый раздолбанный автобус. Лёша говорил, что его давно пора списать и на свалку, – слабо успокаивала она себя, но золотая драгоценная ниточка, раскачиваясь со страшной безнадёжной амплитудой, больно ударяла в грудь, отбивая обратный счёт их недолгому счастью.

Рано утром постучали, на пороге стоял Витёк в длинном старомодном чёрном пальто, как железнодорожник, почему-то подумала Лена.

– Он умер вчера вечером в автобусе – обширный инфаркт. Если хочешь, я приеду за тобой на похороны.

– Нет, спасибо, – хриплым потерянным голосом отозвалась она.

– Нужно, что будет, обращайся, помогу. Где меня найти, знаешь, – и быстро вышел из комнаты.

Лена подошла к окну. Витёк, тяжело прихрамывая на правую ногу, шел к машине. Он напоминал большую птицу с раздробленным крылом. Падал первый снег. Быстро и ловко, как могильщик, он засыпал чёрную голую землю. Не было слёз, а только остро пронзило – избранные.

Лохматости

Татьяна Подгорная

Лохматые стихи

Лохматый Барбос жил в лохматом году,
Он чью-то заначку учуял в саду
И кость откопал, только радости нет,
Ведь мяса – ни грамма ему на обед…

В расстроенных чувствах домой он пришёл,
Хозяин «утешил» лохматой лапшой,
Посадки лохматые в свой огород
Послал охранять – так Барбос и живёт.

Лохматое солнце светило ему,
Он лаем лохматым распугивал тьму
И часто тихонечко выл при луне,
О даме лохматой мечтая во сне.

Что дальше – в лохматой сей сказке молчок.
Быть может, родился лохматый щенок,
А, может, явился лохматейший гость,
Барбосу принёс вожделенную кость…

Валентин Рузанов

Сказочка

Катя и Оля
Встретили Тролля
В диком лесу,
Ночь на носу.

Тролль им представился:
«Я здесь живу».
Катя и Оля
Сказали: «Угу».

Слово за словом,
Пенёк за пеньком.
К Троллю домой
Добрались босиком.

В комнате тёмной
Варилась картошка.
Каждой досталась
Тарелка и ложка.

«Вы здесь впервые?» –
Тролль удивлялся.
Кате и Оле
Тролль принцем казался.

Лунная ночь,
Лягушки распелись.
Тролль их спросил:
«Ну, теперь вы наелись?»

«Завтра с утра
Я вас разбужу.
Вот вам подушка.
А я пожужжу».

Утро, берёзы?
Тихий туман.
Тролль прозвенел:
«Тарам-тарарам!»

Тролль на пеньке
Штопал носки.
Катя и Оля
Зевали с тоски.

Выпили чаю
Пару стаканов,
Тролль чай не пил,
Ловил тараканов.

Слово за слово,
Пенёк за пеньком.
Солнце маячит
Сигнальным флажком.

Выход из леса
Уже впереди.
В небе, курлыча,
Летят журавли…

Тролль при прощанье
Немного краснел:
Был удивительно
Мил и несмел.

Только в карман
За блокнотом полез:
«Вот вам мой номер».
Мигнул и исчез.

Евгений Гаврицков

Жизнь

Мир ярких фантазий,
Рай темных намёков –
Плен крепких объятий
И тайных пороков.
В грехе – оправданье,
А в мыслях – укор.
Душа без сознанья,
А смерть – лишь повтор.

* * *

Перед тобою на коленях,
Обняв за талию, любя,
Смотрю в глаза и жду мгновенья.
В глазах – мечта, мечта моя.
И вижу слёзы, боль виденья.
Вокруг страданье, скорбь и страх.
Перед тобою на коленях.
Я весь в твоих, в твоих слезах.

Луч Фомальгаута

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

№ 9 2010

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Ирина Позднякова
Слово редактора ... 1

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ... ... 3

ПОЧТА ЖУРНАЛА ... 5

МИГ ПОЭЗИИ
Олеся Радушко ... 11
Альбина Филёва
Вы радость для меня и вдохновенье ... 33
Ольга Ворсина ... 34
Александр Суворов ... 61

ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ
Ирина Позднякова
Поделитесь творчеством и любовью ... 14
Подборка авторов альманаха «Поделитесь» ... 16

ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Саша Ильин
А добро всё равно победит ... 24

МОЗАИКА
Времена года ... 29
Моя память ... 46
Кто я? ... 60
Диалоги ... 85
Лохматости ... 107

НАШ ВЕРНИСАЖ
Татьяна Дмитриева ... 38

ЛЮДИ И СУДЬБЫ
Екатерина Зотова
Рыцарь русского костюма ... 40

ОСТРАЯ ТЕМА
Александра Вознесенская
Интернет как образ жизни ... 47
Татьяна Подгорная
Плюсы и минусы виртуального общения ... 49
Ирина Позднякова
Виртуальная реальность: личный опыт ... 53

УРОКИ ЖИЗНИ
Николай Дьяченко
Как я помог другу ... 57
Татьяна Подгорная
Начало пути ... 59
Тамара Мурунова
Далёкий близкий человек ... 64

ПРОЗА
Александр Романов
Жизнь как воздух ... 86
Татьяна Князева
Учредительное собрание ... 94

Отпечатано в полиграфическом центре «Алькор-4» (Москва)
Тираж 600 экз.

Вернисаж
Татьяны Дмитриевой
с. 38–39

Фомальгаут – звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звёзд неба! Увидеть её во всём блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет от нас её истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, да и просто – о любом человеке, не нужно совершать далёкого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу – и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.